КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ. *(Продолженіе слѣдуетъ)*. . . . . стр. 263—288

II. СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ. **И. Стрижевскаго** . . . . . 289—308

III. ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. **Д. Вишневскаго.** *(Окончаніе)*. . . . . 309—333

IV. ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ. **Ал. Лазаревскаго.** . . . . . 334—357

V. ВОСПОМИНАНІЯ О ФИРМѢ БРАТЬЕВЪ ЯХНЕНКО И СИМИРЕНКО. **П. Клебановскаго** . . . . . 358—377

VI. АѲАНАСІЙ ЗАРУЦКІЙ, МАЛОРУССКІЙ ПАНЕГИРИСТЪ КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII СТ. **Ор. Левицкаго.** . . . . 378—398

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Лирникъ Василій Морозъ. Сообщ. **Е. Чикаленко.** б) Записка о состояніи Подоліи въ 1843 году. **Мирона.** в) Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. **А. Л.** г) Списокъ докторовъ медицины изъ малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. **Гл. Л.** д) По поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. е) Объявленія о подпискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому. . . . . 79—106

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) В. А. Мякотинъ Крестьянское землевладѣніе въ полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира, подъ редакціей профессоровъ П. В. Лучицкаго и Н. И. Карѣева. **Ник. Басиленка.** б) Харьковскій Коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году. Священника Н. Стеллецкаго. **Ѳ. Титова.** в) В. Антоновича «Археологическая карта кіевской губерніи» (приложеніи въ XV т. «Древности»), изд. Имп. Московск. Археологич. Общ. **Н. Б.** г) В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. «Древности»). Изданіе Императорскаго Московск. Археологическаго Общества. **П. Г.** . . . . . 107—134

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ концѣ книги)*. . . . . 1—6

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (241—256,

Дозволено цензурою Кіевъ 5 марта 1896 года.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

Письмо 12-е.

У насъ дождь и слякоть—днемъ и ночью, при южномъ вѣтрѣ. Мож. быть, и поэтому противъ непріятелей ничего не предпринимаютъ. Противъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ идутъ у непріятелей работы, батареи дѣйствуютъ, не тратя впрочемъ снарядовъ напрасно. Непріятельскія батареи больше молчатъ. Сегодня утромъ очень удачно открытъ былъ огонь съ 4 бастіона по франц. траншеѣ. Стоны и крикъ раненыхъ даже слышны были на бастіонѣ нашемъ. Въ этомъ пунктѣ франц. траншея только въ 60 саж. отъ нашего бастіона. Все заставляетъ ожидать штурма. Толки объ этомъ у насъ разные. Думаютъ, что этотъ штурмъ долженъ быть сдѣланъ только для примѣра, чтобы сказать потомъ, что ими все сдѣлано, что только нужно было предпринять для взятія Севастополя; въ самомъ же дѣлѣ мысли непріятелей на обратномъ пути во-свояси. Впрочемъ, для этого мало пароходовъ, которыхъ большая часть въ разбродѣ. Кораблей же 9 уведено въ Константинополь послѣ 5 окт., и 8 уведено туда же послѣ 2 нояб. Вообще же, судя по времени года, обратное плаваніе непріятельской крымской экспедиціи считаютъ столько же для ней опаснымъ и погибельнымъ, какъ и отчаянный штурмъ, на который бы они рѣшились. Еще полагаютъ,

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1896 г., № 2.

что непріятели ожидаютъ только разрѣшительныхъ депешъ отъ своего правительства, чтобы поскорѣй пуститься во-свояси.— Морозовъ еще нѣтъ, но отъ самой сырости очень холодно. Непріятели потребили на топливо всю растительность, и наконецъ нечѣмъ согрѣться. Теперь рѣдко еще замѣтенъ огонекъ въ лагерѣ, тогда какъ въ первые дни бывало сильное освѣщеніе.

Къ намъ еще идетъ 16 запасныхъ баталіоновъ, которые будутъ къ 20 нояб., и 24-ре гренадерскихъ баталіона.

Въ продовольствіи большой скудости не чувствуемъ. А малыя нужды не чувствительны при одномъ представленіи великаго времени, въ которое Господь поставилъ насъ.

Объ о. Геронтіѣ и монастырѣ нѣтъ и нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Не знаемъ, что и думать о ихъ положеніи.

Вчера возвратился домой преосв. митрополитъ Агаѳангелъ. Онъ здоровъ. На вопросъ мой: почему не ѣхали, напр., въ Корсунь? онъ отвѣчалъ, что старъ, могу заболѣть; а гдѣ тамъ взять медика? Притомъ глухъ, не буду слышать, что дѣлается.

5 нояб. козаки принесли изъ Херсонеса крестъ запрестольный и южную дверь, которая лежала на полатяхъ. Въ церкви не нашли даже половъ, все разорено нечестивыми на топливо. Будь тамъ кто либо изъ братіи, мож. быть этого и не случилось. О. Сергій [1]) хотѣлъ остаться, но о. Василій [2]) не позволилъ.

Кладбищная церковь, благодареніе Богу, еще въ совершенной цѣлости.

Болѣе ничего особеннаго нѣтъ. Выжидаютъ, наблюдаютъ, предполагаютъ—только въ настоящіе послѣдніе дни видимъ и слышимъ. Усиливаютъ батареи и берутъ другія мѣры противъ ожидаемаго штурма.

Паче мысли всѣхъ сосредоточены въ надеждѣ на Бога.— Смиреннѣйше благодарю; но мои труды, чувствую, далеко меньше Вашей милости и ходатайствуемой награды. Развѣ по слову: *идѣже пріумножися грѣхъ, тамъ преизбыточествова благодать?*

---

[1]) Іеромонахъ.

[2]) Тоже Іеромонахъ Херсонес. скита, его устроитель.

Говорятъ, что на нашей почтѣ письменная корреспонденція—приходящая и отходящая просматривается.

12 нояб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 13-е.

13 ноября весь день былъ мокрый; съ полдня густый дождь. Слѣдствіемъ сего въ продолженіи всего дня ни однимъ выстрѣломъ не былъ нарушенъ рѣдкій нашъ покой. 14-е ноября весь день свѣтлый: непріятели наши, кажется, старались вознаградить опущеніе прошедшаго дня. Но больше теперь заняты работами, чѣмъ бомбардированіемъ, которое можно назвать не болѣе, какъ обороною отъ нашихъ батарей. 15-е и 16-е ноября дни пасмурные и мокрые, и опять непріятели ведутъ себя тише. Раненыхъ въ продолженіе дня бываетъ весьма мало: иногда всего два. Сегодня день пасмурный, вѣтеръ сѣверный, но еще не сильный; снѣга, а съ нимъ и зимы, у насъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Въ приходѣ непріятельскихъ судовъ, кромѣ парохода и транспорта, не замѣчено. Отходятъ, или, м. б., передвигаются чаще. Сегодня съ Бельбекской стоянки снялось два большихъ корабля, такъ что теперь всего тамъ видно 7-мъ судовъ. Не собираются ли въ обратный путь?

Можно думать, что не предпримутъ ли чего противъ Севастополя завтра, или послѣзавтра. 18-го ноября день Синопской побѣды; о важности для насъ этого дня непріятелямъ также извѣстно.

На сѣверной сторонѣ нашей устроены батареи, обращенныя на городъ, въ случаѣ онъ могъ бы быть взятъ непріятелемъ. Хотя одна мысль о такой возможности страшна, но все же эта мѣра необходимая. Въ Инкерманѣ, выше киновіи, и у сѣверныхъ маяковъ тоже устроены батареи. Говорятъ, что о. Иннокентій [1]) выбрался изъ скалы въ домъ генеральши. Сообщеніе трудно; не могу знать этого навѣрно.

---

[1]) Іеромонахъ Инкерманскаго скита.

14-го ноября, въ воскресенье, великіе князья были въ обѣдни въ Михайловской церкви уже съ Георгіевскими крестами, полученными за 24-е октября. О другихъ наградахъ еще не слышно.

О. Николай Сиземскій опять отправляется чрезъ Бакчисарай въ Симферополь къ семейству. Онъ намѣренъ просить въ Бакчисараѣ преосвященнаго Поликарпа командировать его къ Симферопольскому собору, гдѣ есть праздное мѣсто. У насъ кружка почти пуста; служимъ ежедневно, но развѣ проходящіе солдаты или офицеры забѣгутъ въ церковь на время; нашъ же собственный приходъ выѣхалъ. Потому, хотя большой дороговизны и нѣтъ, но мы вынуждены, съ разрѣшенія Вашего, прибѣгать къ вспоможенію церковному. Впрочемъ, все заставляетъ думать, что нашему горю скоро послѣдуетъ конецъ, и конецъ добрый.

Мы и сегодня (среда) не получили почты, которая обыкновенно приходитъ въ субботу.

Войска на прежнихъ позиціяхъ. Князь Меньшиковъ на пароходѣ „Громоносецъ“. Вчера посылалъ какую-то бумагу Лорду Раглану. Великіе князья квартиру имѣютъ по-прежнему на сѣверной сторонѣ.

Болѣе ничего особеннаго не знаю для сей почты.

Предаемъ себя въ волю Божію. Много могутъ о насъ Ваши святыя молитвы, коихъ просимъ и на кои надѣемся.

Объ о. Геронтіѣ и доселѣ ничего не знаю.

17-е ноября 1854 г. г. Севастополь

Письмо 14-е

18 ноября прошло для насъ тихо и мирно, какъ нельзя лучше. О Синопской битвѣ ограничились только воспоминаніемъ, и кто могъ, обмѣнялся дружественными привѣтствіями; но веселія или празднества нигдѣ никакого, потому конечно, что непріятель подъ стѣнами.

Не весело и непріятелямъ отъ столь долгаго безуспѣшія и наступившихъ непогодъ. Уже перебѣгаютъ къ намъ и англичане отъ крайней нужды, ими терпимой. Они, забывъ стыдъ, м. б.

рады и бросить своихъ друзей. Но двѣ франц. дивизіи, говорятъ, отодвинулись къ Балаклавѣ, именно для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями искреннихъ союзниковъ. Французы отодвинули свои иностранные легіоны также потому, что изъ нихъ стали часто перебѣгать къ намъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ, по показанію плѣнныхъ, очень много больныхъ и умираютъ отъ холеры и цынги. На вопросъ: отчего они теперь мало палятъ? отвѣчали: „едва успѣемъ открыть огонь, какъ орудіе бываетъ подбито". Начальство обѣщаетъ повести ихъ на штурмъ 10 дек. (по нашему 26 ноябр.); но мы, говорятъ, не вѣримъ, ибо уже много разъ обѣщали. Вообще ропотъ въ войскѣ и несогласіе между начальствомъ.

Спаслись изъ плѣна два солдата Бутырскаго полка. По ихъ словамъ, непріятели сильно окапываются потому, что ежеминутно ожидаютъ нашего нападенія.—Но со стороны нашей этого не будетъ. Кажется, ожидаютъ, что речетъ о врагахъ Господь, и тогда ударятъ на нихъ. Довольно уже они убиты дождями и грязью, въ которой валяются, особенно въ траншеяхъ, гдѣ ихъ бьютъ весьма удачно. Что же будетъ, когда подуютъ сѣверные вѣтры, хотя на нѣсколько дней. Вчера и сегодня дождь; ночью тоже. Въ продолженіе всей ночи на 19 число была сильная пальба съ 4 и 5 бастіоновъ. Работы непріятельскія никакъ не могутъ идти впередъ.

Вообще надѣемся, что помощь наша отъ Господа скоро пріидетъ.

Замѣчательны въ военное время игры мальчишекъ. Идемъ, кричатъ, на батарею. На улицѣ строятъ изъ камушковъ брустверъ, и затѣмъ начинаютъ бросать другъ въ друга грязью, случается, и камушкомъ. Мнимо убитъ или раненъ кто, кричатъ: „носилки".

Оригинальнѣе было представленіе Синопскаго сраженія, вскорѣ послѣ того, какъ флотъ возвратился изъ Синопа. Собралось мальчишекъ 50, избрали мѣсто за корабельной слободой, раздѣлились на русскихъ и турокъ, избрали начальниковъ—Нахимова и Османа-Пашу, и вступили въ бой. Турки были разбиты, и ихъ вогнали въ городъ. Они скрылись въ ближайшій

дворъ, гдѣ не случилось никого въ домѣ. Нахимовцы хотѣли вполнѣ представить Синопскую картину и уже готовили пожаръ. Только перебили стекла и сожгли на 70 р. книгъ, принадлежавшихъ квартировавшему тамъ медику. Болѣе не успѣли; остановила полиція, въ которой объ этомъ происходили судъ и расправа. Нахимку, который разбилъ Османкѣ голову, и его храбрѣйшихъ сподвижниковъ больно высѣкли.

Еще инымъ образомъ жизнь военнаго времени проявляется: о. Лазарь [1]) 5 сего ноября узнаетъ, что въ приходѣ его явилась икона, что тамъ толпы народа и іеромонахъ служитъ молебны. Приходитъ и застаетъ тамъ даже часоваго съ ружьемъ. На вопросъ: откуда взялась эта икона? матроска отвѣчала: не знаю; я встала утромъ, а икона тутъ стоитъ. О. Лазарь взялъ икону и денегъ при ней 36 р. с. Еще не успѣлъ онъ оттуда уйти, какъ приходитъ старикъ—рабочаго экипажа офицеръ посмотрѣть икону, о которой уже слышалъ, какъ явленной, и представьте, узнаетъ въ ней свою икону, которую оставилъ въ своемъ полуразрушенномъ отъ бомбардировки домѣ.—Понятно, что ее украли и выдали за явленную.

19 ноября 1854 г. Севастополь.

Письмо 15-е.

Положеніе наше не измѣнилось. 20-е нояб. ознаменовано по крайней мѣрѣ небольшимъ успѣшнымъ дѣломъ: 80 челов. охотниковъ на разсвѣтѣ напали на англ. траншею, въ которой было 200 англичанъ; закололи изъ нихъ 30 и принесли 12 штуцеровъ. Потеряли одного только убитаго, котораго тѣло принесли домой. На другое утро охотники положили еще 20 челов. на англійской батареѣ и принесли 2 штуцера. На франц. траншею нападеніе было неуспѣшно, но безъ всякой потери.

Въ плѣнъ продолжаютъ перебѣгать какъ англичане, такъ и французы. Они говорятъ и нелѣпости, напр., что ожидаютъ подкрѣпленія въ 500.000. Другіе показываютъ, что намѣрены зимовать, а иные, что только сожгутъ нашъ флотъ и уйдутъ.

---

[1]) Священникъ Владимірской церкви.

21 нояб. прибылъ къ намъ генералъ Дм. Ерофеичъ Сакенъ, что всѣхъ обрадовало. Говорятъ, что онъ присланъ на мѣсто Даненберга, котораго обвиняютъ за 24-е октября. Не совсѣмъ довольны княземъ Горчаковымъ, командиромъ 6 корпуса.

Вчера и сегодня не было дождя. Не установится ли погода и не предпримутъ ли чего противъ непріятелей? Траншеи ихъ уже вездѣ близко. Городъ перестали безпокоить. Жители понемногу возвращаются въ свои жилища. Даже краснорядцы открываютъ свои лавки. Все показываетъ время лучшее, хотя, кажется, не миновать намъ штурма, которому, безъ сомнѣнія, будетъ предшествовать бомбардировка тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ ближе теперь подвинуты траншеи. Господь великій избавитъ насъ и отъ сей напасти, какъ избавилъ отъ первой. Ихъ Высочества продолжаютъ въ праздники посѣщать ту же адмиралтейскую Михайлов. церковь, въ которой впрочемъ большая неурядица. 20 числа говорилъ проповѣдь свящ. Эланскій, находящійся въ запрещеніи богослуженія. Никто этого не одобряетъ. В. князья впрочемъ пожаловали уже послѣ проповѣди этой. 21 числа служили безъ діакона. Два раза въ присутствіи в. князей служилъ тамъ—кто-же? діаконъ Недужковскій. Какъ скоро я узналъ о семъ, воспретилъ.—И это не по нуждѣ въ діаконѣ, а потому, что діаконъ служилъ съ настоятелемъ въ соборѣ, помѣщающемся въ томъ домѣ, который вы изволили посѣщать. Если бы онъ попросилъ моего діакона Василія Подольскаго, я всегда послалъ бы. Но мѣшаться туда не могу и боюсь. Мы всегда служили, прежде и теперь, въ табельные дни молебны въ своей церкви. Преосвящ. митрополитъ здоровъ и въ Михайлов. церкви видѣлся съ вел. князьями, которые между прочимъ спрашивали, не знаетъ ли чего о положеніи Георгіевскаго монастыря, ибо и они ничего объ немъ не знаютъ.

Въ Бакчисарайскомъ соборѣ преосв. Поликарпъ замѣтилъ большой безпорядокъ, о чемъ писалъ и мнѣ. Пока самъ не могу туда поѣхать, ничего не могу сдѣлать. Ибо на о. Спиранде нельзя дѣйствовать письмомъ. Онъ удивительно прехитро отписывается. Онъ ничего не знаетъ, ничего не видитъ; его всѣ обманываютъ, не слушаютъ, онъ ни за что не отвѣчаетъ, онъ старъ.

23 нояб. 1854 г. Севастополь.

Письмо 16-е.

24-е нояб. Въ ночь на сіе число охотники, выгнавъ англичанъ, завладѣли ихъ траншеей, въ которой съ намѣреніемъ держались и днемъ, чтобы болѣе обезкуражить ихъ.

Въ 2 ч. по полудни пароходы „Владиміръ“ и „Крымъ“ неожиданно для непріятелей вышли за фарватеръ и открыли огонь по непріятельской брандвахтѣ и также по пароходамъ, стоявшимъ въ Стрѣлецкой бухтѣ. Стрѣляли и въ лагерь и произвели въ немъ большую тревогу, которою воспользовался одинъ французъ и перебѣжалъ къ намъ. Наши пароходы не прежде пошли на рейдъ свой, какъ когда противъ нихъ вышло пять непріятельскихъ. Полагаютъ, что пароходу, стоящему на брандвахтѣ, нанесли большой вредъ. Не безъ поврежденій и другому пароходу. У насъ на одномъ „Владимірѣ“ сбита стеньга.

25-е ноября. Ночью вырѣзали изъ англ. цѣпи 6 дюжихъ великобританцевъ и привели невредимыхъ въ городъ.

Днемъ приходилъ непріятельскій пароходъ подъ переговорнымъ флагомъ. На немъ доставленъ нашъ артилерійскій капитанъ въ обмѣнъ на англ. офицера знатной фамиліи, и какія-то бумаги. При этомъ случаѣ адмиралъ Лейносъ прислалъ коробку сигаръ адмиралу Истомину, своему старому и доброму знакомому. Не потому ли съ сею мамоною прибѣгаютъ къ старымъ друзьямъ, что предчувствуютъ свое оскудѣніе и помышляютъ о кровѣ?

25-го же получилъ я изъ Симферополя пакетъ отъ преосв. Поликарпа, съ требованіемъ увѣдомленія о преосв. Агаѳангелѣ, о которомъ пронесся тамъ слухъ, будто бы онъ умеръ. Отвѣтъ, какъ требовалъ преосвященный, посланъ по эстафетѣ, что митрополитъ живъ, здоровъ и не хворалъ. Удивительно, какъ неосновательные иногда разносятся слухи. Между тѣмъ этотъ слухъ задержалъ преосвящ. Поликарпа, который, въ случаѣ правды, считалъ нужнымъ прибыть для погребенія.

25-го же числа я получилъ отъ васъ бумаги о Крестовоздвиженской общинѣ и назначеніи меня къ оной духовникомъ. Могу обѣщать усердіе, а не способности, которыя вамъ извѣстны

и которыми никогда не похвалюсь. Докторъ Пироговъ [1]), какъ слышу, на сѣверной сторонѣ. Я буду у него не медля. Отецъ Иннокентій, какъ сегодня узналъ я, уже въ Бакчисараѣ. Повидавшись съ Пироговымъ, тогда уже буду требовать его.

О іеромонахахъ Іоанникіѣ и Пахоміѣ я не писалъ вамъ 1-е потому, что не хотѣлъ въ тоже время оскорбить васъ вѣстію о нихъ; 2-е видѣвши самъ какъ того, такъ и другаго въ самомъ томъ неприличномъ дѣйствіи ихъ, о которомъ дошелъ слухъ до васъ, я усмотрѣлъ, что это неприличіе болѣе произошло отъ ихъ невѣжества, чѣмъ отъ нетрезвости, которую можно было только примѣтить, не соблазняясь ею. Іоанникій 14 окт., въ епитрахили и съ крестомъ въ рукѣ ходилъ по батареямъ приглашать охотниковъ на вылазку, съ вѣдома и согласія на то, по его словамъ, адмирала Истомина. Я видѣлъ его уже возвращающимся къ своему посту, и когда замѣтилъ ему, что по городу ходить такъ не должно, онъ тотчасъ же снялъ епитрахиль, въ которую положилъ и крестъ. Потомъ слышалъ объ немъ, что онъ очень любимъ командой, съ которой всегда даже у орудій, и ходилъ недавно на вылазку, рекомендуется адмираломъ Истоминомъ и представленъ къ наградѣ, кажется, къ ордену. Это Іоанникій старый. Послѣ сего, думаю, неудобно высылать его въ Одессу. Объ Іоанникіѣ младшемъ (что изъ скита) слышалъ, что онъ вздумалъ поднести на батареѣ просфору вел. князьямъ. Опять неумѣстный поступокъ отъ невѣжества, и всего подобнаго нельзя предусмотрѣть.

Пахомія привелъ ко мнѣ о. Іовъ. Онъ былъ въ ризѣ, епитрахили и поручахъ; въ одной рукѣ крестъ, въ другой кропило. Откуда? Съ бастіона, на который былъ приглашенъ для молебствія. О. Іовъ свидѣтельствовалъ, что онъ ходилъ по домамъ, а тотъ объяснялся, что его пригласили съ дороги. Почему вы не разоблачились на бастіонѣ? Потому, что я облачился на фрегатѣ, съ котораго такъ шелъ и на бастіонъ. Почему же такъ дѣлаете? Я полагалъ, что по настоящему времени такъ приличнѣе. Разоблачитесь здѣсь же, и впредь такъ не дѣлайте! Слу-

[1]) Н. И. Пироговъ—знаменитый хирургъ и педагогъ, бывшій потомъ попечителемъ сначала Одесскаго, а потомъ Кіевск. учеб. округа.

шаю,—и сейчасъ разоблачился.—Это Пахомій, который былъ прежде въ скиту. Отъ офицеровъ слышалъ я, что это идіотъ какой-то. А я въ его прописанномъ поступкѣ вижу одно невѣжество. Можетъ быть, онъ былъ въ это время и нетрезвъ, какъ свидѣтельствовалъ Іовъ; но крайней мѣрѣ видомъ своимъ онъ не могъ никого обмануть. Его можно выслать, и я объявлю ему приказаніе Ваше. Благочинному ихъ іеромонаху Михаилу (онъ на кораблѣ „12-ти Апостоловъ“) напишу, чтобы онъ именемъ Вашимъ подтвердилъ всѣмъ вести себя вездѣ благопристойно.

26-е нояб. Сегодня день Вашего ангела, что было для насъ сугубымъ побужденіемъ къ усердной молитвѣ о Вашемъ здоровьѣ.

Сегодня и кавалерственный день св. Георгія. Всѣ кавалеры этого ордена отъ генерала до нижняго чина были на литургіи и молебнѣ въ Михайлов. церкви. Были вел. князья. Пріѣзжалъ Сакенъ и даже Липранди. За два дня предъ симъ роздано штабъ и оберъ-офицерамъ, защитникамъ Севастополя, 22 знака этого ордена. Всѣхъ орденовъ по флоту и арміи князь подписалъ 70, но больше, говорятъ, приходится на флотъ.

Вчера и сегодня день тихій и ясный. Больше не тревожатъ насъ выстрѣлы, только ближайшіе, и то изрѣдка. Отъ бомбъ мы покойны.

По расположенію 4-го бастіона, у меня имѣютъ дневной пріютъ офицеры, изъ нихъ одинъ близкій родственникъ Станюковичу, а другой генералу Философову. Чрезъ ихъ посредство и частое свиданіе съ этими старшинами я стараюсь узнавать, что гдѣ нынѣ дѣлается, а между тѣмъ свѣдѣнія весьма малы и письма мои по неволѣ пустоваты. Часто проходитъ нѣсколько дней безъ всякихъ особенныхъ фактовъ: что вчера, то и сегодня.

26 ноября 1854 г., Севастополь.

Письмо 17-е.

27-е нояб. День пасмурный. Въ бомбардированіи ничего особеннаго. Слышны по временамъ одни наши выстрѣлы, ночью весьма часто.

Былъ на сѣверной сторонѣ съ намѣреніемъ повидаться съ докторомъ Пироговымъ, но не нашелъ его тамъ. Сказали, что дней 5, какъ онъ уѣхалъ въ Симферополь, гдѣ, вѣроятно, будетъ ожидать пріѣзда сестеръ. Слѣдовательно, онъ прежде выѣхалъ, чѣмъ я получилъ отъ Васъ бумагу объ этомъ.

Не могу не сказать о приключеніи со мною при переправѣ на Сѣверную сторону. Уже я вышелъ изъ шлюбки и шелъ по этому узкому деревянному мосту, какъ волъ, бывшій въ телѣгѣ, вдругъ поворачивается и столкнулъ меня въ воду. Къ счастію было не глубоко, только въ поясъ. Благодареніе Богу, не уронилъ и Св. Даровъ, ибо вмѣстѣ я приглашенъ былъ на батарею № 4 для пріобщенія больного офицера и для служенія въ этой небольшой офицерской больницѣ молебна. Дѣло я исполнилъ, но пока въ мокромъ бѣльѣ я возвратился домой, чувствительно простудился.

28-го нояб. Воскресенье. День пасмурный, но теплый. Въ бомбардированіи ничего особеннаго. Взятый въ плѣнъ англичанинъ объяснилъ. что на новой траншеѣ намѣрены поставить 50 орудій для дѣйствія по рейду, чтобы сжечь флотъ, чѣмъ ограничиваются всѣ ихъ усилія.

Вел. князья обѣдню слушали въ Михайловской церкви. Потомъ сходили на зданіе библіотеки для разсмотрѣнія окрестностей и лагеря непріятельскаго, потомъ посѣщали могилу адмирала Корнилова, вмѣстѣ и Лазарева.

Генералу Сакену ввѣрено начальство надъ войсками, въ городѣ находящимися, слѣдовательно и защита города. Всѣ чрезвычайно рады этому.

29-е нояб. День теплый, настоящій лѣтній. О близости непріятелей даютъ знать только наши выстрѣлы пушечные. Непріятели ограничиваются штуцернымъ огнемъ.

Сегодня изъ устъ въ уста переходила радостная вѣсть о дѣлѣ, бывшемъ на Тихомъ океанѣ у Петро-Павловскаго форта, въ которомъ участвовали два нашихъ фрегата „Діана“ и „Аврора“. Эта вѣсть прислана отъ Нессельроде къ князю Меншикову въ подлинномъ донесеніи. Непріятельскихъ судовъ было

въ дѣлѣ 6, и всѣ сильно пострадали. Прежде дѣла ими захвачено наше одно судно, которое шло противу шести.

На Сѣверной сторонѣ Севастополя нѣтъ болѣе ни одного непріятельскаго корабля, всѣ перешли къ Херсонесу или на южную сторону.

29-е нояб. Былъ у меня благочинный флотскихъ монаховъ, игуменъ Георгій. Я видѣлъ его въ первый разъ. Это почтеннѣйшій старецъ, который однимъ видомъ своимъ внушаетъ уваженіе. Онъ передалъ мнѣ, что добрая ихъ братія крайне опечалена дошедшимъ до Васъ слухомъ о двухъ непорядочныхъ. Объ Іоанникіи онъ того же мнѣнія, что высылать его теперь неудобно, какъ я уже писалъ. Пахомія обѣщалъ прислать для отсылки, но онъ еще не являлся. Много онъ жаловался на бѣдное положеніе многихъ изъ братіи. Я далъ ему совѣтъ: писать Вамъ каждую недѣлю какъ о нуждахъ своихъ, такъ и о поведеніи и дѣйствіяхъ братіи, такъ какъ онъ, за отсутствіемъ настоятеля, есть представитель своей братіи.

30-е нояб. Сегодня день также теплый. Ночью, въ 12 ч., сдѣлана удачная вылазка изъ 4-го бастіона. Охотниковъ было около 300 челов. козаковъ, матросовъ и армейскихъ. Напали на франц. траншею, изъ которой взяли 3 мортиры, 11 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2 офицеровъ, перекололи до 100, своихъ потеряли 4, и до 30 ранено. Это есть уже начало распоряженій Сакена.

Вы получите отъ генерала Станюковича представленіе обо мнѣ и Демяновичѣ. Онъ присылалъ ко мнѣ довѣреннаго штабъ-офицера узнать форму отношеній къ высшей духовной особѣ, и приказалъ объявить мнѣ, что имѣетъ писать. Форму я сказалъ и просилъ благодарить адмирала за вниманіе.

Пронесся слухъ о монастырѣ (Георгіевскомъ) и его братіи: служеніе пріостановлено за нуждою, всѣхъ свели въ одну комнату и кормятъ одними галетами, угрожая въ случаѣ неудовольствія отправить на Аѳонъ. Это будто разказывалъ какой-то мужикъ, оттуда бѣжавшій.

30 ноября 1854 г., Севастополь.

Письмо 18-е.

1 Декабря. Непріятели, вѣроятно, раздраженные нашею удачною вылазкою 13 ноября, бросали бомбы въ городъ днемъ и ночью. Видна была месть, ибо въ продолженіе уже почти мѣсяца мы бомбардированія значительнаго не испытывали, хотя и этотъ феноменъ въ нашей жизни нельзя назвать важнымъ. День былъ сухой и теплый.

2-е Декабря. Отъ вчерашняго дня раненыхъ и убитыхъ было больше обыкновеннаго. Непріятели опять замолкли. День съ утра пасмурный; послѣ обѣда дождь и ночью тоже. По секрету говорятъ о предположенномъ на 5-е декабря, по плану генерала Сакена, большомъ нападеніи на непріятелей. Генералъ Липранди оставилъ редуты имъ отнятые, но непріятели боятся и подходить къ нимъ, вѣроятно, изъ опасенія взлетѣть на воздухъ. Онъ перешелъ съ бригадою Черную рѣчку,—вѣроятно, для усиленія войскъ, на сѣверѣ Севастополя расположенныхъ.

Сегодня прибылъ о. архимандритъ Митрофанъ и пока расположился у меня. Главные госпитали на Сѣверной горѣ, и ему придется тамъ водворяться. Былъ онъ у адмирала Станюковича, который просилъ обождать пріѣзда самихъ сестеръ и Пирогова, тогда уже можетъ послѣдовать надлежащее распоряженіе. Сестры—первый ихъ поѣздъ,—какъ слышно, въ Симферополѣ уже. Если о. архимандритъ будетъ на сѣверной, то мнѣ лучше оставаться и служить при больныхъ въ городѣ, если мое назначеніе не отмѣняется назначеніемъ о. архимандрита, о которомъ Вы не изволили ничего написать мнѣ, равно и ему обо мнѣ. Обстоятельство это становится для меня вопросомъ, потому что въ бумагѣ г. Оберъ-Прокурора, которой копію Вы изволили прислать, просятъ о назначеніи только одного лица къ Общинѣ.

3-е Декабря. Дождливо, со стороны непріятелей довольно спокойно. Великіе князья уже изволили отслушать о путешествіи молебенъ и сегодня отправляются въ Петербургъ, обѣщая къ новому году возвратиться. Говорятъ, что ихъ пожелала видѣть Государыня Императрица, якобы нездоровая. Были для прощанья въ госпиталяхъ и на бастіонахъ.

За честеръ и сигары послали англійскому адмиралу дикую козу съ присовокупленіемъ, что вчера были на охотѣ и вотъ вамъ гостинецъ.

В. князья оставили своихъ адьютантовъ и багажъ, слѣд. возвратятся. Императрица будто бы очень больна, почему и пожелала видѣть дѣтей.

Третьяго дня, при встрѣчѣ со мною, адмиралъ Станюковичъ нѣкоторымъ образомъ извинялся, что онъ не приглашаетъ в. князей въ Петропавловскую церковь, потому именно, что она подвержена непріятельскимъ выстрѣламъ.

Михайловскую церковь 29 ноября обворовали. Воровство денегъ случилось въ 6-мъ часовъ вечера. Двери и окна цѣлы, кромѣ одного стекла, куда не можетъ пролѣзть человѣкъ. Воръ долженъ быть свой.

Еще продолжаетъ идти дождь, 3 часа по полудни.

О. архимандритъ представлялся графу Сакену, который при этомъ просилъ его о назначеніи іеромонахомъ на перевязочные пункты, гдѣ они доселѣ хотя и были, но непостоянно.

3-е Декабря 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 19-е.

4-е Декабря. Всю ночь шелъ дождь. При сѣверномъ вѣтрѣ утромъ дождь обратился въ снѣжную крупу. Къ полдню прояснилось, потомъ опять дождь. Выстрѣлы слышны было только изрѣдка, кромѣ ночи, когда обыкновенно они чаще какъ изъ пушекъ, такъ и штуцеровъ.

Генералъ Сакенъ призывалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ священниковъ и просилъ ихъ объ усердномъ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей

5-е Декабря. На 4-мъ бастіонѣ убитъ лейтенантъ штуцерной пулей въ лобъ.—Съ телеграфа замѣтили, что съ песчаной бухты прошло къ французскому лагерю 500 вьючныхъ лошадей и человѣкъ 300 кавалеристовъ. Винтовой корабль привелъ на буксирѣ трехъ-мачтовое судно, вѣроятно, съ частію дéссанта.

День весь пасмурный. Въ ночь на 6-е декабря не умолкала усиленная пальба.

6-е Декабря. Большой вылазки, о которой за нѣсколько дней были слухи, не было. День былъ тихій и отъ непріятелей довольно спокойный. Начальство слушало литургію и молебенъ въ Михайловской церкви. Въ своей Петропавловской мы служили соборно съ о. архимандритомъ. Утромъ всѣ священники и іеромонахи были заняты служеніемъ молебновъ на бастіонахъ, батареяхъ и казармахъ, въ госпиталяхъ и вездѣ призывали въ помощь великаго угодника Божія Николая. Я служилъ молебенъ на 10-й батареѣ, что надъ карантинной бухтой противъ Херсонеса, и видѣлъ церковь Херсонесскую, которой зданіе еще кажется цѣлымъ. Непріятельскихъ 4-ре парохода стояли внѣ пушечнаго выстрѣла. Командиру сей батареи, капитанъ-лейтенанту Андрееву, который уже былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ отъ главнокомандующаго, в. кн. Константинъ Николаевичъ прислалъ этотъ орденъ съ своей груди, при собственноручномъ письмѣ.

Удивила всѣхъ награда, Высочайше пожалованная вице-адмиралу Новосильскому, начальнику дистанціи между 3 и 5-мъ бастіономъ. Онъ былъ представленъ къ Владиміру 2-й степени, между тѣмъ какъ онъ не имѣлъ еще ни одного ордена 1-й степени. Не знаютъ, какъ и понимать эту небывалую награду. Контръ-адмиралы Панфиловъ и Истоминъ получили Георгія 3-й степени. Нахимову, какъ думаютъ, будетъ адмиральскій чинъ.

7-е Декабря. Послѣ дождя ночью, день свѣтлый и теплый. Удивительно, что доселѣ къ намъ не приходитъ зима весьма нужная. Со стороны непріятелей ничего особеннаго. Съ полей Евпаторійскихъ тоже ничего особеннаго не слышно. Всѣ проѣзжающіе жалуются на теперешнюю Крымскую дорогу, отъ чего почты удивительно запаздываютъ. На одной станціи есть лошади, но нѣтъ ямщиковъ, на другой ямщики безъ лошадей. Но особенно трудна дорога отъ Симферополя до Севастополя. Павшими лошадьми и брошенными экипажами весь путь заваленъ.

Въ терпѣніи не оскудѣваемъ и продолжаемъ молиться ежедневно. Пусть мы и недостойные молитвенники. Не отмститъ

ли Господь насъ отъ соперниковъ нашихъ покрайней мѣрѣ за неотступность нашу?—Обращаемся къ Вашимъ св. молитвамъ, которыми Вы не оставите насъ.

(Число неозначено.)

Письмо 20-е.

8-е Декабря. Со стороны непріятеля ничего особеннаго. Радовались мы пришедшей вѣсти, что Австрія и Пруссія объявили, наконецъ, формальный свой нейтралитетъ въ настоящей войнѣ, и что вслѣдствіе сего цѣлый корпусъ отъ князя Горчакова назначается въ Крымъ, чтобы скорѣе рѣшить вопросъ здѣсь, а потомъ съ весной идти чрезъ Дунай, что армія кн. Горчакова пополняется войсками, стоявшими на западной нашей границѣ, теперь безопасной.

9-е Дек. Въ два часа ночи на сіе число сдѣлана была изъ бастіона удачная вылазка на англичанъ. Охотники наши, коихъ было около 300 челов., выбивъ непріятелей изъ первой траншеи, гнали ихъ до третьей и возвратились съ успѣхомъ. Плѣнныхъ привели 26 нижникъ чиновъ и 4 офицера, принесли 26 штуцеровъ, каждый почти охотникъ возвратился съ англійскою обновкой. Убитыхъ непріятелей не считали. Нашихъ потеря убитыми и ранеными незначительна—23 челов., но убитъ одинъ морской офицеръ. Стоя у церкви, мы съ о. Митрофаномъ [1]) были свидѣтелями огня, сугубо сильнаго отъ темноты ночи. Одновременно была сдѣлана вылазка и съ 5 бастіона, о которой узнали уже утромъ. Оттуда привели въ плѣнъ 31 француза. Тамъ вылазкою, по показанію плѣнныхъ, навели ужасъ и они, дрожа, идутъ на ночь въ траншею. Послѣ каждой вылазки, бывающей обыкновенно въ полночь, всѣ войска непріятельскія до разсвѣта находятся подъ ружьемъ. Въ ночь—на 6 декабря, полагая, что мы захотимъ чѣмъ-нибудь ознаменовать этотъ день, вся армія въ продолженіе всей ночи была подъ ружьемъ. Значитъ, вылазки полезны.

---

[1]) Архимандритомъ—настоятелемъ Корсунскаго монастыря.

До половины дня опять свѣтло и стало уже очень сухо. Но съ полдня и всю ночь не переставалъ дождь. Вѣтеръ не большой—то южный, то западный.

Мстя за вылазку, сегодня достаточно бросили бомбъ въ городъ.

10-е дек. Весь день дождь, къ вечеру вѣтеръ свѣжій—западный. Батареи стрѣляли весьма рѣдко, а ночью, можно сказать, молчали. Попавшійся въ плѣнъ турокъ жалуется на англичанъ, у которыхъ они давно работники только, а не войско. По его же словамъ довольно и татаръ есть въ непріятельскомъ лагерѣ. Они также употребляются на черную работу.

Монахи ропщутъ на меня, будто бы за доносы на нихъ. Іоанникій (что изъ скита) даже жаловался контръ-адмиралу Истомину, представляя меня ябедникомъ. Богъ съ ними! Но больно, когда чернятъ напрасно. Не избавитъ ли меня отъ клеветы присутствіе отца Митрофана?

11-е дек. Пирогова и сестеръ нѣтъ въ Севастополѣ доселѣ. О. архимандритъ пока труждается, какъ начальникъ флотскихъ іеромонаховъ, посѣщая госпитали и наблюдая за дѣйствіями іеромонаховъ, тамъ состоящихъ.

У насъ принималась почта въ пятницу и въ субботу утромъ. Желая имѣть больше что написать, я отложилъ это письмо до утра субботы. Между тѣмъ на этотъ разъ почта уже была отправлена и так. обр. мною безъ намѣренія пропущена.

12-е дек. Воскресенье. Весь почти день шелъ дождь. Предъ вечеромъ падалъ и снѣгъ, но вдругъ и таялъ. Выстрѣловъ почти не слышали, какъ всегда бываетъ при такихъ погодахъ.

По показанію плѣнныхъ англичанъ, въ ихъ лагеряхъ было уже два бунта. Солдаты требуютъ, чтобы вели ихъ на штурмъ, или домой. Имъ обѣщаютъ штурмъ, когда французы доставятъ обѣщанное подкрѣпленіе. Но 1-е—никто не вѣритъ этому обѣщанію; 2-е—еще менѣе вѣрятъ въ успѣхъ штурма. Показываютъ, что англичанъ теперь не свыше 10,000. Отношенія союзниковъ весьма весьма непріязненны.

Слышно, что франц. генералъ Форе хотѣлъ разстрѣлять полковника 42 полка, коего солдаты не умѣли отразить нашей вылазки 9 дек. и позволили даже взять мортиры.

13-е дек. Праздникъ Рожд. Христова у непріятелей. Когда плѣнному франц. офицеру напомнили, что у нихъ сегодня праздникъ, онъ, улыбнувшись, отвѣчалъ, что у нихъ это никого не забавляетъ.

Ночью первый морозъ. День ясный. Пальбы нѣтъ. Къ намъ идетъ 56 баталіоновъ и будутъ къ новому году. Что и когда будетъ вновь предпринято противъ непріятеля, не слышно. Генералъ Липранди съ двумя полками пошелъ на Качу. Высоты Комарскія и путь къ Байдарамъ, говорятъ, свободны для непріятелей. Не понимаютъ такой диверсіи, но послѣ похвалъ въ иностранныхъ газетахъ князю Меншикову, никто уже не порицаетъ главнокомандующаго. Остается допустить здѣсь какую-нибудь высшую хитрость.

14-е дек. Сегодня только я получилъ Ваше письмо отъ 3 дек. Старецъ митрополитъ живъ и здоровъ по старчески. Не было у насъ и поводу къ слуху о его смерти.

Благодареніе Богу, еще не гибнемъ гладомъ; мож. б. придется потерпѣть отъ холода. Всего труднѣе достать дровъ. Денегъ церковныхъ у меня достаточно для предотвращенія нуждъ духовенства, которому и пособляю мѣрою, всячески бережливою. Смиреннѣйше благодарю за Ваше отеческое участіе къ нашему положенію.

Версты [1]) оставались у каменьщика и должны быть цѣлы. Справлюсь, не взяты ли на устроеніе баррикадъ, въ которыя клали все, даже обдѣланный мраморъ. Впрочемъ скалъ Инкерманскихъ не понесутъ непріятели. Версты рано или поздно будутъ въ Одессу.

О парламентерѣ я съ о. Митрофаномъ думалъ уже и совѣтовался кой съ кѣмъ, но намъ совѣтовали прямо обратиться къ кн. Меншикову, что не легко; его трудно застать у себя.

[1]) Разумѣются каменныя версты, видѣнныя на почтовыхъ дорогахъ въ Крыму. Эти каменныя версты преосвященный Иннокентій хотѣлъ имѣть для архіерейской дачи въ Одессѣ.

Завтра побываю у Комовскаго, секретаря его. Ибо посылка парламентеровъ зависитъ непосредственно отъ князя одного.

Отвѣчаю на предложенные Вами вопросы. Одинъ изъ вопросовъ состоялъ въ томъ, почему и отчего непріятели переходятъ съ сѣверной стороны Севастополя на южную и, находясь въ то время между Севастополемъ и княз. Меньшиковымъ, стоящимъ на Бельбекѣ не болѣе какъ съ 15000, не сдѣлали двухъ вещей, кои такъ легко было сдѣлать: повернувъ направо, взять почти беззащитный тогда съ юга Севастополь, повернувъ налѣво и спустившись съ лѣваго берега—разбить князя, вовсе потерявшаго тогда духъ! Отвѣчаю: Эти дни съ 11 по 18 сент. были для насъ самые отчаянные, и Господь видимо и невидимо спасъ насъ, о чемъ никто почти внѣ Севастополя доселѣ не знаетъ; я былъ въ это время въ Бакчисараѣ и вполнѣ видѣлъ и зналъ опасность; о движеніи непріятелей къ Балаклавѣ могу пока отвѣчать слѣдующее. (Что больше узнаю, напишу).

Прежде всего одурачила непріятелей захваченная ими съ мнимымъ секретаремъ депеша князя Меншикова, въ которой главнокомандующій доноситъ Государю, что онъ имѣлъ на Алмѣ авангардное дѣло, что 80000-я армія наша бодра духомъ, что онъ отступаетъ къ сѣверной сторонѣ, но боится за южную, весьма слабую, что потому радъ, что непріятели высадились не тамъ, а близъ Евпаторіи. Тамъ же упомянуто и о совершенной безопасности Перекопа. Секретарь былъ простой писарь, одѣтый во фракъ. Для сообщенія большей важности этой особѣ, ему дано и денегъ 10000 руб., и велѣно съ означенной депешей ѣхать въ Петербургъ. Путь указанъ именно такой, чтобы дилижансъ не могъ миновать непріятельскихъ рукъ. Это была просто татарская утка, приготовленная на вкусъ непріятелей. Вслѣдствіе сего они и моремъ и берегомъ поспѣшили на южную сторону Севастополя, о безоружности которой могли знать и отъ татаръ. Послѣ Алминскаго сраженія наши войска занимали высоты лѣваго берега Бельбека. Главная квартира князя была на Микензіевой дачѣ, не много выше Инкерманской киновіи.

Послѣ Альминскаго сраженія наши войска двинулись тѣмъ же лѣвымъ берегомъ Бельбека къ Бакчисараю, стезями весьма трудными и опасными; а непріятели, лѣвѣе почтовой дороги и выше Инкерманской киновіи, у д. Чоргуна перешли рѣчку, сожегши казенныя казармы на Миккензіевой дачѣ. Нашъ мостъ въ Инкерманѣ былъ предварительно сломанъ, и здѣсь стояли наши пароходы, которые могли сдѣлать переправу невозможною. По сему то киновія оставалась безопасною, пока непріятели не стали на противоположной сторонѣ. Послѣ такого авангарднаго дѣла, какъ Альминское, непріятели не могли броситься на 80000 армію, и м. б. были рады отступленію. Сѣвер. сторона тѣмъ болѣе для нихъ была трудна, что армія наша находилась въ тылу. Перейти на восточную сторону они могли только съ южной. Между тѣмъ въ Балаклавѣ слышатъ, хотя м. б. и не вѣрятъ, что въ Севастополѣ большой гарнизонъ, что городъ укрѣпленъ кругомъ. Между тѣмъ предсмертные часы въ Балаклавѣ или, какъ мнѣ говорилъ Балаклавскій протоіерей Аргириди, и самая смерть Сентъ-Арно, котораго предпріимчивости и отваги не раздѣлялъ старшій по немъ Канроберъ. Все это, а м. б. и многое, намъ неизвѣстное, и обрекло непріятелей на нѣкое бездѣйствіе въ самые опасные для насъ дни. Кромѣ морскихъ командъ, изъ которыхъ только формировались баталіоны и которыя отъ утра до вечера были заняты саперными работами, у насъ только было два-три резервныхъ баталіона. О мѣстѣ пребыванія кн. Меньшикова нѣсколько дней не зналъ самъ Корниловъ. Князь далъ о себѣ знать чрезъ татарина, переодѣтаго въ турка (который получилъ въ Севастополѣ обѣщанную сумму, и когда и здѣсь получилъ бумагу къ князю, то отправился съ нею прямо въ непріятельскій лагерь, но былъ нашими захваченъ). Дѣйствительно, мы были въ видимой опасности, но къ счастью мы этого не чувствовали, кромѣ старшихъ начальниковъ. Утверждали, что непріятели не посмѣютъ броситься на Севастополь, не оградя прежде себя отъ нападенія кн. Меншикова. Но если бы только осмѣлились, то 14 и 15 сент. могли войти въ городъ, можно сказать, церемоніальнымъ маршемъ. Теперь всѣ этого мнѣнія. Видите, Господь защитилъ насъ.

О сестрахъ слышно, будто онѣ всѣ будутъ въ Симферополѣ, за неимѣніемъ у насъ помѣщеній. Но Пироговъ еще не пріѣзжалъ изъ Симферополя.

14 декаб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 21-е.

15, 16 и 17 декабря. Все это время, особенно ночью, со стороны непріятельской (именно отъ французовъ) на 4 и 5 бастіонъ былъ производимъ усиленный огонь. Очень много бомбъ бросали и въ городъ. Имъ отвѣчали тѣмъ же, и съ видимымъ успѣхомъ. Ибо непріятели по часу молчали. Вѣроятно непріятели получили подкрѣпленіе и снарядами: иначе они не были бы такъ расточительны. Корабли приходили и прежде означенныхъ чиселъ. Полученный непріятелями секурсъ показываютъ въ 11 тысячъ. Войска наши, какъ говорятъ, подоспѣютъ къ 22 числу. Если бы Господь помогъ ознаменовать 25 декабря,—день, въ который воспоминается изгнаніе враговъ изъ Россіи въ 1812 г., новымъ, подобнымъ изгнаніемъ ихъ. Но не слышно ни о какихъ планахъ и намѣреніяхъ. Дѣятельными распоряженіями Дмитрія Ероф. Остенъ-Сакена всѣ довольны, и вездѣ говорятъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ живетъ въ вашей квартирѣ, въ домѣ Ал. Мак. Красильникова.

Французы съ турками въ большомъ числѣ напали на нашу штуцерную траншею, гдѣ было только 30 человѣкъ, которые отступили, потерявъ одного раненаго. Непріятелей сейчасъ же выбили залпами изъ мортиръ.

Опять непріятный слухъ о политикѣ Австріи, которая будто бы требуетъ уменьшенія Черноморскаго флота до 6-ти кораблей.

Сейчасъ только возвратился я съ Сѣверной и доставилъ секретарю кн. Меньшикова, дѣйст. ст. сов. Комовскому, письмецо на имя о. Геронтія. Вотъ слово въ слово, что я написалъ: „Христіански совоздыхаемъ вамъ, свободы чающе вамъ, брáтіи и св. обители. Отвѣчайте по крайней мѣрѣ: 1) всѣ ли вы живы и здоровы? 2) не имѣете ли какихъ крайнихъ нуждъ, коимъ, если будетъ это возможно, я имѣю отъ преосвященнаго порученіе

помочь? и 3) совершается ли у васъ Богослуженіе? — Утѣшаяй насъ съ вами Богъ!" Секретарь сказалъ мнѣ, что, по докладѣ его свѣтлости, письмо непремѣнно будетъ отослано по принадлежности, равно и отвѣтъ, когда будетъ полученъ, будетъ мнѣ доставленъ. Онъ прибавилъ еще, что это всегда можно было сдѣлать. Послѣ этого я пожалѣлъ, что не дѣлалъ сего прежде Вашего повелѣнія. Ибо можно было узнать что-либо о положеніи страдальцевъ.

О церквахъ: Херсонская видится зданіемъ цѣла. Но я уже писалъ, что въ ней не только все расхищено, но даже полы и двери выломаны. *Кладбищная*, можно сказать, доселѣ цѣла: ибо только однимъ ядромъ повреждена желѣзная кровля, и выбиты два окна ядромъ, пронесшимся въ пролетъ. Домъ новый совершенно невредимъ. Въ старомъ домикѣ кое-что выломали, кажется, наши же солдаты на топливо. У кладбищной стѣны, что со стороны города, стоятъ наши штуцерные стрѣлки. Стѣна служила имъ вмѣсто бруствера, изъ-за котораго они стрѣляютъ по непріятелямъ, если они показываются по ту сторону кладбища. И вотъ почему кладбищная церковь доселѣ недоступна непріятелю! Моя *Петро-Павловская* имѣетъ слѣдующія поврежденія: у входа въ церковь выбита колонна; осталась только нижняя ея половина, а верхняя съ капителью лежитъ въ кускахъ на земли. Отъ сотрясенія разошлись камни и во фронтѣ; удивительно, какъ не повалились два большихъ, громадныхъ камня, лежавшіе своими концами на выбитой колоннѣ; тогда бы могъ повалиться и весь фронтонъ. Я сдѣлалъ подставку изъ толстой корабельной стельги. Съ южной стороны поврежденъ цоколь (выбитъ одинъ большой камень, что не важно), повреждены двѣ колонны, но еще могутъ служить. Въ 8-ми окнахъ побиты стекла (каждое въ 12 бемскихъ стеколъ); въ трехъ окнахъ изломаны рамы: въ западной—у входа въ церковь также разбиты стекла въ обоихъ окнахъ и въ одномъ изломана рама. Въ потолкѣ въ двухъ мѣстахъ отбиты лѣпныя украшенія и щекатурка. Главное же въ томъ, что поврежденіе въ колоннадѣ, уже прежде замѣченное и бывшее предметомъ безпокойства и разслѣдованія,

теперь такъ значительно, что можетъ быть потребуетъ капитальнаго исправленія церкви.

Докторъ Пироговъ теперь въ Севастополѣ. О. архимандритъ видѣлся съ нимъ, но не могъ отъ него ничего узнать до пріѣзда сестеръ, которыхъ ожидаютъ къ 20 числу. Вѣроятно оберъ-прокуроръ св. Синода не увѣдомилъ еще его о сдѣланномъ Вами распоряженіи, и начальница сестеръ также объ этомъ ничего не знаетъ, иначе сія послѣдняя не сдѣлала бы о. Михаилу Родіонову [1]) грубаго отвѣта, что „мы не имѣемъ въ васъ нужды, у насъ есть свой іеромонахъ.“

Съ медикомъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева, митрополитъ кіевскій Филаретъ прислалъ сосудъ св. масла отъ гроба Господня на пользу больнымъ. Оно передано о. архимандриту, который имѣетъ раздать оное іеромонахамъ, состоящимъ при госпиталяхъ.

И сегодня день ясный и теплый, какъ лѣтомъ. Преосв. митрополитъ здравствуетъ, но въ эту ночь было съ нимъ очень дурно.

Въ домѣ причта Петропавловской церкви поврежденіе не важно; ударомъ ядра обезображенъ только карнизъ, отбитъ орнаментъ его. Въ каменной оградѣ близъ дома выбило бомбами ограду на 3 сажени.

17 декабря 1854 г. Севастополь.

Письмо 22-е.

25 декабря. Великій праздникъ христіанскій мы — паче чаянія—встрѣтили и провели совершенно мирно, не будучи обезпокоены ни однимъ выстрѣломъ непріятельскимъ, и сіе—тако Господу благоволившему: уже съ полдня наканунѣ праздника былъ чувствительный морозъ при сѣверн. вѣтрѣ, который ночью дулъ весьмо сильно и холодъ развело настоящій рождественскій. Не до насъ было непріятелямъ, коченѣвшимъ отъ холода. Въ первый же день перебѣжало 9 англо-французовъ, собственно побужденныхъ къ тому холодомъ. По показанію англійскаго бѣглеца, его собратій въ Инкерманской долинѣ замерзло до 400. Впрочемъ, кажется, много сказалъ. Сказываютъ, также, что

[1]) Настоятелю Симферопольскаго собора.

адмиралъ англійскій. Рагланъ ушелъ въ Константинополь для важныхъ совѣщаній.

26 и 27 дек. была оттепель, но ночью крѣпкій морозъ, обратившій путь мокрый въ скользкій. Сегодня (28 дек.), при южномъ вѣтрѣ, уже очень начало таять. Теплые дни могутъ еще болѣе затруднить наше сообщеніе. Сегодня только мы получили Одесскую газету отъ 9 дек.

Прибывшій изъ Симферополя о. Василій, іеромонахъ херсонескій, разсказываетъ, что станціи между Севастополемъ опустѣли, и ѣзда возможна только далекими проселочными путями, большая же дорога обратилась въ бездну, въ которой безвыходно увязаютъ многіе неопытные путешественники. Сегодня же о. Василій отправился въ обратный путь, имѣя путешествовать на Донъ, согласно вашему на то благословенію.

Въ настоящій праздникъ мы не славили Христа въ домахъ, которые или разорены или упразднились отъ мятелей. Даже главы семействъ, которые остались пока на стражѣ своихъ домовъ или лавокъ, и тѣ отправились къ своимъ семействамъ въ Симферополь. Храмъ былъ полонъ молящихся, но исключительно солдатъ всѣхъ родовъ службы.

Для меня собственно праздникъ настоящій былъ какъ-то неудаченъ отъ неосторожности моей. Согрѣвшись у желѣзной печи и на минуту только выбѣжавъ на порогъ, я такъ сильно простудился наканунѣ праздника, что въ первый день едва могъ служить отъ головной боли; въ тотъ же день отъ непримѣтной занозы, не знаю, когда и гдѣ полученной мною, мнѣ оборвало ногу, такъ что на другой день служилъ съ большимъ трудомъ, хромая. На третій день не служилъ, и сталъ лечить ногу, которою по комнатѣ хожу теперь твердо. Услышавши, что я нездоровъ, губернаторъ Станюковичъ вчера посѣтилъ меня.

Ни пароходовъ, ни веселій праздничныхъ не было. Главнокомандующій, по причинѣ сильной погоды, не пріѣзжалъ съ Сѣверной въ городъ даже въ первый день. Сакена же не было оба дня въ церкви, говорятъ, по болѣзни. Впрочемъ, на улицахъ веселье русское слышно, даже видны были нѣкоторые, якоже древія ходящи.

Сейчасъ разсказывали о новомъ манифестѣ Государя Императора къ Россіи и непремѣнной волѣ его, что бы къ февралю мѣсяцу не было въ Крыму ни одного непріятеля.

Отвѣта нѣтъ отъ о. Геронтія.

28 дек. 1854 г. Севастополь.

Письмо 23-е.

29, 30 и 31 декаб. Первые дни оттепель, даже съ дождемъ, послѣдній день крѣпкій морозъ съ сѣверн. вѣтромъ и небольшимъ снѣгомъ. Со стороны непріятелей и нашей ничего примѣчательнаго не было. Бѣглецы изъ непріятельскаго лагеря продолжаютъ являться и жаловаться на все. Иные и теперь въ башмакахъ, между прочимъ и въ полушубкахъ, отъ которыхъ холодъ заставилъ отрѣзать рукава и натянуть на ноги. Зима добрая, если бы постояла съ недѣлю, много принесла бы намъ пользы. Такъ думаютъ и надѣются, что въ генварѣ мѣсяцѣ будутъ съ нашей стороны употреблены всѣ мѣры къ рѣшенію Крымскаго вопроса. Но положительно о распоряженіяхъ по этому предмету дознать трудно и невозможно.

Разсказываютъ плѣнные, что Рагланъ опять не согласенъ на предложеніе Канробера идти на штурмъ. Своимъ же будто бы объявилъ, что есть надежда на миръ; но если по 14 генваря (стар. ст. 2) не будетъ извѣстій о мирѣ, то онъ согласенъ на штурмъ.

Представленіе отъ г. Станюковича послано и вѣроятно уже получено вами. Какой награды удостоите меня недостойнаго, та и будетъ для меня лучше, та будетъ полезнѣе и для потомковъ моихъ. Не знаю даже, къ чему представлялъ губернаторъ. Хотя онъ и говорилъ мнѣ о крестѣ на Георгіевской лентѣ, но мнѣ совѣстно было самому написать это. Ибо исповѣдую предъ вами невольную вину свою. Послѣ того, какъ Станюковичъ присылалъ ко мнѣ штабъ-офицера узнать форму отношенія къ духовному начальству (о чемъ уже писалъ я), встрѣчается мнѣ самъ онъ и проситъ убѣдительно, что бы я потрудился написать всю эту бумагу или представленіе. Сколько я ни отказывался отъ такого щекотливаго предложенія, долженъ

былъ исполнить просьбу, зная опытно, какъ они (особенно старые моряки) мало знакомы съ нашею частію. Я былъ доволенъ тѣмъ, что онъ позволилъ мнѣ писать и о товарищѣ моемъ о. Александрѣ: представляя двухъ, я какъ бы не примѣтилъ, что пишу представленіе о самомъ себѣ. Въ этомъ черновомъ, вмѣсто самой награды, я употребилъ слѣдующую фразу: „въ полной увѣренности, что вы не оставите ихъ представленіемъ къ наградамъ, коихъ вполнѣ заслуживаютъ.“ Писалъ же только то, что было нами исполняемо, безъ всякаго прибавленія; кой-о чемъ не могъ написать именно потому, что мнѣ выпало на долю самому писать представленіе. Простите, если въ чемъ виноватъ.

Вчера вечеромъ прибылъ доброволецъ, архим. Герасимъ [1]), иззябъ, измучился, истратился: живой жаль! Много жалѣетъ онъ, что снялся съ мѣста, а еще болѣе, что поѣхалъ изъ Одессы. Дѣйствительно, при настоящихъ обстоятельствахъ морской службы, которая выброшена на берегъ и страдаетъ какъ рыба на сушѣ, служба для старика хилаго—и притомъ архимандрита, есть вещь невозможная, я всячески ему совѣтую удалиться отъ насъ; онъ охотно соглашается, но не можетъ успокоиться отъ напрасныхъ издержекъ. Сегодня онъ отдыхаетъ, а завтра пойдетъ, что бы явиться и проститься, потому извощика не отпускаетъ.

Съ новымъ лѣтомъ имѣю счастіе привѣтствовать Васъ, вашими св. молитвами да подастъ намъ Господь новое лѣто пріятное и сохранитъ отъ золъ мимошедшаго лѣта.

Нѣтъ отвѣта отъ о. Геронтія. А у Сакена не могъ еще быть, ибо не могу надѣть сапоги.

Митрополитъ здравствуетъ. О. Герасимъ вечеромъ идетъ къ нему.

Въ Бакчисараѣ умеръ староста мой Теллаховъ.

31 декаб. 1854 г. г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ветхій архимандритъ, служившій прежде во флотѣ и участвовавшій въ Наваринскомъ сраженіи. Изъ Севастополя онъ уѣхалъ въ Кіево-печер. Лавру и здѣсь скончался. Прежде былъ настоятелемъ какого-то монастыря въ одной изъ великорос. епархій.

СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ [1]).

Браки среди деревенскихъ жителей и среди городскихъ мѣщанъ губерній, населенныхъ малороссами, заключаются обыкновенно во время мясоѣда, непосредственно слѣдующаго за праздниками Рождества Христова: это для рабочаго люда самая лучшая пора и для того, чтобы повеселиться, и чтобы, какъ говорятъ они, *„одружытыся“*. И дѣйствительно, объ эту пору крестьяне ничѣмъ серіознымъ не заняты: есть у нихъ дрова— слѣдовательно, въ избѣ тепло; есть хлѣбъ и другіе запасы— слѣдовательно, онъ и его семья обезпечены отъ нужды, и сельскій, и городской обыватели вполнѣ отдыхаютъ въ это время, собираясь съ силами къ наступающей весенней и лѣтней страдѣ, которая потребуетъ тогда отъ нихъ и усиленнаго труда, и усиленнаго количества рукъ, и чрезвычайнаго физическаго напряженія. Только этимъ практическимъ путемъ и объясняется обычай заключать, среди рабочаго люда, браки въ послѣ-рождественскій мясоѣдъ. Въ прочую пору года если и бываютъ между ними браки, то они встрѣчаются рѣже, въ рабочую же пору браки среди мѣщанъ и селянъ заключаются только въ экстренныхъ случаяхъ.

Браки эти обставляютея особой торжественностію и особыми церемоніями, которыя носятъ на себѣ печатъ глубокой старины, хотя, впрочемъ, они не лишены уже новшествъ, внесенныхъ теченіемъ жизни, также измѣняющейся и въ сельскомъ быту временемъ и обстоятельствами.

---

[1]) Деревня Свидовокъ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Прежде всего, еще за долго до формальнаго сватовства, молодые люди, т. е. парень и дѣвушка, полюбовно сходятся между собой, обоюдно соглашаются на вступленіе въ бракъ между собою, къ тому же подготовляютъ и родителей своихъ, а сами же заключаютъ между собою словесный, искони заведенный обычаемъ, договоръ: *не обижать другъ друга.* Все то, что парень, во время ухаживанія своего, подаритъ дѣвушкѣ *„до браня рушныкивъ“*, какъ то: мониста, перстни, ленты и проч., на случай, если-бы одна изъ сторонъ отказалась по какой-либо причинѣ отъ брака, не считается потерей и не подлежитъ ни возврату, ни взысканію; въ то же время, когда парень посылаетъ своего отца и двухъ съ нимъ человѣкъ „старостивъ“ къ отцу невѣсты „брать рушныки“, и когда предложеніе родителями невѣсты принято, потери и безчестія несетъ та сторона, которая отказывается отъ условій. Если дѣвушка нарушаетъ согласіе, то пропадаютъ ея „рушныки“ и, сверхъ того, примѣрно, рубля три, израсходованные на угощеніе лицъ, окружавшихъ жениха, и наоборотъ. Обыкновенно плотитъ отецъ стороны, нарушившей договоръ. Если сторона, нарушившая условіе—сирота, то взысканіе производится и съ сироты. Убытки принимаетъ отецъ обиженной стороны: *„батькова втрата—батькови й заплата“*. Если женихъ изъ другого села и невѣста мало его знаетъ или же совсѣмъ не знаетъ, а отецъ и мать изъявили свое согласіе, „рушныки“ уже даны, а невѣста, собравши о нареченномъ неудовлетворительныя свѣдѣнія, принуждена бываетъ отказывать жениху, то въ семъ послѣднемъ случаѣ не ищутъ ни на комъ убытка: „рушныки“ молодой пропадаютъ. Собственно говоря, по обычаямъ деревни, матеріальныя претензіи къ лицамъ, нарушающимъ предбрачныя условія, начинаются съ того часа, когда молодая перевяжетъ старостъ „рушныками“, такъ какъ съ дачей „рушныкивъ“ и начинается *„пропой молодои“*. Бываютъ и такіе случаи. Парень, напр., сосваталъ дѣвушку; дали „рушныки“ и обмѣнялись хлѣбомъ; но на бѣду предъявилъ на невѣсту свои права другой, болѣе любый ей парень, и свадьба разстраивается. Въ такихъ случаяхъ отца нарушившей условія стороны привлекаютъ уже къ

серьезной отвѣтственности, т. е., ведутъ его въ судъ [1]). На этотъ судъ, на основаніи крестьянскаго кодекса, никогда не является *дѣвушка-невѣста*, потому что, какъ говорятъ въ данномъ случаѣ селяне: *„не она ихъ сватала“*. Только въ крайнихъ случаяхъ и при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, именно: когда у невѣсты отъ отказавшагося жениха родился ребенокъ, сама невѣста появляется на судѣ и предъявляетъ сему суду свое дитя, какъ вещественное доказательство ихъ обоюдной связи и обманутыхъ надеждъ, и т. д. Судъ подобнаго рода совершается иногда и въ присутствіи священника; а иногда дѣло доводятъ и до разбирательства мѣстной полицейской власти и даже до мирового; чаще же всего *судъ о безчестіи* вершится стариками-односельчанами и лицами, пользующимися наибольшимъ уваженіемъ въ деревнѣ.

Эти подробности юридическихъ сельскихъ воззрѣній южноруссовъ на взаимныя отношенія брачущихся я предпослалъ для того, чтобы уяснить читателю, что браки среди сельскихъ обывателей и бѣднѣйшихъ мѣщанъ въ городахъ заключаются между молодежью совершенно свободно и полюбовно и въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго принужденія, хотя и не безъ вліянія со стороны старшихъ, и что отношенія эти, не смотря на свою простоту—чисты и нравственны, не лишены при этомъ поэзіи и увлекательности, и, какъ таковыя, заслуживаютъ со стороны мыслящихъ людей болѣе тонкой и обстоятельной обработки, нежели простое описаніе обрядовой стороны деревенской свадьбы, излагаемой мною въ настоящей статьѣ.

---

1. Обрядъ: „браня рушныкивъ“.

Отецъ жениха беретъ съ собою двухъ односельчанъ, обыкновенно, ближайшихъ родственниковъ — *„старостивъ“*, кото-

---

[1]) Въ д. Свидовкѣ, черкасскаго уѣзда, былъ, напримѣръ, такой случай: дѣвушка-невѣста отказала своему жениху вечеромъ въ субботу наканунѣ свадьбы т. е. въ *„дивитьвечиръ“*. Коровай продали на базарѣ, а парня, отбившаго сговоренную невѣсту, судъ принудилъ заплатить обиженной сторонѣ за безчестіе и убытки 150 рублей.

рымъ вручается хлѣбъ; парень несетъ съ собой: сало, колбасу, кварту или, смотря по достатку, четверть ведра водки, и всѣ вмѣстѣ чинно отправляются къ отцу невѣсты для переговоровъ. Входя въ избу и поздоровавшись съ хозяевами, которые уже приготовились къ пріему дорогихъ гостей, старосты говорятъ: „*чи не наймаете наймычку на вики?*“ или же: „*чи не продаете соломы?*“. Если согласны родители и если дѣвушкѣ любъ парень, то отецъ невѣсты принимаетъ отъ „старостивъ“ хлѣбъ, замѣняетъ его другимъ и отвѣчаетъ утвердительно на предлагаемые вопросы, невѣста же, зардѣвшись вся, перевязываетъ черезъ плечо старостъ „*рушныкамы*“, а собранныя къ этому семейному торжеству подруги молодой—„*дружки*“—поютъ ей:

«Та заручена... (Лукія, Марія и т. д.),
Дала свою билу руку на заруку.
Ой, ручко-жъ моя билесенька у батенька,
Чи будешъ така у свекорка?»

Молодая при этомъ горько плачетъ, а подружки продолжаютъ пѣть:

«Теперъ, ненько моя, будешъ тыхо спаты,
Уже не будуть подруженьки докучаты,
Уже не будуть кватырочки одсуваты,
Уже не будуть на улыцю выклыкаты».

Перевязанныхъ „рушныками“ старостъ, отца жениха и самого жениха усаживаютъ за столъ. Старосты ставятъ на столъ водку, а молодая—принесенную женихомъ закуску. Старосты, подчуя виномъ отца жениха и ея мать, приговариваютъ при этомъ: „*Дай, Боже, тимъ счастя, за кого могорычъ пьемо, щобъ дитей малы, щобъ женыть диждать и замижъ давать*“. Тутъ же между угощеніемъ и пріятными разговорами старосты условливаются съ отцомъ невѣсты о количествѣ приданаго, а равно и о томъ, сколько въ понедѣльникъ, послѣ вѣнчанья, молодая должна дать платковъ, сколько заготовить для приглашенія на свадебное торжество и на самую свадьбу шишекъ и т. д., а дружки между тѣмъ поютъ „*Ой гороше, гороше* (дальнѣйшія слова не записаны)“...

Договорившись обо всемъ обстоятельно съ отцомъ невѣсты по всѣмъ пунктамъ будущаго домашняго хозяйства жениха, которое онъ пріобрѣтетъ за женой, а также о времени, въ которое имѣетъ состояться свадьба, и угостившись, сколько кому и какъ Богъ на душу положитъ, отецъ молодого и старосты, получивъ въ замѣнъ хлѣбъ, возвращаются домой, а женихъ и дружки, согласно деревенскому этикету, остаются пока у невѣсты. Наконецъ и дружки расходятся, а женихъ остается ночевать въ домѣ молодой.

Собственно говоря, свадебное торжество, какъ таковое, продолжается четыре дня: четвергъ, пятницу, субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ, слѣдующій за воскреснымъ свадебнымъ днемъ, невѣсту, уже перевозятъ въ домъ жениха на волахъ въ телѣгѣ, на которой укладываются сундукъ и весь скарбъ молодой жены, сверху же всего, на сундукѣ, устраиваютъ молодую.

---

2. Четвергъ и пятница.

Въ эти дни „*бiають*“, такъ называемый, „*коровгай*“ въ домѣ невѣсты и пекутся шишки и прочая снѣдь, приготовляемая изъ муки. Родня жениха собирается у него въ домѣ, трактуетъ обыкновенно о животрепещущемъ вопросѣ и веселится, родня же невѣсты и дружки собираются въ домѣ молодой, гдѣ кипитъ спѣшная работа, по приготовленію къ воскресному дню. Во время приготовленія коровая и той суматохи, которая совершается въ избѣ, дружки поютъ:

1.

«Якъ мы коровгай мисылы,
Зъ Дунаю воду носылы;
Носылы воду зъ крыныци,
Злипылы коровай сестрыци...
Наберемо водыци на току,
Зобгаемо коровгай братыку».

2.

«Хорошiи коровгайныци
Хорошенько коровгай бгають,

Сыромъ прысыпають, шашлычкомъ прылывають,
Ще й около квиты, щобъ любылыся диты».

Вечеромъ въ пятницу поютъ не дружки, а молодыя бабы—*„молодыци“*.

«Ягоды полуныци
Уже мынулыся, уже мынулыся
(*имя невѣсты*) вечорныци.
Да идуть сестрыци на вечорныци,
А (NN) до воритъ клычуть...
Да идить, сестрыци, мене не ждите,
Жалю мени не робите:
Уже (*имя жениха*) сыдыть,
Та за рученьку держыть
— Винъ мене не пускае,
Ты, (NN), моя, недиленька твоя,
Не идемъ ни ты ни я.
Та сыдимо дома, просимо Бога,
Щобъ счастыла намъ доля».

Подъ звуки этихъ пѣсенъ, сажаютъ въ печь: *„коровай, шишки, лежни, шишку-княженецьку“*, которую украшаютъ калиной, ржаными колосьями, маленькими изъ тѣста лѣпленными птичками, изображающими голубковъ. Послѣдняя шишка предназначается спеціально въ подарокъ жениху.

Суббота.

Весь субботній день молодая съ дружками посвящаетъ на приглашеніе родичей своихъ и родичей жениха на свадьбу, а въ домѣ идутъ усиленныя приготовленія встрѣтить такъ называемый *„дивитвечиръ“*.

Вставши рано и одѣвшись нарядно, какъ того требуетъ деревенскій этикетъ: на ногахъ *„сапьянци“*, въ богато расшитой рубашкѣ, съ такимъ же полотенцемъ въ рукахъ, съ бусами и монистами на шеѣ и богатыми яркихъ цвѣтовъ лентами на головѣ и въ косѣ, молодая идетъ къ отцу жениха взять благословеніе и дозволеніе на то, чтобы собрать дружекъ.

Входя въ избу и поклонившись будущему свекору три раза въ поясъ, говоритъ: *благословить, тату, мени по дружки ити*", Свекръ каждый разъ отвѣчаетъ: „*Богъ благословыть*". Тѣ же поклоны и тѣ же слова она повторяетъ матери молодого и, послѣдовательно, ему самому, отъ которыхъ, въ свою очередь, получаетъ разрѣшеніе, выраженное словами: „Богъ благословыть". Послѣ этого невѣсту и дружекъ усаживаютъ за столъ, предлагаютъ имъ завтракъ и подчуютъ водкой. Подкрѣпивши свои силы пищей, невѣста, поблагодаривши за угощеніе, отправляется вмѣстѣ съ дружками, обыкновенно впереди ихъ, къ священнику. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ идутъ къ священнику женихъ и невѣста вмѣстѣ. Отъ священника уже молодая направляется къ родичамъ, а потомъ къ почетнымъ жителямъ села. Входя въ домъ, молодая, по обычаю, кланяется „въ поясъ" и говоритъ тихо: „*просылы батько и маты и я прошу на хлибъ, на силь, на весилля*" и, при этомъ, даритъ шишку. Каждое движеніе невѣсты на улицѣ сопровождается пѣніемъ дружекъ, пріуроченнымъ къ этому торжеству.

1.

«Снигомъ, (NN), снигомъ, мы за тобою слидомъ;
Мы за тобою, молодою, зъ хорошою ордою;
За тобою, дружыною, зъ хорошою челедыною».

2.

«Нызомъ, дружечкы, нызомъ, закидайте дориженьку хлибомъ:
У (NN) кинь вороненькій перескочыть гай зелененькій».

3.

«По той бочокъ ставу клыкавъ павычъ паву,
Иды, иды, моя павочка, дамъ я тобѣ выннe яблучко,
А за тее выннe яблучко—потеряла дивуваннячко,
А за тее виннишее—потеряла вирнишее».

4.

Йшлы дружечкы рядочкомъ по пидъ вышневымъ садочкомъ,
Вырвалы квитку зелененьку, заквичали (*NN*) молоденьку».

5.

«Тисни улыченьки, тисни! ой, чогожъ воны тисніи?
Бо йдуть дружечкы пышніи,

Несуть коровгу здорову. На тій корвзи лыстонькы.
Це тоби NN звистонька,
А на тій коровзи малювання,
Це тоби, NN дивованнѣ».

6.

Ой, попе, попе, Гордію!
Не дзвоны рано въ недилю,
Задзвоны въ субботу
Потеряй дружечкамъ роботу.
Дивкы въ субботу не прядуть:
Дивци, NN, винкы вьють».

7.

«Нема попа дома, поихавъ до Кіева ключикы куповаты,
Церковцю одмыкаты,
Церковцю одмыкаты,
NN винчаты.
Винчалась NN, винчалась,
Въ червони чобитки прыбралась
Червони чобитки на нози,
Покупавъ ихъ NN въ дорози.
Поносы, NN, новыи
Покупыть NN другыи».

8.

«Скочу я у городець, вырву я барвиночку,
Постелю постилочку
Постиль пуховая,—челядь молодая;
Постиль пуховенька—челядь молоденька».

9.

«Схилылась верба зверха до коринѣ,
Винчалась NN зъ ранку до полудня.
Стояла NN пидъ винцемъ,
Чесала кисоньки гребинцемъ.
Упавъ гребинець пидъ стилець
Подай NN гребинець!
Я тоби NN не вдивець,
Щобъ я подававъ гребинець,

Я тоби NN, не вдивчикъ,
Щобъ подававъ гребинчыкъ».

10.

«Ой, просо, просо, волотта!
Ой, косо моя кохана!
Не викъ я тебе кохала,
Що субботоньки чесала,
Що недиленьки зражала,
(А) за одынъ вечиръ стерялa!
Ой, косо моя кохана!»

11.

«Яворе-яворочку, на жовтимъ писочку,
— Тамъ щука-рыба грае...
Сама соби дывувалась,
Що зъ хорошымъ нагулялась
И зъ кращимъ звинчалась».

12.

Хмиль долыною—жовте стеблечко,
Що мовыть NN мылый, мое сердечко?»

13.

Скокы, бокы, сорокы, низки поклоны вороны,
Довги носочкы зъ чаечокъ, далеко чуты дружечокъ».

14.

«Ой, гаю, мій гаю, я тебе кохаю!
Травыцю повыкошую,
Та на берегъ повыношую,
Щобъ було зелененько,
Родови веселенько...
А щобъ було зеленище
— Родови веселище».

15.

«Одчиняйте двери, застылайте столы,
Справляйте кубочки:
Не далеко дружечки»!

16.

«Не сама я ненько иду,
Симсотъ дружечокъ веду,

Симсотъ ще й чотыри,
Та вси чорнобрыви...
Симсотъ ще и пятнадцять,
Та вси у сапьянцяхъ».

17.

«Та спасыби тоби, моя ненько,
Що ты мене будыла раненько.
А я слухала, вставала,
Та соби рушныкивъ напряла;
По гори ходыла—билыла
—Я своихъ старостивъ дарыла».

18.

«Горою витеръ віе,
Долыною сонце гріе...
На яръ повивае,
Снигъ землю покрывае».

Обойдя всѣхъ, кого предполагалось просить на свадьбу, и повеселившись вдоволь на улицахъ села, молодая съ дружками отправляется къ молодому, подходя къ хатѣ котораго, дружки поютъ:

«Ой, гай, маты, гай, гай,
Кисоньку свою май, май!
Пусты мене, маты
Въ сей гай погуляты,
Въ сей гай погуляты,
Косою помаяты,
Косою русою—дивоцькою красою».

Взойдя въ хату, всѣ въ рядъ говорятъ: *„добрывечиръ цему всему дому, старому, малому и Богови святому!“* Послѣ привѣтствія, молодую и дружекъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ, чѣмъ Богъ послалъ, а дружки на радостяхъ поютъ:

1.

«Зряженъ вечиръ, дивитвечиръ, та рано, рано;
Зряженъ вечиръ, дивитвечиръ, та рано-ранесенько;
На тры стины-камяніи, та рано, рано;

А на четвертую-золотую, та рано, рано;
Та на четвертую-золотую, та рано—ранесенько;
На тій стини макивочка, та рано, рано;
На тій стини макивочка, та рано-ранесенько;
А на макивочци ластивочка, та рано, рано;
Та звыла гниздечко зъ чорного шовку, та рано-ранесенько;
Та вывела диты-однолитки, та рано, рано;
То перше дытятко—молодый..., та рано-ранесенько;
А друге дытятко—молода..., та рано, рано...»

2.

«Та лытять галочкы
Въ тры рядочкы,
А зозуля попереду.
Та уси галочкы по лугахъ силы,
А зозуля на калыни.
Та уси галочкы защебеталы,
А зозуля закувала.
Та идуть дружечкы
У тры рядочкы,
А NN попереду;
Та уси дружечкы
На лавци силы,
А NN на поводи;
Та уси дружечкы та заспивалы,
А NN заплакала.»

Подкрѣпившись пищею, невѣста и дружки отправляются въ домъ молодой, а женихъ садится за столъ и ожидаетъ бояръ и музыкантовъ. Въ домѣ невѣсты мать ея встрѣчаетъ молодую и дружекъ, опять ихъ угощаетъ всѣхъ, иногда приглашаетъ садиться, а иногда и нѣтъ и вновь отряжаетъ всѣхъ ихъ къ жениху, у котораго, къ тому времени, уже въ сборѣ и бояре, и музыка, подъ звуки которой бояре съ дружками и отправляются въ лѣсъ рубить *„гильце,“* т. е., небольшое сосновое деревцо, нужное для обстановки свадебнаго торжества. Когда отправляются рубить „гильце,“ то поютъ то же самое, что пѣли молодой, которая ходила по селу и приглашала гостей на

свадьбу, или же и совсѣмъ ничего не поютъ во всю дорогу къ лѣсу, или же, наконецъ, поютъ слѣдующее:

1.

«До бору, дружечкы, до бору,
Зрубайте сосну здорову,
Та понесемо додому,
Та поставымо на столи,
На биленькій скатерти.»

2.

«А въ нашого гыльця
Золотіи крыльця,
Якъ сонечко сяе
Одъ витру вьяне.»

Пока ищутъ подходящее деревцо, то поютъ:

«Ой, де тая сосна,
Що у бору взросла,
Що у бору родылася,
NN судылася,
Въ бору кохалася,
NN досталася.»

Нашедши подходящую сосенку и срубивъ ее, поютъ туже пѣсню, но съ измѣненіемъ словъ, „*ой, де тая сосна*“ на: „*оце тая сосна*“ и т. д. Пришедши къ жениху съ сосенкой, дружки застаютъ невѣсту у него, которая сидитъ за столомъ на почетномъ мѣстѣ, сами разсаживаются вокругъ нея и поютъ:

1.

«Встань, маты, у субботоньку,
Измый мени та головоньку.
Ой, матинко моя ридная,
Головонько, моя бидная!
Встань, маты, та ранесенько,
Змый мене та билесенько!
Бильшъ ты мене та не мытымешъ,
Билыхъ ручокъ не томытымешъ...
Бильшъ ты мене не чесатымешъ,
Своихъ ручокъ не ламатымешъ.»

2.

«Зъ субботонькы та на недилю
Выйшла NN у шавлію:
Ой, хто мене у шавліи найде,
То тому я достануся.
Пишовъ батенько—не найшовъ,
Вырвавъ квиточку—та й пишовъ.
Квиточко моя, дзиндзюравая,
Доненько моя, чорнобровая,
Та кому ты та досталася?

Та же участь постигаетъ ея мать, брата и сестру, но пошелъ женихъ:

. . . . тай найшовъ,
Взявъ за рученьку, тай пишовъ.
Квиточко моя, дзиндзюравая,
NN моя, чорнобровая,
Та мени ты досталася.»

3.

«А у субботоньку, рано, сыне море грае
Сыне море грае, *NN* потопае,
NN потопае—батенька выклыкае:
Батеньку, твоя воля,
Вырятуй мене зъ моря!
Не моя, доненько, воля
Рятуваты тебе зъ моря

Отказываются по порядку спасать невѣсту изъ морской пучины и мать ея, и сестра, и братъ. Тогда она обращается къ жениху, называя по имени:

‹ . . . . ', твоя воля,
Вырятуй мене зъ моря.
Моя, . NN . , воля
Рятувать тебе зъ моря.»

За симъ, всѣ встаютъ изъ-за стола, крестятся на иконы и говорятъ на распѣвъ: „*благодарю всему, старому й малому и Богови святому*, потомъ берутъ съ собой „гильце,“ выходятъ изъ хаты и направляются въ домъ молодой. Дорогой, при этомъ, поютъ:

1.

«Якъ булы мы въ пана—свата,
Була намъ добра шана,
Пылы мы горилку
За NN дивку;
Пылы мы, гулялы,
Гиллечко зрубалы.»

2.

«Ой, матинько, утко!
Ворочайся хутко:
Сонечко нызенько,
Дружечкы блызенько,
Сонечко ще нызче
Дружечкы ще й блызче.»

Повторяютъ также пѣсни: г.) „одчиняйте двери“ (№ 15) и „не сама я йду“ (№ 16). Когда уже подойдутъ къ дому невѣсты, пѣсня прекращается, дружки останавливаются у дверей, а въ хату входитъ только молодая, въ знакъ привѣтствія кланяется отцу и матери, на что они обое отвѣчаютъ приказаніемъ: *„иды поклонысь дружкамъ, нехай идуть въ хату!“* Невѣста возвращается къ дружкамъ, кланяется и приглашаетъ въ домъ, потомъ размѣщаетъ ихъ по старшинству за столомъ, а сама, стоя впереди стола, угощаетъ ихъ, причемъ дружки поютъ 1) „вряженъ вечиръ;“ 2) „ягоды полуныци;“ 3) „ та летятъ галочкы;“ 4) „та теперъ, маты, будешъ тыхо спаты.“ Поджидая жениха, который съ своей свитой долженъ скоро прибыть, дружки опять поютъ:

«А въ бору сосонка зросла,
Спустыла гылля до долу:
Часъ намъ, дружечкы, до дому!»

За симъ, дружки и всѣ прочіе, кромѣ отца и матери невѣсты, идутъ во дворъ на встрѣчу жениху; жениха, украшеннаго хусткою, сопровождаютъ: бояре, старосты, „свитылкы“ и музыка. У дверей хаты всѣ останавливаются и только входятъ въ нее, по обычаю, двое старостъ. На дворѣ музыка играетъ, а дружки съ боярами устраиваютъ танцы. Спустя нѣкоторое время,

старшій бояринъ беретъ съ собою „гильце,“ оставляетъ его пока у порога и также входитъ въ избу. Остановившись у двери, онъ громогласно произноситъ, какъ говорятъ въ деревняхъ, *„гукае:“*

«Старосто, пани старосто!
— Ради... слухаю—
«Благословить у сей домъ покрасу внесты!»

Это старшій бояринъ повторяетъ три раза, на что и получаетъ каждый разъ въ отвѣтъ: „Богъ благословыть!“ Послѣ этого бояринъ вноситъ въ хату „гильце,“ вырѣзываетъ въ хлѣбѣ ножомъ дыру, вставляетъ въ него срубленное деревцо и ставитъ на столъ. Пока старшій бояринъ занятъ снаряженіемъ „гильця,“ одинъ изъ старостъ незамѣтно выходитъ во дворъ, беретъ жениха за руку и вводитъ въ хату. Въ слѣдъ за женихомъ входятъ: свашки, „свитылкы“ и бояре. Всѣхъ ихъ усаживаютъ за столъ, угощаютъ водкой и ставятъ на столъ вечерю, обыкновенно, вареную капусту. Невѣста на время выходитъ также во дворъ, собираетъ вокругъ себя подружекъ и съ ними возвращается въ хату. Положивъ на тарелку два платочка, она подходитъ съ ними къ столу, за которымъ сидитъ на почетномъ мѣстѣ женихъ, кланяется три раза и передаетъ эти платочки— одинъ молодому, а другой старшему боярину. За любезность и за полученные подарки женихъ и бояринъ, въ свою очередь, одаряютъ молодую и бросаютъ въ тарелку деньги, кто сколько можетъ: кто гривенникъ, кто больше, кто и меньше, а дружечки заливаются:

«Ой, вылетивъ пивень тай на воритечка,
Крыльцямы бье,
А . . . NN
Хустку дае.
Ой, вылетивъ пивень та на воритечка: «кукурику!»
Ой, NN до вику»

Молодой съ старостами и боярами ужинаютъ и угощаются, угощаются съ ними свашки и „свитылкы“, запѣвая при этомъ: „Зряженъ вечиръ“. Невѣста въ это время, если есть другая

изба, а если нѣтъ, то идетъ вмѣстѣ съ дружками къ кому-либо изъ сосѣдей плести вѣнки. Для этой цѣли берутъ старое кольцо, обматываютъ его разноцвѣтнымъ гарусомъ—краснымъ и синимъ: это и будетъ вѣнецъ. Оставшіеся въ хатѣ пирующіе приглашаютъ со двора музыку, угощаютъ ее закуской и водкой, т. е. даютъ на смычокъ. Музыка за это играетъ, а свашки и „свитылки“ танцуютъ. Повеселившись вдоволь, свашки и „свитылки,“ обращаясь къ сидящимъ за столомъ, говорятъ: „*прощавайте, та звыняйте! То мы до васъ зайшлы, бо мы збылыся зъ дороги... та спасыби, що насъ нагодувалы, може мы и васъ колы не забудемъ. Теперъ не карайте. Може другый разъ попадемось, то будете вязаты,*“ и за симъ уходятъ. Идутъ они къ жениху, гдѣ ихъ опять угощаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ тутъ же, т. е. въ хатѣ жениха, остаются и ночевать, а прочія расходятся по домамъ. По уходѣ свашекъ, свитылокъ, дружекъ, бояръ, старостъ и жениха, у невѣсты остаются только близкіе родные ея, какъ то: дядья и тетки, которымъ опять подаютъ ужинъ. Наконецъ, уже въ позднюю пору всѣ расходятся по домамъ.

Воскресенье.

Въ воскресенье, до благовѣста въ церковь, женихъ и невѣста одѣваются каждый у себя къ вѣнцу. Къ одѣванью жениха допускается только старшій бояринъ; невѣста же съ субботы не въ правѣ сдѣлать ни шагу безъ старшей дружки: она причесываетъ молодую, накладываетъ ей вѣнокъ на голову, убираетъ волосы лентами и вмѣстѣ съ нею же собираетъ и дружекъ. Пока еще не звонятъ во всѣ колокола, старшая дружка беретъ съ собой платокъ, свѣчи, полотенце подъ ноги, и за симъ идутъ въ церковь. Женихъ такъ же собираетъ свою свиту и въ одно почти время съ невѣстой является въ храмъ. Въ строгой и религіозной паствѣ женихъ и невѣста, обыкновенно, въ этотъ день пріобщаются Святыхъ Тайнъ. По окончаніи литургіи—слѣдуетъ обрядъ вѣнчанія. Послѣ вѣнца, невѣсту окружаютъ дружки, а жениха—бояре, и всѣ вмѣстѣ направляются въ домъ жениха. Теперь уже женихъ идетъ домой подъ руку съ невѣстой.

По дорогѣ встрѣчаетъ ихъ музыка; бояре и дружки танцуютъ на ходу и при этомъ поютъ: 1) „Винчалась, NN, винчалась“, 2) „Схилылася верба“, и

3.

«Леты соколонько попередъ насъ,
Звисты матинку передъ насъ,
Нехай вона выйде зъ калачемъ,
Звинчалы ii дытятко зъ панычомъ...
Хоть не зъ панычемъ—зъ мужикомъ,
Звязалы руки рушныкомъ».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи кіевской, а также на Волыни и Подоліи свадебное шествіе изъ церкви встрѣчаютъ дѣти (дитвора), которыя переливаютъ дорогу водой, т. е. устраиваютъ яко-бы заставу. Для того, чтобы шествіе не останавливалось, невѣста и женихъ даютъ дѣтворѣ выкупъ: деньги, сладости или что-либо изъ съѣстного свадебнаго. Пришедши къ молодому, усаживаютъ молодыхъ за столъ, вокругъ ихъ разсаживаютъ дружекъ и бояръ и остальное общество, и начинается пиръ, послѣ котораго гости начинаютъ расходиться по домамъ, и только ближайшіе родные остаются и обѣдаютъ вмѣстѣ съ новобрачной четой. Новобрачные просятъ уходящихъ не засиживаться по домамъ, а возвращаться *„заразъ“*. Послѣ обѣда невѣста съ собравшимися дружками и боярами танцуетъ во дворѣ. Музыка играетъ козака, гопака, трепака. Въ общемъ веселіи и танцахъ принимаетъ участіе всякій: веселятся и старый, и малый, и приглашенный, и случайно или изъ любопытства очутившійся на свадьбѣ, словомъ, народъ веселится, т. е. *„справляе весилля“*. Жениху на это время даютъ покой, что бы онъ отдохнулъ, дабы, наконецъ, приступить и къ послѣдней свадебной церемоніи, такъ называемому обряду: *„скланяня“*, т. е., изъявленія повиновенія и покорности родителямъ, не смотря на вступленіе его черезъ бракъ въ самостоятельную жизнь.

Обрядъ „скланяня“.

Къ обряду скланяня собирается много народу, а также возвращаются и старосты, и свитылки, и свашки, и бояре. Ста-

росты усаживаютъ новобрачнаго въ хатѣ за столъ, а отца съ матерью устраиваютъ въ сѣняхъ рядомъ на ступѣ или ослонѣ. Когда усаживаютъ новобрачнаго за столъ, то свашки и свитылки поютъ:

«Иде NN на посадъ
Встрича его Госпидь самъ:
Хто жъ тоби та цей посадъ давъ
Долею счаслывою и доброю годыною?
Цей посадъ пысарь пысавъ,
Отъ Господа Бога пысалы его пысарци
Темнои ночи пры свичи
Ясного сонця, коло виконця».

Послѣ того, какъ пропоютъ эту пѣсню, младшій изъ старостъ беретъ новобрачнаго за руку, выводитъ его въ сѣни и, подведши къ отцу и матери, накладываетъ хлѣбъ на его голову и нагибаетъ ее, т. е. склоняетъ. Новобрачный, въ такомъ положеніи, три раза кланяется въ землю отцу и матери и цѣлуетъ ихъ, а свашки съ свѣтелками поютъ:

«Похиле дерево—та ялина,
Покирне дытятко Марына,
Поклоныся отцу, неньци
— Та нызенько».

Если отецъ новобрачнаго не родной, а вотчимъ, или же онъ круглый сирота, а мѣсто отца и матери заступаютъ постороннія лица, въ такомъ случаѣ пѣсня видоизмѣняется такъ:

«Ой, кому ты, братику, тай кланяишься?
Що у тебе отця-неньки тай немае».

Вслѣдъ за симъ, младшій староста подводитъ новобрачнаго къ порогу и говоритъ: „Старосто, старшій!“

— „Ради, слухаю“, отвѣчаетъ староста старшій.

— „Благословить въ оцей домъ молодого ввести“. Это повторяетъ младшій староста и разъ, и два, и три, на что и получаетъ въ отвѣтъ: „Богъ благословить уси три разы“. Послѣ этого, жениха вводитъ младшій староста въ избу, усаживаютъ его за столъ, за столъ садятся и старосты, избу наполняютъ бояре, свашки и свитылки, которые и поютъ:

„зряженъ вечиръ—дивитвечиръ". Мать новобрачнаго подаетъ на тарелкѣ: кисти калины, овесъ и колосья ржи. Изъ калины и ржи свашки и свѣтелки приготовляютъ два букета: одинъ вставляютъ въ бутылку, княженецкую, т. е. въ бутылку съ красной водкой, а другой привязываютъ къ гильцю, при этомъ свашки и свѣтелки, кидая оставшуюся калину на гильце, поютъ:

«Не идить молодыци до насъ гильци выты,
«Зовьемо мы сами зъ скрыпкамы, зъ цембаламы, зъ хорошымы боярамы».

А обращаясь къ жениху, прибавляютъ, для выполненія церемоніи:

«Теперь годына не тая,
Щей дориженка слызькая,
Треба NN чобитокъ,
Ще й золотыхъ пидкивокъ».

Въ одинъ мигъ и старосты, и свашки, и свѣтелки, и бояре бросаютъ въ тарелку, стоявшую на столѣ съ овсомъ, деньги, яко-бы на подковы жениху, и, какъ овесъ, такъ и деньги, старшій староста высыпаетъ новобрачному за воротъ рубахи. За симъ идетъ угощеніе, а послѣ угощенія свашка—одна изъ болѣе почетныхъ—пристегиваетъ къ шапкамъ старостъ съ правой стороны букетики изъ калины. Старосты надѣваютъ свои шапки и вооружаются *„ципками"*, т. е. палками, въ знакъ особаго почетнаго ихъ положенія, какъ провожатыхъ жениха въ далекую дорогу. Невѣста быстро скрывается и отправляется съ дружками домой. Жениха одинъ изъ старостъ выводитъ за руку во дворъ, на которомъ, вблизи хаты, другой староста уже поставилъ *„дижу"* къ верху дномъ, покрылъ ее скатертью и положилъ хлѣбъ съ дрибкомъ соли. Старшій староста обводитъ новобрачнаго вокругъ „дижи, а мать посыпаетъ его овсомъ, горохомъ, а если люди зажиточные—и конфектами, деньгами... Въ это время свашки поютъ:

«Овесцемъ, матинко, овесцемъ,
Щобъ нашъ овесецъ рясенъ бувъ,
Щобъ нашъ NN красенъ бувъ».

За симъ, мать, взявши съ „дижи“ хлѣбъ, а сына черезъ полу платья за руку, выводитъ его за ворота и передаетъ старшему старостѣ и молодого, и хлѣбъ. Старосты со свитой провожаютъ его къ церкви, передъ которой молятся и бьютъ поклоны, а бояре, сверхъ того, сквозь щель бросаютъ въ церковь деньги. Послѣ этого всѣ направляются въ домъ новобрачной. Въ то время, когда въ домѣ жениха совершаются послѣднія свадебныя церемоніи, освященныя обычаемъ и оставленныя народу глубокой стариной, въ домѣ молодой надъ новобрачной повторяется тотъ же обрядъ „скланяня“ и съ тѣми же формальностями, только здѣсь старостъ замѣняетъ ближайшая родня невѣсты, и новобрачной не выводятъ на улицу.

И. Стрижевскій.

ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ [1].

(ОКОНЧАНІЕ).

XIII.

Философы-демонстраторы.

Старая кіевская академія, какъ мы уже замѣчали, страдала отсутствіемъ здравой педагогіи. У нея лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, которому усвоялась чуть ли не всемогущая нравственно-цѣлительная сила, была розга. „Пляги“ послѣдней щедро, порой даже съ забвеніемъ мѣры и пощады, отпускались академическими педагогами не только провинившимся студентамъ (какъ „сатисфакція“ имъ и предупрежденіе отъ зла другимъ— „чтобъ другимъ не повадно было“), но иной разъ и невиновнымъ, лишь подозрѣваемымъ („бой подъ пристрастіемъ“, „постраширваніе боемъ“).

Такая воспитательная система, понятно, сильно угнетала и страшно ожесточала студентовъ... Часто случалось, что провинившійся студентъ изъ-за одного того, чтобы избавиться отъ „жестокихъ и нещадныхъ плягъ“, навсегда прощался съ самой академіей! Особенно раздражали студентовъ наказанія безъ вины, по одному подозрѣнію, или педагогическому недоумѣнію...

Конечно, инфимистъ или синтаксистъ, получивши, хотя и *незаслуженно*, внушительное число плягъ, только почесывалъ,

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1896 г., № 2.

какъ выражается Н. В. Гоголь, свои шаровары, не осмѣливаясь (чтобы не получить двойной порціи) прямо, въ глаза, заявить своему экзекутору, что его десница „неправедно“ царапаетъ. Но философъ, еще въ риторикѣ самовольно и гордо помышлявшій о томъ, „чтобы его люде стали узнавать“, и, тѣмъ болѣе, богословъ, увѣренный уже, что онъ всегда можетъ „изобрѣсти себѣ пристоинства чинъ“, такъ какъ и „респектомъ митрополита ученія богослововъ не бываютъ оставляемы“, не могли равнодушно переносить плягъ *сверхъ* своихъ *должныхъ заслугъ*, особенно по единоличному суду префекта (онъ былъ главнымъ педагогомъ въ академіи), безъ соизволенія на то ректора, что практиковалось въ академіи, вопреки постановленію Духовнаго Регламента [1]). Они (главнымъ образомъ философы, которымъ очень часто приходилось испытывать горькую тяжесть префектовской десницы [2]) въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда префектъ являлся ихъ неправосудно-жестокимъ палачемъ, подымали въ академіи настоящія „возмущенія“ [3]).

Первое такое „философическое возмущеніе“ въ кіевской академіи было въ 1733 году противъ префекта Стефана Калиновскаго [4]).

---

[1]) „... Префектъ имѣетъ власть наказывать себѣ подчиненныхъ за преступленіе, но малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угровительнымъ, а потомъ на неисправляющихся доносить ректору“ (Духов. Регл., отд. „домы училищные и въ нихъ учители и ученики“... № 1, п. 6-й.

„Ректоръ, верховная власть, всѣхъ всякимъ, по разсужденію, наказаніемъ наказывать можетъ“ (Ibid., п. 8-й. Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. православ. испов. Рос. имперіи, т. 1-й, стр. 20).

[2]) Это потому, что они, по переходѣ риторическаго моря, становились „большими академѣками“ и пользовались большею свободою, сравнительно съ своими меньшими сотоварищими. Свобода же, какъ *новинка*, вела ихъ къ безудержу, къ разнымъ „продерзостямъ“, за которыя префектъ и парилъ ихъ лозами, не задумываясь очень, дѣйствительно ли виновенъ тотъ или другой философъ, и не доводя объ этомъ до свѣдѣнія ректора... Богословы, свыкшись со свободою, уже были сдержаннѣе.

[3]) Возмущенія никогда не облегчали ихъ участи и даже оканчивались нежелательными и печальными для нихъ результатами.

[4]) Трудно сказать опредѣленно, что *именно* послужило къ этому возмущенію: дѣла о немъ, которое (по замѣткѣ довумента о демонстраціи въ академіи въ 1763 г.) должно бы быть въ архивѣ Кіевской духовн. консисторіи, мы, при всѣхъ стараніи-

Калиновскій, бывшій, вѣроятно, строгимъ и взыскательнымъ, но въ разборѣ студенческихъ дѣлъ мало внимательнымъ, а потому не особенно справедливымъ начальникомъ, не по достоинству оцѣнилъ и свыше заслугъ наградилъ поведеніе философа Пантелеймона Чарнѣцкаго.

Чарнѣцкій, не сознававшій за собою отличія, достойнаго обидной для него префектовской награды, вознегодовалъ и, въ пылу досады и гнѣва, учинилъ три противности префекту за его беззаконіе. Калиновскій, надо полагать, въ долгу не остался и отплатилъ Чарнѣцкому, еще какъ „предерзателю“.. Товарищи Чарнѣцкаго, смотрѣвшіе на его противности префекту, какъ на *необходимое* разъясненіе послѣднему его ошибки и несправедливости, возмутились, когда префектъ не только не принялъ во вниманіе этого разъясненія, но еще снова наказалъ ихъ коллегу... Они рѣшили, что довольно академіи нести тяжелое иго тирана Калиновскаго, отъ котораго жестоко достается и правому, не только виновному!.. На слѣдующій день они не пошли на префектовскую лекцію, составили въ квартирѣ философа Ивана Яворскаго петицію митрополиту на префекта—и уже готовы были торжествовать свою побѣду... Но не тутъ то было!

Калиновскій, какъ начальникъ, оправдался предъ митрополитомъ, виновными же остались „бунтовщики“. Они оказались дерзновенно возставшими на попраніе академической власти, чтобы безнаказанно творить. что угодно! Они подали жалобу и притомъ ложную! Разумѣется, за это ихъ нельзя оставить безъ наказанія!.. И вотъ митр. Рафаилъ Заборовскій 15-го марта 1733 г. положилъ дѣлу такую резолюцію:

„Пантелеимона Чарнѣцкаго инспектора Афендикового за противность префекту трыкратно учиниенную, какъ непотребного философа, противника и продерзателя не умѣющаго наставляти дисцѣпула своего Афендика [1]), яко всему фи-

---

ахъ, не нашли тамъ, а потому ограничиваемся лишь догадкою на основаніи резолюціи митр. Рафаила Заборовскаго, сдѣланный имъ 15 марта 1733 г. на представленіе о философскомъ возмущеніи. Резолюція эта буквально приведена ниже.

[1]) Можно думать, что Чарнѣцкій былъ наказанъ Калиновскимъ за его дурное вліяніе на Афендика.

лософіческому возмущенію primum causatorem въ брамѣ вънутрь цвінтара зазвонывши въ звонокъ школный плетьми выбыть, при собраніи протчыхъ студентовъ, дать ему шестьдесятъ плягъ, и изъ школъ выекскліодовать. Протчыхъ философовъ, а именно: Івана Яворскаго, яко перваго къ противности учителю своему возмутителя и въ домъ свой для составленія челобитя на префекта зазывателя, Илію Команѣцкаго, Демьяна Аскоронскаго, Николая Зеленецкаго, Федора Яновича, Лащевскаго, Тодорского, Марковича и Александровича бить плетьми. Остальныхъ же двадцати человѣкъ за презрѣніе лекціи префектовской наказать плетьми въ келіи архімандричей, то есть бывшыхъ на кондиціи, а жившимъ въ бурсѣ въ недѣлю цвѣтоносную держа въ рукахъ свѣчи предъ иконою Богоматери чрезъ всю литургію на колѣнахъ стоять".

Такъ неожиданно поплатились студенты за свою демонстрацію! Но этого мало. Ихъ „философіческое возмущеніе", къ ихъ прискорбію, увѣнчалось еще появленіемъ въ академіи инструкціи—Leges academicae docentibus ac studentibus observanda,—утвержденной 7-го октября 1734 года, митр. Р. Заборовскимъ съ такими пунктами: 1) „Ученики, какой бы школы ни были, бунтовъ учинять ни противъ кого, а особливо противъ учителей, не долженствуютъ; учинителей бунтовъ жестоко наказывать или паче искоренять надобно" [1]). и 2). Никто изъ студентовъ, безъ вѣдома и позволенія префекта и профессора, не долженъ безпокоить великихъ и знатныхъ особъ просьбами" [2])...

Такимъ образомъ, студентамъ былъ положенъ запретъ не только „учинять мятежи", но и челобитствовать на свое начальство, безъ вѣдома и благословенія послѣдняго, какъ бы ни невыносимъ порой бывалъ его режимъ.

Однако время мало-по-малу какъ бы унесло съ собою силу указаннаго запрета. (Да это и вполнѣ естественно: между начальствовавшими въ академіи бывали вѣдь всякіе люди: и индифферентные и даже безсовѣстные въ отношеніи къ студентамъ.

[1]) См. Инструкцію у В. Аскоченскаго „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіей, ч. 2, стр. 102—108, пунктъ XI.

[2]) Ibid, пунктъ XX.

Не вопіять противъ нихъ студенты не могли, когда исчезало всякое терпѣніе; и ожидать на это ихъ позволенія и благословенія, разумѣется, было бы, по меньшей мѣрѣ, дикимъ)... По крайней мѣрѣ, уже въ 1749 г. мы видимъ студента Ольшанскаго челобитствующимъ митрополиту, безъ предварительной академически-административной цензуры, на самого тогдашняго ректора, архим. Сильвестра Ляскоронскаго; то же самое сдѣлалъ въ 1750 г. и риторъ Антоній Гонтковскій [1])... А въ 1763 году мы встрѣчаемся и съ новымъ „философическимъ возмущеніемъ“ въ академіи.

Исторія этого возмущенія, какъ яркая картинка студенческихъ нравовъ того времени, заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться.

XIV.

Былъ понедѣльникъ 17-го февраля 1763 года.

Въ „семомъ часу“ по полудни въ философской аудиторіи окончилась утомительно-сухая „поздняя“ (вечерняя) лекція, и философы съ шумомъ и гамомъ побрели на свои квартиры, расположенныя тутъ же, не вдалекѣ отъ академіи, на Подолѣ. Лишь нѣсколько человѣкъ ихъ дольше другихъ оставались на академическомъ дворѣ, оживленно разсуждая между собою о томъ, какимъ бы образомъ весело провести сегодняшній вечерокъ. Но вотъ и они уже потянулись за ворота Братскаго монастыря...

Они условились немножко позже, когда Гамалѣя устроитъ свои дѣла, по его зову сойтись въ квартирѣ Романа Кривецкаго и хорошенько пображничать. (Бражничество было страстью студентовъ старой академіи).

---

[1]) Ольшанскій очень успѣшно обличилъ Ляскоронскаго въ его безсовѣстномъ отношеніи къ нему въ тяжбѣ его съ Карпиловскимъ городничимъ—Іоакинеомъ Храновскимъ, а Гонтковскій указалъ митрополиту на странно-равнодушное отношеніе Ляскоронскаго къ студентамъ: студента, безъ всякаго повода, колотитъ ректорскій служитель, и виновнымъ, по ректорскому суду, оказывается не онъ, а студентъ!.. Подробности того и другого случая нами изложены раньше...

Философъ Семенъ Гамалѣя состоялъ репетиторомъ сына невѣстки Далматовскаго преосвященнаго и спѣшилъ домой, чтобы повидаться тамъ съ матерью своего кліента и отпустить его къ ней (она жила „на старомъ городѣ“) на ночь, а затѣмъ, по дорогѣ къ Кривецкому, обѣщалъ созвать всѣхъ участниковъ предназначенной компаніи. Быстро сбѣгалъ онъ въ свою квартиру, переговорилъ съ матерью своего ученика, и, проводивъ ее и сына со двора, понесся въ Братскій монастырь. Тутъ онъ пригласилъ Іосифа Поглузскаго, жившаго у экклезіарха Паисія Калиновскаго, и съ нимъ направился за прочими членами своего кружка.

Первымъ долгомъ они зашли къ Алексѣю Билецкому. Но его не оказалось дома: онъ былъ въ „великой“ бурсѣ у своего старшаго брата—ритора Кондратія; поэтому они написали ему, каждый отъ себя, „картку“, чтобы онъ, возвратившись домой, немедленно приходилъ къ Кривецкому, у котораго сойдутся и они, „чтобы тамъ вмѣстѣ о назначенныхъ хотя и не имъ диспутахъ дискурсъ чинить“, и двинулись дальше. Только они вышли за ворота квартиры Билецкаго, встрѣчаютъ Кирилла Карпова, бѣжавшаго тоже за Билецкимъ... Объяснивъ Карпову, что Билецкаго нѣтъ дома, и что ему оставлено приглашеніе, Гамалѣя и Подлузскій потащили его съ собою къ Кривецкому. По пути имъ еще нужно было позвать Романовскаго.

Заходятъ къ Романовскому.

Тутъ сидитъ и самъ Кривецкій (побывавшій послѣ лекціи въ своей квартирѣ только съ тѣмъ, чтобы „положить философію“). На столѣ водка и медъ.

Романовскій, довольный появленіемъ нежданныхъ гостей, усадилъ ихъ за столъ и принялся угощать...

Вино быстро оживило философовъ. Бесѣда у нихъ не умолкала...

Подоспѣлъ и Билецкій. Онъ уже побывалъ и дома, и въ квартирѣ Кривецкаго и, узнавъ здѣсь отъ сожителя Кривецкаго—ритора Кисловича, что Кривецкій у Романовскаго, явился сюда какъ разъ въ пору. Компанія увеличилась, и вино шло къ концу.

Разговоръ о „разностяхъ вещей", затѣянный философами, видимо, требовалъ еще возбуждающаго питья.

Билецкій, какъ опоздавшій, чувствовалъ это больше другихъ, и пригласилъ всю компанію къ себѣ.

Всѣ (за исключеніемъ Романовскаго) сейчасъ же и двинулись къ нему, отложивъ посѣщеніе Кривецкаго до другого раза.

Уже смеркало.

Кривецкій заскочилъ къ себѣ домой сказать своему сожителю не поджидать его къ ужину, забѣжалъ за Максимовичемъ—философомъ—позвать и его коротать ночь, но его въ квартирѣ не было...

У Билецкаго сидѣлъ бурсакъ — риторъ Савва Збавецкій, игрокъ „на гусляхъ". Философы обрадовались музыканту и просили его играть... Явился и гарнецъ меду. „Дружка съ дружкою диспутуючись", товарищи, подъ звуки пріятныхъ мелодій, живо осушили его... и рѣшили пойти къ Карпову, оставивъ музыканта въ домѣ Билецкаго...

Карповъ у себя сейчасъ же поставилъ на столъ гарнецъ меду и водки.

Философы ликовали. Веселый смѣхъ между ними не смолкалъ, не смотря на то, что у нихъ шелъ серьезный разговоръ „о вещахъ, до ученья касающихся"... Ихъ „дискурсъ о философѣйскихъ вещахъ", ихъ „дружка дружкѣ (взаимныя) объекціи о философическихъ" предметахъ, казалось, дышали всею полнотою жизни.

Время летѣло.

Семенъ Гамалѣя, хватившій не мало медовыхъ „стаканцовъ" да нѣсколько чарокъ водки, былъ чрезвычайно веселъ и то и дѣло торопилъ компанію оканчивать угощеніе, чтобы всѣмъ идти къ нему.

Достаточно подпившая философская братія готова была. Только Карповъ не хотѣлъ раздѣлить съ ними предстоявшаго веселья, ссылаясь на то, что уже поздно и что ему сильно хочется спать. Но его уговорили не отставать отъ коллегъ, давъ слово, что отъ Гамалѣи всѣ разойдутся по домамъ, хотя еще и очень рано (тогда какъ на самомъ дѣлѣ былъ уже второй часъ съ полуночи).

По пути въ свою квартиру, Гамалѣя опомнился, что у него нѣтъ хлопца и что, значитъ, некому сбѣгать за напитками...

Кстати, не подалеку жилъ философъ Ѳома Явоновскій. Компанія и заворотила къ нему, чтобы, пользуясь услугами его хлопца, попировать тутъ на счетъ Гамалѣи, и попировать подъ звуки музыки, такъ какъ Явоновскій „имѣлъ искусство грать на флейтоверсъ и скрипицу".

Калитка двора Явоновскаго была заперта. Чтобы стукомъ не обезпокоить хозяйку, Гамалѣя перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ ворота и впустилъ во дворъ всю компанію.

Самъ Явоновскій уже пробудился и помышлялъ подняться съ постели, „для исправленія школного дѣла", когда къ нему ввалилась веселая толпа товарищей, сразу ставшая просить его сыграть что-нибудь.

Ничего не подѣлаешь! подумалъ Явоновскій, всталъ съ постели и принялся за игру.

Но выпить у него ничего не нашлось, не было и хлопца... Компаніи это было не по сердцу, и она, забравши флейту Явоновскаго (чтобы этимъ заставить его идти съ нею, такъ какъ онъ отказывался) направилась къ сосѣду Явоновскаго—философу Брайковскому, съ надеждою найти у него хлопца „для розыску напитковъ."

Брайковскаго не было дома: онъ, сказали въ его квартирѣ, еще съ вечера ушелъ къ Якову Костенскому.

Тѣмъ лучше! сообразили философы, пойдемъ къ Костенскому: онъ вѣдь малый добрый и богатый, такъ что если угоститъ насъ, то... на славу!...

Уже былъ четвертый часъ утра.

Костенскій, утомленный долгимъ (до полуночи) чтеніемъ съ Брайковскимъ философскихъ лекцій (Брайковскому былъ назначенъ диспутъ на вторникъ), спалъ глубокимъ сномъ. Ворота его двора были заперты.

Гамалѣя перелѣзъ черезъ заборъ и широко распахнулъ ихъ... Компанія подбѣжала подъ окно Костенскаго и принялась стучать.

Костенскій проснулся... Прислушавшись къ голосамъ, онъ узналъ своихъ товарищей, велѣлъ хлопцу зажечь свѣчу и впустить стучащихъ.

Весело разсказывала компанія своему коллегѣ о томъ, какъ она проводитъ сегодняшнюю ночь. Костенскому, завсегдатаю товарищескихъ пирушекъ, даже завидно стало, и онъ захотѣлъ сейчасъ же вознаградить себя: приказалъ хозяйкѣ „напечь оладокъ," а хлопца отправилъ за гарнцемъ меду...

Гамалѣя „сыскалъ" другой гарнецъ.

Пошелъ пиръ. Явоновскій (котораго насильно втащили къ Костенскому) игралъ на „флейтоверсѣ" (онъ исполнилъ „три виновети"), а прочіе философы, опрокидывая стаканецъ за стаканцемъ, „забавлялись картами."

Хозяйка Костенскаго хотѣла полюбоваться разгуломъ молодежи, заглянула чрезъ дверь, но ее кто-то изъ философовъ крѣпко ругнулъ за такое любопытство [1]).

Вино брало свою силу... Подлузскій уже уснулъ... Но остальные всѣ были еще крѣпки и, истребивъ оладки и медъ, пошли къ Карпову, чтобы у него еще хватить (Явоновскій остался подлѣ Подлузскаго).

Охмелѣвшая философія двигалась по улицѣ съ такимъ крикливымъ говоромъ, что многихъ разбудила. По крайней мѣрѣ, философъ Иванъ Сѣчкаровъ (положимъ, онъ рано и спать улегся, такъ какъ вечеромъ только подтвердилъ „школное поученіе" и немножко почиталъ книгу...), квартира котораго окнами выходила на улицу, былъ пробужденъ ею, и въ тревогѣ выскочилъ на улицу.

Онъ сразу узналъ своихъ собратій по школѣ и спросилъ у нихъ:

„Гдѣ вы были."

„У Костенскаго!" дружно заревѣла шумная толпа.

„А куда намѣрены итить."

„Ми и до васъ пойдемъ, когда попросите!" находчиво отвѣтили веселые философы.

---

[1]) Она указывала префекту на Билецкаго, а магистрату на Брунькovскаго.

Послѣ такого отвѣта Сѣчкарову оставалось только пригласить ихъ къ себѣ...

Выпивъ у Сѣчкарова чарки по двѣ водки, философы отправились къ Карпову „снѣдать.“ (По пути на минутку они заходили въ квартиру Гамалѣи, такъ какъ ему необходимо было сказать слугѣ, что покупать на базарѣ къ обѣду). Тутъ они пропустили еще по нѣсколько чарокъ водки, закусили икрой и только разговорились о томъ, что уже, кажется, не рано, какъ вдругъ услышали, что „пробило на шесть часовъ три четверти“...

Это какъ будто перепугало компанію. Рѣшено было всѣмъ разойтись по домамъ и „готовиться на французы“ (къ французскому уроку)...

Такъ весело провели философы ночь съ 17-го на 18-е февраля 1763 года [1])!

Утромъ 18-го февраля они, какъ ни въ чемъ не бывало, повидимому, были „во французской школѣ и въ философіи“...

Но пирушка безъ слѣда не прошла...

20-го февраля къ префекту академіи іеромонаху Мелхиседеку Орловскому явилась Кіево-подольская жительница Евдокія Ѳедорова, вдова коллежскаго регистратора (переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ) Стефана Стефанова, и словесно заявила ему, что къ ея квартиранту-философу Якову Костенскому 17-го числа ночью приходили его товарищи—Кривецкій, Гамалѣя, Билецкій, Брайковскій, Явоновскій, Сѣчкаровъ и Карповъ, что они шумѣли, играли на разныхъ инструментахъ, ѣли оладьи „предъ заутренею противъ самой среды [2]); что Алексѣй Билецкій выругалъ ее въ ту ночь, а Семенъ Гамалѣя открылъ ворота ея двора, почему у нея пропало много дровъ.

Префектъ немедленно началъ допрашивать всѣхъ указанныхъ философовъ, каждаго „порознь.“

---

[1]) Подобныя пиршества у философовъ бывали не рѣдко. По крайней мѣрѣ, въ квартирѣ Костенскаго, по словамъ его хозяйки въ жалобѣ магистрату, они „неоднократно прихаживали въ гости“; на второй недѣлѣ поста являлись „весьма пьяные съ музыками, играли на скрипицахъ и кричали.. какъ сумасброды“.

[2]) Это поставлялъ въ вину философамъ и префектъ, не сообразившій вѣроятно, что 17-е приходилось на понедѣльникъ, и что, значитъ, философы пировали не „противъ среды“, а наканунѣ вторника.

Философы, не зная, откуда и что имѣлъ противъ нихъ префектъ, „потаились“ во всемъ, на что жаловалась вдова Ѳедорова. Но своими объясненіями все-таки обнаружили префекту, что всю ночь съ 17-го на 18-е февраля они „въ компаніяхъ провели,“ „дружка дружку отъ дружки до дружки посѣщая“...

Находя, что это дурно, такъ какъ въ такихъ компаніяхъ своихъ дѣтей (инспекторами и сеніорами которыхъ были) философы ничему не учили, кромѣ однимъ соблазномъ“, префектъ сталъ увѣщевать провинившихся „пристойними словами.“ Но они на всѣ рѣчи префекта отвѣчали презрительной улыбкой. Префектъ выходилъ изъ себя и уже начиналъ покрикивать на философовъ, угрожая наказать ихъ за упрямство и запирательство въ винѣ, и тѣмъ болѣе за непочтительность къ нему, за то, что на его „учителскія“ наставленія они только „усмѣхаются.“

Одни смирились... Страхъ префектовскихъ лозъ смутилъ ихъ. Другіе же, какъ Билецкій и Гамалѣя, стали опровергать обвиненія префекта и даже слишкомъ дерзкимъ тономъ... Особенно грубо объяснялись Кривецкій и Костенскій.

Это ужъ совсѣмъ взорвало префекта... Билецкому и Гамалѣѣ онъ сейчасъ же объявилъ лишеніе „кондиціальныхъ мѣстъ“, Кривецкому и Костенскому велѣлъ остаться у себя, чтобы „для страху впредъ прочимъ“ наказать ихъ лозами.

„Филаксъ“ (сторожъ) былъ посланъ въ бурсу за экзекуторами—синтаксистами Леонтіемъ Дроздовскимъ, Андреемъ Пушкаревичемъ, Кузьмою Харутовскимъ и Стефаномъ Наумовичемъ.

Досадно стало Кривецкому и Костенскому, что имъ двоимъ приходилось расплатиться за всю компанію. Какъ ни пытались они доказывать префекту, что ихъ вина не особенно велика, префектъ не измѣнялъ своего рѣшенія...

Въ „сѣняхъ“ послышались голоса бурсаковъ... Неминуемыя „пляги“ покоробили душу Кривецкаго, и онъ въ безпамятной злобѣ прозвучалъ префекту: „Може и Ваше Высокопреподобіе своихъ временъ по ночамъ броживали!“..

Префектъ пораженъ... „Ежели вы такіи учителю слова говорите, закричалъ онъ, сердито распахнувъ дверь въ сѣни, то

колми паче кому иному!".. и приказалъ бурсакамъ „разложить" и сѣчь философовъ-грубіяновъ.

Отпарили Кривецкаго... „Напрасно били!.. того чинить не подлежало!.." ворчалъ онъ сквозь слезы, подбирая свои шаровары... „Не оставимъ искать, гдѣ надлежитъ!.." зарыдалъ и ушелъ...

Костенскій же и ложиться не хотѣлъ, долго „воспящая себе брать" и говоря префекту, „что ему бить его не надлежитъ." Но четыре синтаксиста овладѣли имъ! Они уложили его на полъ, стянули съ него „сподніе;" одинъ (Харутовскій) придержалъ его за голову, другой (Дроздовскій) за ноги, а Пушкаревичъ и Наумовичъ отсыпали ему „у двѣ розги ударовъ съ обоихъ сторонъ тридцать"...

Взбѣшеннымъ поднялся Костенскій... Онъ весь дрожалъ отъ злобы, глаза у него сверкали какъ-то дико и страшно.

„Постой, к.....ь! закричалъ онъ, обратившись къ префекту, постой, с..... сынъ!... [1]).

Бурсаки улыбнулись.

Префектъ скрылся въ келію, плотно захлопнувъ за собою ея дверь.

. . . . . .

Вотъ оно!.. Ученики!.. „На пристойнія слова и учителскія увѣщанія усмѣхаются... не даютъ консеквенціи!.. Станешь ихъ наказывать... сами же себе по упрямству довели до того..., своими поступками, вовся противними регуламъ академическимъ..., а они произносятъ гнусніи, неналежніи и поносніи рѣчи!" И это—философы... мои ученики! Развѣ это не „крайняя обида"? Какъ же теперь „наблюдать справедливость академѣческихъ установленій?" Чего мнѣ—„командиру бѣдному" ожидать теперь „отъ другихъ академѣстовъ," если я стану ихъ „за приключающіе отъ нихъ ежечастіе ексцессіи штрафовать?" Конечно, „не иного чего, какъ толко крайняго отъ всѣхъ студентовъ непослушанія и противностей, а въ случаи и потерянія (чего Богъ сохрани) жизни ожидать неотмѣнно слѣдуетъ!"

---

[1]) Опускаемъ нецензурную брань.

Въ такомъ тяжеломъ, мрачномъ раздумьи долго бродилъ о. Мелхиседекъ по своей келіи. Наконецъ, рѣшился написать о своей обидѣ митрополиту Арсенію Могилянскому... Указавъ поводъ къ наказанію философовъ, съ оговоркою: „да простятъ сіе освященніе уши“ привелъ буквально („сіи точніи слова“) ту площадную брань, какою послѣ наказанія они его осыпали, и просилъ Владыку разсмотрѣть такую (подрывающую авторитетъ префекта) обиду со стороны студентовъ, чтобы какъ ему, такъ и будущимъ префектамъ и учителямъ академіи „ попрежнему должное отдавано было почитаніе, а подчиненніи страхъ бы имѣли.“

Воображеніе префекта такъ было напугано дерзостью философовъ, что онъ не осмѣлился лично пойти къ митрополиту, и „доношеніе“ свое утромъ на другой день послалъ каѳедральному писарю, прося его подать митрополиту прилагаемое при письмѣ доношеніе „о крайней нуждѣ академійской“, и замѣчая, что самому ему „по послѣдовавшимъ нѣкоторымъ нынѣ обстоятельствамъ крайне быть невозможно.“

А тутъ еще бѣда: нужно идти къ философамъ на лекцію! Префектъ терялся... Что-то недоброе предчувствовала его душа... Думалъ онъ, думалъ; наконецъ, взялъ „философію“ и побрелъ съ смутною тревогою въ философскую аудиторію.

Входитъ...

Всѣ философы сидятъ по своимъ мѣстамъ, „какъ надобно“. Прочитали молитву.

О. Мелхиседекъ „сѣлъ въ катедрѣ“ и началъ обычную экспликацію философіи.

Вдругъ въ глубинѣ аудиторіи раздалось „цисканье (тсс)“ и мелькнуло нѣсколько махавшихся рукъ...

Сердце лектора дрогнуло... Въ глазахъ помутилось... Мысли путались... Однако онъ овладѣлъ собой и продолжалъ экспликовать философію.

Только онъ дочиталъ параграфъ, изъ-за парты на средину аудиторіи выскочилъ Кривецкій.

Онъ еще съ самаго прихода префекта въ аудиторію „съ мѣста на мѣсто поступалъ“, желая объясниться съ нимъ по

поводу вчерашняго наказанія, но товарищи останавливали его „цисканьемъ“ и маханьемъ рукъ... Дѣло въ томъ, что задолго до лекціи собравшись на академическомъ дворѣ въ ожиданіи перваго звонка, съ которымъ открывался входъ въ аудиторію, философы узнали про вчерашнюю расправу префекта съ ихъ товарищами. Имъ со слезами разсказывали объ этомъ сами потерпѣвшіе—Кривецкій и Билецкій... И не только насъ, говорили они оба своимъ товарищамъ, „напрасно и безрезонно“ вчера наказалъ префектъ, но и Костенскаго. Его „жестокимъ розочнимъ боемъ онъ столь опарилъ“, что тотъ слегъ въ постель и уже... при смерти... Философамъ не вѣрилось, чтобы въ самомъ дѣлѣ такъ сильно могъ наказать префектъ, и нѣкоторые изъ нихъ сбѣгали на квартиру Костенскаго, чтобы убѣдиться въ справедливости разсказа о его положеніи... Дѣйствительно, состояніе Костенскаго было серьезно-опасно: онъ лежалъ почти безъ сознанія и даже безъ движенія. Это сильно тронуло философовъ, и они стали роптать на префекта. Чего добраго, разсуждали они, и каждому изъ насъ можетъ задать префектъ такъ же, какъ задалъ Костенскому! Ему необходимо дать понять, что въ наказаніяхъ должно соблюдать мѣру и не забывать справедливости... Но какъ же ему сказать объ этомъ?.. Долго каждый молодецъ судилъ на свой образецъ, но наконецъ всѣ [1]) пришли къ одному: „чтобы префектъ въ случаѣ и другимъ философамъ впредь такова побою напрасно чинить не отважился“, при выходѣ изъ аудиторіи спросить у него „обще полетично съ должнимъ почтеніемъ и кротостью“; за что онъ такъ жестоко поступилъ вчера съ ихъ товарищами? за то-ли, какъ они говорятъ?.. Но Кривецкій не могъ дождаться условленнаго времени. Лишь только префектъ показался въ аудиторію, онъ уже начиналъ объясненіе, но сильное душевное волненіе дѣлало его какъ бы нѣмымъ и онъ только „поступалъ съ мѣста на мѣсто“; товарищи, не желая нарушать аудиторскаго порядка, „цискали“ и махали на него руками, чтобы онъ не возвышалъ

[1]) Правда одинъ изъ философовъ Моисей Стясенскій, при допросѣ показывалъ, что все согласились на то, чтобы Кривецкій началъ объясненіе съ префектомъ тотчасъ по входѣ послѣдняго въ аудиторію, какъ это и случилось.

своего голоса и ожидалъ конца лекціи. Но эти жесты Кривецкій принялъ за сигналъ къ началу своей рѣчи къ префекту...

— „Господа соученики! высокопочтенніи философы! обратился дрожащимъ голосомъ къ аудиторіи Кривецкій,—вчерашняго дня мене господинъ учитель немилостиво наказалъ, отъ котораго я причиненного мнѣ бою здоровью моему чувствую уронъ, а другой на смертельной постели лежитъ!.. Прошу спросить на то резона!“..

О. Мелхиседекъ поднялъ глаза на нежданнаго оратора и, стараясь хотя съ виду сохранить равнодушіе, спокойнымъ тономъ проговорилъ:

— „Domine Кривецкій! Я не безъ командира... есть у мене командиръ!.. Изволь на меня искать по командѣ!.. Естли ты обѣжденъ, ищи на мене суда въ вышшей власти..., а въ школѣ препятствія не дѣлай!“... и продолжалъ читать лекцію...

— „Господа философи, снова заговорилъ Кривецкій со слезами на глазахъ, прошу покорно васъ его высокопреподобіе господина отца префекта испросить причины, для чего онъ вчерашняго дня розгами наказувалъ насъ, и такъ жестоко, что отъ наказанія я почти своего половинного здоровья лишился и во всей академіи нынѣ нахожусь обезславленъ, а другой соученикъ мой Костенскій после того наказанія на смертельной постелѣ лежитъ... такъ же Семенъ Гамалѣя и Алексѣй Бѣлецкій мѣстъ лишены... Для чего мы такой штрафъ и безчестіе понесли? Пусть предъ вами явно будетъ!..

Лекторскій голосъ префекта замолкъ. Молчала и аудиторія, пораженная неожиданностью...

Кривецкій разрыдался и съ упрекомъ снова обратился къ товарищамъ:

— „Вы, господа соученики, прежде всѣ обще были согласились на то, чтобъ спросить резона у господина отца учителя о нашемъ увѣчьи и безчестіи, а теперь... молчите!

Послышался слабый голосъ Билецкаго: „за что и мене лишили мѣста? что я виновенъ?

Волей-не-волей префектъ долженъ былъ начать непріятное объясненіе съ своими „подкомандними“.

— „Domine Кривецкій, обратился онъ къ плачущему философу, чего ви требуете?“

На это Иванъ Никифоровичъ, сидѣвшій вблизи каѳедры, (онъ и Иванъ Сѣчкаровъ, какъ лучшіе ученики—„за пристойность мѣста“—были уполномочены товарищами переговорить съ префектомъ), отвѣчалъ:

— „Ваше высокопреподобіе! мы всѣ и они за то жалѣютъ, что такъ увѣчени“...

— „Я небезрезонно наказалъ ихъ: доносъ былъ одной женщины—хозяйки Костенскаго, что они дрова поворовали...

— „Оны, вмѣшался Сѣчкаровъ, паничи, господскіе дѣти, и имъ дрова не нужны: по квартирамъ стоятъ и потому кажется не по приличію имъ дрова воровать!

— Да Костенскій, подхватилъ Григорій Чижевскій, въ тоей женщины и на фатерѣ стоитъ, въ которой дрова поворовано...

— „Но все же на ихъ слѣду пропажа случилась, прокурорски разсуждалъ о. префектъ,... и я имъ объявлялъ съ сихъ двохъ легшое себѣ собрать либо удоволствовать оную бабу зложившися по 10 копѣекъ, либо наказаніе принять... Это бредня (пустякъ) зложившися по 10 копѣекъ заплатить.

— „Какъ намъ платить, вить (вѣдь) она на насъ никакого поличія въ покражѣ дровъ не показала? возражалъ уже нѣсколько успокоившійся Кривецкій.

— „Ежелибъ они невинни будучи заплатили оной бабѣ деньги, вставилъ Малчевскій, то сами бъ они на себе порокъ воровъ навели.

Мысль Малчевскаго показалась префекту неотразимою, и онъ сконфузился... Но все-таки отвѣтилъ:

— „Слушай, domine Малчевскій, ты при судѣ не былъ и ты не консисториста; не можешь ты выводить консеквенцій!“

Кривецкій же опровергалъ префекта. „Ваше высокопреподобіе, говорилъ онъ, таковихъ рѣчей, чтобъ намъ оную бабу удоволствовать, вы не говорили; ибо когда бы вы приказали удоволствовать ее, то бъ ми не толко по 10 копѣекъ, но и поболѣ заплатили бъ... Лучше бъ сколько нибудь заплатить нежели болѣе ста ударовъ понести!..

Префектъ обидѣлся...

— „Безсовѣстно, domine Кривецкій! Тебѣ еще лѣтъ нѣтъ двадцати, а я іеромонахъ уже... могу и совѣстію потвердить, что столко не далъ!..

Чувствуя въ душѣ, что нужно же хоть чѣмъ нибудь доказать справедливость наказанія философовъ, префектъ, обратясь ко всей аудиторіи, сказалъ:

— „Оны сверхъ того ночью бродили!.. Инспекторѣ... и дома не ночевали!

— „Мы, горячился въ забытьи Бѣлецкій, не бродили!..

— „Нѣтъ, бродили! Вы и самы сознали, что въ одного одинъ часъ, а въ другого другой, и такъ бродя цѣлую ночь провели!.. При томъ и дѣти твои въ допросѣ показали, что ты въ дому не ночовалъ!“ справедливо останавливалъ его о. Мелхиседекъ.

— „Ваше высокопреподобіе!—отозвался Сѣчкаровъ,—Костенскій же, который смертно увѣченъ, ночью нѣгде (нигдѣ) не бродилъ!..

— „Костенскаго, оправдался взволнованный префектъ, я наказалъ за то, что такую въ неуказанное время компанію принималъ!..

— „А почему, цѣплялся Кривецкій, нѣкоторые бывшіе съ нами въ компаніи безъ казни остались?

— „Да! да! подхватили Никифоровичъ и Сѣчкаревъ, зачимъ же ихъ наказали, а Подлузскаго нѣтъ?

— „Вы при наказаніи нашемъ поясниль Кривецкій въ келіи ему Подлузскому то говорили: ты недавно зъ Москвы пріѣхалъ, для того тебе прощается!

— „Значитъ, ядовито вставилъ Бѣлецкій, сыскивая rationem sufficientem, что недавно съ Москви пріѣхалъ?

— „Не тотъ резонъ, отговаривался сбиваемый со всѣхъ позицій префектъ, но что смирился! Я всѣхъ васъ хотѣлъ (тутъ о. Мелхиседекъ даже поклялся) отечески наказать и дать по десяти ударовъ, но вы мои консеквенціи стали негодовать (отрицать) и досадно противясь виговаривить... за тѣмъ я васъ

побольше наказалъ, а ево за смиреніе простилъ!.. А вы и сами знаете, что покорное телятко двѣ матки ссетъ (сосетъ)...

— „Было насъ отчески защищать! звучалъ Бѣлецкій.

— „Я защищалъ тебе... далъ тебѣ мѣсто и великое безчестіе отъ господъ богослововъ чрезъ васъ претерпѣлъ [1])!“.

— „Не по отческу!.. безсовѣстно насъ наказали! заключилъ Кривецкій. Въ аудиторіи поднялся шумъ...

Съ разныхъ сторонъ раздалось: „безразсудно!.. безрезонно!.. несправедливо, не отчески!.. тиранско такъ наказывать философовъ!“...

Префектъ оторопѣлъ... Попытался читать лекцію, но шумъ заглушалъ его звуки...

— „Чего, господа, молчите? расходился опьяненный злобою Кривецкій... Развѣ у васъ языковъ нѣтъ?!“...

— „Такъ что жъ вы будете дѣлать? растерянно обратился о. Мелхиседекъ къ Кривецкому.

— „Къ Его Преосвященству станемъ ускаржаться! отрѣзалъ онъ.

— „Боже, благослови!“ прозвучалъ префектъ, благословляя аудиторію...

Лицо его было неузнаваемо; глаза блуждали, руки дрожали; голосъ обрывался...

— „Всѣ ли вы, съ усиліемъ спросилъ онъ, подымаясь съ каѳедры и складывая книгу, на мене станете суда искать“.

— „Всѣ! всѣ!“ хоромъ прогремѣло въ аудиторіи...

Бѣдный командиръ попросилъ прочитать молитву...

Прочитали „Достойно есть“...

Префектъ робко откланялся на обѣ стороны—„отблагодарилъ за школу“,—и, шагая къ двери,—чуть-чуть переводя духъ, пробурчалъ:

„Буди кто въ школу будетъ ходить, и я буду“!...

Съ болью въ сердцѣ шелъ префектъ въ свою келію... Что мнѣ дѣлать?.. Какъ мнѣ быть?.. Неужели всѣ, всѣ-до одного...

---

[1]) Префекты академіи обычно подыскивали старшимъ студентамъ кондиціи. Преимущество, конечно, было за богословами и, если философъ былъ предпочитаемъ, богословъ обижался.

философы такъ возненавидѣли меня?.. Нѣтъ! этого не можетъ быть! Вотъ, хотя бы Залѣсскій (философъ Ѳедоръ Залѣсскій состоялъ у него „писаремъ“)... да онъ всей душой преданъ мнѣ... Позову-ка я его, быстро мелькнуло въ головѣ о. Мелхиседека, да попрошу узнать, кто изъ философовъ не идетъ противъ меня... Если такихъ будетъ больше, чѣмъ крикуновъ... конечно, больше! Бодрился префектъ..., тогда я съумѣю расправиться съ мятежниками!..

Явился Залѣсскій, выслушалъ просьбу обиженнаго префекта и сейчасъ же направился по квартирамъ философовъ отбирать подписи сочувствующихъ своему профессору [1])...

Лице префекта прояснилось, когда онъ глазами пробѣгалъ немалое число фамилій философовъ, стоявшихъ за него „по едной синовской къ учителю своему должности“... Онъ ликовалъ въ душѣ, что его судьба еще не такъ печальна, какъ ему казалось въ аудиторіи... Въ такомъ случаѣ побѣда моя!—рѣшилъ онъ подсчитавъ всѣ подписи, и усѣлся писать новое доношеніе митрополиту.

„Сегодня утромъ, излагалъ онъ, во время моей лекціи философъ Романъ Кривецкій выскочилъ изъ-за скамьи и крикомъ: „господа философы! меня и другихъ нашъ учитель несправедливо вчера обезчестилъ!“... прервалъ мои занятія... Я сталъ приводить ему резоны въ оправданіе своего наказанія, но онъ всѣ ихъ „публѣчно за ложніе призналъ“, почему товарищи его (изъ нихъ префектъ переименовалъ 21, оговариваясь: и прочие, коихъ они сами показать могутъ“) тотчасъ подняли противъ меня страшный крикъ и шумъ, называя меня „неправосудцемъ“... „Своими неутолимыми воплями они такъ мене крѣпко спугали, что *одна думка была въ катедрѣ школной, а другая на порогѣ*

[1]) Такъ показывалъ на дознаніи въ консисторіи Иванъ Сѣчкаровъ; самъ же Залѣсскій говорилъ, что оставшіеся на сторонѣ префекта пришли къ нему „самовольно, ни по чьему принужденію и объявили, что они не имѣютъ никакой причины суда на ево искать“; въ ихъ числѣ былъ и онъ; Навроцкій показалъ, что стоявшіе за префекта, „согласившись самоизвольно, не съ принужденіемъ списали имена свои и учителю подали“, другіе показывали, что они „тайно“ приходили въ келію префекта и тутъ „на одной картки“ подписывались... Такое разнорѣчіе позволяетъ

смертномъ!“ Кривецкій поминутно „поскакувалъ“ среди аудиторіи, помахивая рукою, то моргая глазами, чтобы побудить своихъ единомышленниковъ, кажется, „къ весма худому и опасному мнѣ случаю“; часто обращался къ нимъ съ восклицаніемъ: „ну! чтожъ будемъ дѣлать, господа философы?“... Чувствуя „крайнюю опасность“, я попытался успокоить философовъ, убѣдить ихъ, что во всей своей дѣятельности я стремлюсь лишь къ одному—къ ихъ пользѣ, указывалъ имъ на свои „старателства“ о бурсацкихъ и школьныхъ постройкахъ, на свои классные труды, на „мѣста и кондиціи“, пріискиваемыя имъ мною (а сколько тутъ приходилось испытать „печали!“...), но... все было напрасно!.. Шумъ въ аудиторіи подымался еще большій... „Я струсилъ весма“ и подумалъ: „не хотятъ ли они мене средѣ школи висѣчь, или камнями забросать въ катедрѣ школьной или паче чаянія изъ гори (со втораго этажа) на низъ бросить“. Ожидать, „при такихъ мятежахъ“ откуда-либо помощи нельзя было, и я, покорно поблагодаривъ за школу, вышелъ изъ аудиторіи и, слава Богу, цѣлымъ и невредимымъ... Понятно, послѣ такихъ продерзостей со стороны философовъ („чего еще въ академіи никогда не бывало“), я не рѣшусь являться въ аудиторію, пока „не получу покровительства“ Вашего, и прошу Ваше Преосвященство „учинить опредѣленіе“... Лично явиться къ Вамъ я не могу, потому что страшно опасаюсь, чтобъ мои ученики на дорогѣ не напали на меня“...

Сложивъ такое доношеніе, о. Мелхиседекъ отправилъ его черезъ служителя къ митрополиту, рѣшивъ до резолюціи и на глаза не попадаться философамъ.

Не дремали и философы... Какъ ни казалось имъ справедливымъ все продѣланное по отношенію къ префекту, тѣмъ не менѣе сознаніе того, что онъ—ихъ начальникъ, внушало имъ какое-то опасеніе... Они чувствовали, что перевѣсъ останется за префектомъ, но не за ними. Мало того! Если префектъ представитъ всю исторію митрополиту въ своемъ освѣщеніи, то имъ придется поплатиться и—очень жестоко... Значитъ, нужно спасаться, нужно самимъ объяснить митрополиту, въ чемъ дѣло;

нужно показать, что они обижены префектомъ, и что виноватъ, слѣдовательно, онъ, а не они...

И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ соображеній Кривецкій, Бѣлецкій, Гамалѣя и Костенскій пишутъ въ тотъ же день митрополиту отъ себя доношеніе на префекта.

„Префектъ Мелхиседекъ Орловскій, читаемъ у нихъ, сего 20 февраля по одной, ни на чемъ не основанной, жалобѣ подольской вдовы, не принимая отъ насъ никакихъ оправданій наказалъ насъ „съ немилосерднимъ тиранствомъ“ (Гамалѣя и Бѣлецкаго „лишилъ мѣстъ“, Кривецкаго же и Костенскаго высѣкъ розгами и Костенскаго — такъ сильно, что тотъ заболѣлъ), чѣмъ „намъ навелъ немалое безчестіе въ академіи“... Всѣ мы живемъ въ наемныхъ квартирахъ и наши хозяева снабжаютъ насъ отопленіемъ („обогрѣваніемъ“); слѣдовательно, префекту, „*яко учителю философіи можно здравимъ умомъ разсудить*“, что дрова намъ не нужны, и потому не принять отъ женщины бездоказательнаго обвиненія насъ въ ихъ воровствѣ, тѣмъ болѣе, что и „по всѣмъ правамъ указано: ежели истецъ ничимъ не доводитъ, то обвиненный безъ всякого виводу волнимъ остается“... Мало того, Префекту слѣдовало отстаивать нашу честь, какъ своихъ учениковъ, ни въ чемъ прежде не заподозрѣнныхъ... А онъ, опираясь „на еднихъ пустыхъ женскихъ рѣчахъ, дерзнулъ насъ безчестить и бить, въ отмѣну Регламента Духовнаго части 1, листа 57, пункта 6-го и 8-го“... Въ заключеніе они просили митрополита „за таковое невинное безчестіе и побой учинить съ префекта удовлство... и впредъ ему таковихъ несправедливыхъ дерзостей чинить запрѣтить“...

Дни проходили. Префектъ въ аудиторію не показывался, въ ожиданіи митрополичьяго „опредѣленія“. Философы-мятежники недоумѣвали и смущались за исходъ своего возстанія противъ о. Мелхиседека. Они обдумывали теперь, какъ бы имъ обвинить его и оправдать себя...

25 февраля больной Костенскій высказалъ товарищамъ желаніе, чтобъ надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія. Товарищи дважды обращались къ префекту и разъ къ ректору съ просьбою отпустить для совершенія елеосвященія священ-

никовъ изъ Братскаго монастыря, но тотъ и другой отвѣчали имъ: „на подолѣ много священниковъ!“.. Такой обидѣ философы какъ бы обрадовались, видя въ ней сильное обвиненіе противъ своего академическаго начальства, вызывающаго справедливыя возмущенія, и сейчасъ же обратились съ словесною жалобою къ митрополиту. Митрополитъ немедленно велѣлъ записать ихъ жалобу и снарядилъ судоваго писаря іером. Венедикта съ канцеляристомъ Иваномъ Юзефовичемъ освидѣтельствовать Костенскаго. Костенскій, по ихъ мнѣнію, оказался серьезно больнымъ, не могшимъ даже подняться съ постели. Чѣмъ онъ страдалъ, они не опредѣляли, но съ его словъ записали, что послѣ префектовскихъ побоевъ онъ ощущаетъ „внутрѣ немалую порчь“, что на другой день послѣ экзекуціи у него было кровохарканье; нашли, что онъ не владѣетъ правою рукою и безъ сторонней помощи не въ состояніи переворотиться на кровати, узнали, что шестой день онъ ничего не ѣстъ и поддерживаетъ себя лишь питьемъ теплой воды разъ въ сутки; замѣтили, наконецъ, у него на тѣлѣ, „въ томъ мѣстѣ, гдѣ бито, отъ хлости давной у отца префекта, кровавые позашкорупѣліе смуги“...

Чрезъ нѣсколько дней до философовъ долетѣла не отрадная вѣсть, что митрополитъ находитъ ихъ виновными и что имъ предстоитъ большая непріятность. Откуда узнали они это,—не рѣшаемъ; вѣроятно, отъ митрополичьихъ канцеляристовъ... Значитъ, напрасно ректоръ, препровождая катедральному писарю два доношенія префекта (для передачи митрополиту), просилъ его, чтобы онъ самъ „по онымъ писалъ подлежащее“, не отдавая канцеляристамъ, которые „сейчасъ вынесутъ изъ консисторіи резолюцію, и такъ по онымъ ничего здѣлать не можно будетъ“ [1]). Философы смутились, и, въ виду того, что префектъ все еще не посѣщалъ аудиторіи, рѣшились на послѣдній шагъ—просить митрополита уволить ихъ изъ академіи (вѣроятно, въ той надеждѣ, что подобная просьба склонитъ митрополита въ ихъ пользу).

---

[1]) Это бросаетъ глубокую тѣнь на ректора... Очевидно, онъ сознавалъ, что философы были правы, по крайней мѣрѣ могли оправдаться.

Вотъ что они писали митрополиту 7-го марта:

„21 февраля сего года послѣ „протестаціи“ нашихъ соучениковъ—Кривецкаго и Бѣлецкаго на то, что префектъ „безъ правильной причини противъ характера школи философіи велѣлъ ихъ сѣчь немилосердо розгами“ (такъ что Костенскій „въ сомнителствѣ съ архіяторского примѣчанія есть долговременнаго житія“ и надъ нимъ уже „христіянскіе порядки отправленни“), мы „кротко и съ должнимъ почтеніемъ“ просили префекта указать причины такого ихъ „штрафа“, „ибо и намъ всѣмъ предвѣдѣлось не что иное, какъ таковая жъ срогая и напрасная награда.“ Префектъ отвѣтилъ намъ на это: „ищѣте-де суда на мене!“ и „по завзятости своей“ ушелъ изъ аудиторіи... За нимъ ушли и мы... И вотъ съ 21-го февраля онъ не является на лекціи, „удерживаетъ намъ время ученія,“ а предъ Вами—что очень обидно—„проименовалъ насъ бунтовщиками (*какъ послухъ есть*),“ чѣмъ и „привелъ васъ на гнѣвъ,“ такъ что вы позволили поступить съ нами, какъ съ бунтовщиками... Но мы—не бунтовщики, но вѣрноподданные сыны Россійской имперіи, ибо „бунтовщикъ тотъ, которій на здравіе чіе возмущаетъ и подговариваетъ,“ у насъ же въ душѣ ничего подобнаго не было... и мы сдѣлали только то, о чемъ выше говоримъ. Если же Вы „изволите себе увѣрить не на насъ вообще, а на единомъ толко отцу префекту, и съ нами (*какъ слишно*) децѣзіи оставить не соблагоизволите, то ми, за происходившее въ академіи намъ ученіе съ ползою, понуждени будемъ поднести Вамъ благодареніе и изъ академіи къ докончанію совершеннѣшаго нашего ученія разойтись ьь иніи мѣста, да притомъ и то еще причина, что намъ окончивать ученіе философіи подъ дирекціею отца префекта опасно, даби онъ намѣреннаго своего авантажа не наградилъ подъ какимъ нибудь образомъ.“

Это прошеніе было подписано 22 философами—врагами префекта.

Дѣло, какъ видимъ, гремѣло..., и требовало тщательнаго слѣдствія.

Митрополитъ 10 марта указомъ изъ консисторіи велѣлъ префекту возобновить занятія фялософіей, „безъ всякаго сумни-

телства ходить въ школу и ученіе надлежащимъ порядкомъ продолжать, точію въ школу не принять таковихъ учениковъ, на коихъ онъ префектъ имѣетъ зазрѣніе“ [1]); а Консисторіи поручилъ произвести обстоятельное слѣдствіе о философическомъ возмущеніи...

Долго тянулось дѣло въ Консисторіи. Она отобрала собственноручныя показанія у всѣхъ философовъ и даже у экзекуторовъ, сѣкшихъ Кривецкаго и Костенскаго... И каковъ былъ конецъ всему, не знаемъ [2]). Однако, судя по тому, что 19 мая въ Консисторіи была сдѣлана краткая выписка изъ Высочайшихъ граматъ, данныхъ кіевской академіи (Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1694 г., Петромъ Великимъ въ 1701 г., Елизаветой Петровной въ 1742 г.), изъ Духовнаго Регламента, изъ рѣгулъ кіевской и иностранныхъ академій [3])—о студентахъ, „не порядочно поступающихъ,“ для законнаго приговора надъ бунтовщиками, можно сказать, что имъ не посчастливилось... Да и префекту Мелхиседеку Орловскому, уже въ слѣдующемъ учебномъ году выбывшему изъ академіи, вѣроятно, была не особенно пріятна развязка этой исторіи.

XV.

Къ утѣшенію академической администраціи, послѣ изложенной нами демонстраціи, въ 1763 г. [4]) ей пришлось составлять новую инструкцію студентамъ, и она въ 15-мъ пунктѣ

---

[1]) Этотъ указъ учителями—синтаксическимъ іером. Никодимомъ и аналогическимъ—іерод. Іереміею былъ объявленъ всѣмъ философамъ 13 марта.

Кто былъ не принятъ префектомъ, не знаемъ... Вѣроятно, не одинъ Бѣлецкій, просившій митрополита 15 апрѣля объ обратномъ пріемѣ его въ академію ..

[2]) Дѣло это сохранилось не въ полномъ видѣ.

[3]) Тутъ были выписки изъ регулъ академій Виттембергской и Магдебургской, на которыя (выписки) обращаемъ вниманіе будущаго историка кіевской академіи за вторую половину XVIII в. См. „Акты относящіеся къ исторіи кіевской академіи за XVIII столѣтіе, собранные Д. Вишневскимъ въ 1895 г.“. № 21. (въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи).

[4]) Инструкція была представлена митрополиту 18 ноября 1763 г. и утверждена имъ 39 декабря. (Ibid., д. № 22).

постаралась оградить себя отъ непріятныхъ студенческихъ жалобъ и доношеній на нее митрополиту... Въ этой инструкціи прямо, подъ угрозою „жестокаго на тѣлѣ наказанія“, запрещалось, безъ вѣдома ректора, писать такія доношенія; и еслибы кто-нибудь изъ студентовъ явился къ митрополиту съ подобнымъ доношеніемъ, таковаго предписывалось „отсылать при нарочномъ въ академію для наказанія предъ прочими учениками въ школѣ“...

Силу этого постановленія академическое начальство охраняло самымъ усерднымъ образомъ. Мало того; въ 1764 г. оно, воспользовавшись случаемъ [1]), успѣло еще выговорить себѣ (ректору) право, увольнять студентовъ, „за противности“ начальству, даже не представляя объ этомъ митрополиту, „во отвращеніе имѣющихъ послѣдовать Его Ясне въ Богу Преосвященству излишнихъ затрудненій, академической командѣ несноснихъ хлопотъ, въ ученіи помѣшательствъ, отъ всѣхъ состоящихъ въ Кіевѣ разныхъ командъ нареканій і непотребныхъ переписокъ“...

Это, кажется, прекратило возмущенія молодежи въ академіи...

Д. Вишневскій.

---

[1]) Случаемъ этимъ были „ругателнія, язвительнія и единственно къ уничтоженію власти префектской и всѣхъ обще учителей касающіяся рѣчи“ богослова Петра Яновскаго, произнесенныя имъ „съ крайнимъ непочтеніемъ, презрѣніемъ и другими непристойными поступками“ всему собранію академической корпораціи, судившей его за то, что онъ 12 апрѣля 1746 г. „въ пянствѣ“ высѣкъ въ бурсѣ „лозами„ піиту Андрея Пушкаревича, безъ всякаго повода. (Яновскому за это было приговорено, послѣ извиненія дать, 60 плягъ, въ присутствіи префекта и учителей... Впрочемъ 19 ударовъ ему простили).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову)[1].

Свѣдѣнія о пребываніи Іереміи В. въ лѣвобережной Украинѣ отрывочны и сбивчивы. Сбивчивы эти свѣдѣнія особенно отъ значительнаго прибавленія къ фактамъ историческимъ—разныхъ личныхъ догадокъ позднѣйшихъ историковъ, причемъ догадки приводятся, какъ историческіе факты. Возьмемъ, напр., послѣднюю книгу Кулиша—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", напечатанную Московскимъ историческимъ обществомъ,—и что же мы въ ней находимъ относительно пребыванія В—аго въ Лубенщинѣ?—Съ увѣреннымъ тономъ сообщается объ этомъ такое свѣдѣніе: „Основавъ съ 1634 г. свою резиденцію въ Лубнахъ, В—ій въ религіозномъ отношеніи—не трогалъ монастырей, основанныхъ при покровительствѣ его матери. Онъ ограничился только тѣмъ, что въ виду *обскурантовъ и пьяницъ*, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлію уничтожить православные храмы и привлечь симпатіи лучшихъ людей (?) къ религіи облагороженной, В—ій построилъ доминиканскій, т. е. проповѣднический, м—рь въ Прилукѣ и костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ"... (II, 198). Всѣ эти факты сообщаетъ новѣйшій историкъ Малороссіи, не указывая источника, но такъ авторитетно, что какъ будто и сомнѣваться въ нихъ нельзя. Мы можемъ указать источникъ лишь свѣдѣній о домниканскомъ монастырѣ и костелахъ; взяты они или у Нѣ-

[1]) См. „Кіев. Стар." 1896 г. № 2.

сѣцкаго [1]) непосредственно или—у Свѣнцкаго [2]), который свою компиляцію о Іереміи В—омъ составлялъ преимущественно по такой же компиляціи Нѣсѣцкаго. Интересно, что въ той же свой книгѣ Кулишъ разсказываетъ раньше о томъ же съ иными подробностями... Говоря объ отношеніяхъ В—аго къ лѣвобережнымъ монахамъ, Кулишъ говоритъ, что Іеремія терпѣлъ православныхъ монаховъ въ своей Лубенщинѣ только ради своего родственника Петра Могилы и что когда когда игумены лѣвобережныхъ монастырей обращались къ нему съ просьбами и жалобами [3]), онъ отвѣчалъ имъ съ принебреженіемъ и давалъ чувствовать близость насильственнаго перехода подъ главенство римскаго папы. За то въ Лубнахъ, Ромнѣ, *Хоролѣ и другихъ городахъ* своихъ строилъ онъ костелы и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаютъ въ замкахъ гарнизоны... „(I, 212).—Приводя эти факты, основанные на однихъ догадкахъ, г. Кулишъ желаетъ сообщеніемъ ихъ показать, что цѣлью переселенія Іереміи на лѣвый берегъ Днѣпра былъ „насильственный переходъ населенія Лубенщины подъ главенство папы", т. е., что В—ій желалъ и въ „заднѣпровскихъ" своихъ маетностяхъ ввести ту же унію, которая въ это время уже царила на правомъ берегу Днѣпра... Ближайшее изученіе источниковъ, повидимому, указываетъ, что Іеремія пе-

---

[1]) Herbarz Polski, изд. Бобровича, IX, 356, гдѣ читаемъ: „fundował w Przyłuce o. o. dominikanów (Okolski, Russ. Flor., 57) kościoły w Łubnie, Rumnie, Łochwicy, w Wiśniowcu zaś wspaniałą stawiać począł bazylikę"...

[2]) Historiczne Pamiątki, II, 298. Тѣ же источники, т. е. Нѣсѣцкій или Свѣнцкій, повидимому, послужили источникомъ и для Костомарова въ его разсказѣ о пребываніи Іереміи В—аго въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ читаемъ, что В—ій „владѣя огромными имѣніями въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней Полтавской губерніи, принялся съ жаромъ *вводить католичество*, построилъ въ Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ, поощрялъ единоземцевъ (?), переходившихъ въ католичество и гналъ схизматиковъ, какъ называли поляки православныхъ... „(Богд. Хмельн., изд. 4, I, 327).—Трудно понять, изъ приведеннаго мѣста—гдѣ собственно В—ій принялся „вводить католичество"?—Вообще ли въ своихъ имѣніяхъ или же только въ его имѣніяхъ теперешней Полтавской губерніи?...

[3]) Здѣсь г. К—шъ разумѣетъ конечно обращеніе къ В—му Густынскаго игумена въ 1638 г. (см. февр., 217), такъ какъ другихъ такихъ обращеній—по актамъ не извѣстно.

переселялся въ Лубенщину съ цѣлями экономическими, а не религіозными... Кажется, нельзя сомнѣваться, что В—ій переселился въ Лубенщину на жительство уже послѣ женитьбы, [1]) т. е. не раньше 1639 г., а слѣдовательно только черезъ годъ послѣ усмиренія козаковъ, когда изъ лѣвобережныхъ его имѣній бѣжало „нѣсколько тысячъ подданныхъ“ въ Московское государство, когда туда же бѣжали лѣвобережные монахи, когда, однимъ словомъ, въ Лубенщинѣ царилъ общій переполохъ, такъ какъ тогдашнее ея населеніе ожидало новыхъ насилій, послѣ испытанныхъ уже при усмиреніи Остряницы и Гуни... Отсюда мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что В—ій переселился въ Лубенщину не для того, чтобы снова устрашать и разгонять ея жителей, а для того, чтобы призывать туда новыхъ,— для пополненія произшедшей въ населеніи убыли... И конечно не постройкою костеловъ въ Прилукѣ, Ромнѣ, Лохвицѣ, Хоролѣ, и „другихъ городахъ“ и не размѣщеніемъ въ этихъ городахъ „католическихъ монаховъ въ качествѣ духовныхъ гарнизоновъ“— могъ В—ій привлекать въ Лубенщину новыхъ *слобожанъ*. При всемъ этомъ, свѣдѣнія объ этихъ костелахъ болѣе чѣмъ сомнительны. Достовѣрное имѣется свѣдѣніе объ одномъ только Лубенскомъ кляшторѣ. Мы уже видѣли, что Кулишъ въ одной своей работѣ 1863 г. указываетъ на разореніе въ Лубнахъ *бернардинскаго* монастыря (февр., 216), случившееся будто бы вслѣдъ за Кумейскимъ пораженіемъ козаковъ. Повторяя это свѣдѣніе черезъ 25 лѣтъ, Кулишъ не говоритъ уже о монастырѣ, а лишь объ одномъ костелѣ („Отпад.,“ I, 238). Но въ Лубнахъ былъ дѣйствительно устроенъ католическій монастырь („конвентъ“) и при томъ бернардинскій [2]). О постройкѣ же костеловъ въ Ромнѣ,

---

[1]) Для усмиренія козацкаго возстанія въ предѣлахъ Лубенщины въ 1638 г. Іеремія пришелъ „pod Lubnie“ съ войскомъ, (Dyaryusz Окольскаго, изд. Туровскаго 1858 г., стр. 129), повидимому, съ праваго берега Днѣпра; слѣд., въ это время онъ тутъ еще не жилъ ..

[2]) По акту 1647 г. Іеремія В. отдалъ Александру Замойскому г. Лубны, со всѣми его угодьми и хуторами, въ арендное пользованіе, на три года, за 21 т. польск. злот., считая въ годъ по 7 т. злот., при чемъ сумму эту Замойскій обязанъ былъ уплачивать *oycom Łubieńskiego conwentu bernadynom*... „Арх. Ю. З. Россіи, т. VII, ч. 1, стр. 462. Окольскій, говоря о „конвентахъ“ въ „русской провинціи“, построен-

Лохвицѣ, Хоролѣ никакихъ свѣдѣній въ извѣстныхъ намъ печатныхъ и письменныхъ источникахъ—нѣтъ. Да, повидимому, не для кого ихъ было и строить, такъ какъ католиковъ въ Лубенщинѣ много быть тогда не могло: кромѣ „дворянъ“ В—аго и разныхъ его „старостъ“ и прочихъ „слугъ“, другимъ католикамъ не откуда тамъ было взяться; для такого же незначительнаго числа католиковъ достаточно было и одного монастырскаго костела въ Лубнахъ. Поэтому, можно думать, что упоминаемыхъ Кулишемъ костеловъ вовсе не существовало. Можетъ быть сомнѣніе лишь относительно домниканскаго конвента въ Прилукѣ.

Упоминая объ этомъ конвентѣ, Нѣсѣцкій дѣлаетъ ссылку на книжку Окольскаго—Russia Florida. Дѣйствительно въ этой книжкѣ говорится, что избранный въ 1644 г. провинціаломъ „русской провинціи“ доминикинецъ Іеронимъ Грохольскій заботился объ устройствѣ новыхъ конвентовъ въ своей провинціи („curavit aliquod loca pro conventibus erigendis“), причемъ вслѣдъ за этою фразою слѣдуетъ, какъ будто въ видѣ ея поясненія: „in Lipowiec, haereditate ducis in Zasław et Ostrog per gen. d. Wilga, sunm consanguineum, *in Przyłuka per illustrissimum ducem in Wisniowiec Jeremiam*, palat. Russiae...“ стр. 57). Что хотѣлъ сказать этими словами Окольскій—понять трудно... Былъ ли устроенъ въ Прилукѣ „кляшторъ“ или только дано было обѣщаніе на его устройство? [1]) При этомъ Окольскій ука-

---

ныхъ орденомъ бернардиновъ, тоже указываетъ *Лубны* (Łubniam). Russia Florida (Leopoli, 1646), стр. 25. Послѣ изгнанія поляковъ, бернардинскія имѣнія отданы были Хмельницкимъ Мгарскому монастырю. Въ одной купчей записи 1667 г. читаемъ, что братья Науменки, „вязовецкіе мешканцы, продали Мгарскому м—рю два „иза“ за „шесть золотыхъ“, при чемъ добавляютъ: „щосмо купилисмо были въ грунтахъ бернардинскихъ, на врочищи, прозываемомъ Тернахъ, изовъ два увъ озерахъ, бернардинскихъ, которыхъ то изовъ уживалисмо по збуреню *кляштора лубенского*... яко и. гетманъ в. Зап. Богданъ Хмелницкій тие всѣ грунта кляшторніе на врочищахъ, прозив. Тернахъ, що предъ симъ уживали бернадини кляштора Лубенского.. тое все надалъ велебнимъ отцамъ законникамъ м—ра Мгарского Лубенского на писмѣ своемъ“... Акты Мгарск. м—ря, л. 256 об.

[1]) При рѣшеніи вопроса о кляшторѣ въ Прилукѣ—слѣдуетъ кромѣ того имѣть въ виду, что есть еще *Прилука* м—на правомъ берегу Днѣпра (теперь—въ Бердич. у), которая въ перв. пол. XVII в. уже была центромъ цѣлаго ключа (Zródła Dziejowe XX, 123, 136 и друг.) Могло случиться, что Окольскій лишь по ошибкѣ назвалъ Прилуку Іереміи В—аго, вмѣсто правобережной, находившейся въ

зываетъ здѣсь 1644-й годъ, а книжка, въ которой онъ говоритъ объ этомъ, появилась въ печати въ 1646 г., почему можно думать, что здѣсь сообщается свѣдѣніе лишь объ одномъ только намѣреніи провинціала Грохольскаго, на дѣлѣ потомъ не осуществленномъ. Во всякомъ случаѣ никакихъ мѣстныхъ свѣдѣній о существованіи католическаго кляштора въ Прилукѣ до сихъ поръ мы не встрѣтили [1]).

Въ виду преведенныхъ соображеній о томъ—могли ли въ дѣйствительности быть въ Лубенщинѣ называемые г. Кулишемъ кляштори и костелы, слѣдуетъ, кажется, рѣшить этотъ вопросъ такъ, что кромѣ Лубенскаго кляштора, другихъ кляшторовъ или костеловъ—не было [2]).

Затѣмъ, въ той же книгѣ Кулиша читаемъ, что поселившись въ Лубнахъ, В—ій „отнюдь не дозволялъ Московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригай-

---

той же Украинѣ, гдѣ былъ и Липовецъ, въ которомъ Грохольскій тогда же хотѣлъ устроить или и устроилъ—доминиканскій конвентъ. Правобережная Прилука одно время принадлежала (повидимому, ок. 1630 г.) Константину *Вишневецкому*, бывшему и *палатиномъ* (т. е. воеводою) *русскимъ*. (Słown. geogr., IX, 219).

[1]) При этомъ разумѣемъ хотя бы такія свѣдѣнія, какія сохранились относительно Лубенскаго бернардинскаго м—ря. Думается, что если бы въ Прилукѣ дѣйствительно устроенъ былъ кляшторъ, то В—ій долженъ былъ надѣлить его землею, а если бы была такая земля, то Густынскіе монахи не упустили бы случая выпросить ее (хотя бы по примѣру Мгарскаго м—ря) у Хмельницкаго... Но ни въ универсалахъ этого гетмана, ни въ другихъ документахъ Густынскаго м—ря о Прилуцкихъ доминиканахъ никакихъ упоминаній нѣтъ, при чемъ добавляемъ, что всѣ поземельные документы Густынск. м—ря нынѣ находятся въ Кіевск. Центр. арх., куда поступили въ 1895 г. изъ Черниг. казен. палаты.

[2]) Пользуясь книжкой Окольскаго—Russia Florida—можемъ сообщить, что кромѣ Лубенскаго, въ лѣвобережной Украинѣ, до полов. XVII в., были еще только слѣдующіе кляшторы: въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ и Нѣжинѣ, причемъ о времени основанія ихъ Окольскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія (стр. 119—123). О количествѣ „братіи“ въ этихъ кляшторахъ говорится лишь относительно Нѣжинскаго—„manent ibi 4 fratres“. Наряду съ Нѣжинскимъ, Черкасскимъ и Н.-сѣверскимъ кляшторами называется также и Снятинскій, но здѣсь разумѣется Снятинъ правобережный (стр. 93), а не Лубенскій. Къ этому правобережному Снятину должны быть отнесены и цифры о его населеніи, которыя мы указали выше (февр. 226), какъ относящіеся къ Лубенскому Снятину: въ послѣднемъ въ 1628 г. было 15 дымовъ, а 30 дымовъ было въ Снятинѣ правобережномъ (теперь В. Снятинъ—Васильк. у.).

лова, подъ Путивлемъ, а Крымская орда, вторгавшаяся въ западную Украину, черезъ древнее Поросье,—не смѣла съ востока перейти Ворскло и Пселъ, чтобы ясырнйчать на Посуліи...“ (I, 199). И здѣсь видимъ тѣже личныя догадки, которыя приводятся, какъ факты... Но дѣло въ томъ, что „Московскимъ пограничникамъ“ житье около Недригайлова было, повидимому, привольнѣе, чѣмъ въ Лубенщинѣ [1]), которая ихъ поэтому вовсе и манить не могла. А относительно татарскихъ набѣговъ—случилось, что въ первый-же годъ переселенія В—аго въ Лубенщину, этому, будто бы недоступному, Посулію—пришлось испытать жестокое „ясырничанье“ татаръ. Въ февралѣ 1640 года [2]) татары разоряли оба берега Днѣпра, при чемъ на лѣвомъ берегу доходили до Прилуки. „И воевавъ де онѣ, татарове, вышли изъ Литовской земли вонъ назадъ, и тѣхъ де татаръ погромилъ подъ г. Горошиномъ гетманъ Конецпольскій да Замойскій, за Лащъ, и отшибли де у тѣхъ татаръ Московскаго полону *тысячи съ три...*“ Такъ доносилъ въ Москву Путивльскій воевода Пушкинъ, а еще подробнѣе разсказалъ объ этомъ набѣгѣ одинъ Кіевскій монахъ, пріѣзжавшій въ Москву съ грамотою отъ митрополита Могилы. „Приходили подъ Кіевъ за 15 верстъ изгономъ крымскіе татаровя, а изъ подъ Кіева тѣжъ татаровя были за Днѣпромъ, подъ Прилуками, *въ Вишневецкаго имѣніяхъ*, и въ Переяславскихъ мѣстахъ, *куды татаровя николи не захаживали* [3]), и многія села и деревни пожгли, и людей многихъ побили, и въ полонъ поимали... А потому въ Литовской

---

[1]) Иначе они не уходили бы въ Московскіе предѣлы, на что жаловался старостѣ В—аго, говоря о бѣгствѣ туда нѣсколькихъ тысячъ.

[2]) Извѣстно, что татары предпочитали дѣлать свои набѣги зимою, вѣроятно, для избѣжанія затрудненій при переправахъ. Бартошевичъ думаетъ однакожъ, что зимніе набѣги обусловливались тѣмъ, что—„wtedy w stodołach było pełno“ и что тогда „Ruś świeciła bogatstwem swojey ziemi.“ (*Pogląd na stosunki Polski z Turcya i Tatarami.* Warsz., 1860, стр. 77). Но вопервыхъ, татаръ вовсе не интересовалъ грабежъ того имущества, которое сохранялось въ „*стодолахъ*“, а во вторыхъ, для *уничтоженія* его (что и дѣлали татары) ранняя осень была удобнѣе, по отсутствіи хотя бы снѣговъ и морозовъ, да и „стодолы“ осенью были полнѣе, чѣмъ зимою...

[3]) Пока мѣстность эта была мало населена—татарамъ незачѣмъ было и ходить сюда.

землѣ всякихъ людей поимали до 100.000 человѣкъ [1]), опричь тѣхъ, сколько побито... И воевавъ татаровя Литовскую землю, пошли всѣ назадъ и полонъ, и лошади погнали въ свою землю. А за татары пошелъ ихъ шляхомъ гетманъ Конецпольскій, а пошло съ нимъ съ 40000 людей, а итги хотѣлъ до ихъ ихъ земли, и нынѣ де тотъ слухъ есть, что ихъ дошелъ и громилъ. Да гетманъ же де Конецпольскій въ Литовской земли, подъ г. Горошиномъ, отшибъ у татаръ Литовскаго полону всякихъ людей съ 3000 человѣкъ"... [2]) Здѣсь нѣтъ упоминанія о о самомъ В—омъ, м. б. потому, что онъ не ходилъ въ догонку за татарами и о немъ небыло повода говорить,—но о разореніи Посулія ясно говорится...

Засимъ, обращаясь къ знакомству съ дѣятельностью Іереміи въ Лубенщинѣ, по переселеніи его туда, находимъ, что таковая заключалась въ устройствѣ и разширеніи маетностей.

Повидимому, одною изъ главныхъ заботъ В—го на лѣвомъ берегу—было возвращеніе отнятаго у него тамъ Ромна съ его окрестными землями. Городъ этотъ, возстановленный В—ими на старомъ городищѣ, вошелъ въ составъ ихъ владѣній вмѣстѣ съ остальнымъ Посуліемъ (февр., 227); тѣмъ не менѣе, во время малолѣтства Іереміи, онъ былъ захваченъ сначала Калиновскимъ, а послѣ заключенія Поляновскаго договора—отданъ былъ королемъ Владиславомъ, въ видѣ „кролевщизны", любимцу его Адаму Казановскому. Не надѣясь добиться мирнаго возвращенія незаконно отобранной маетности, В—ій употребилъ насиліе. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Лубенщинѣ прошелъ слухъ о смерти Казановскаго, В—ій поручилъ одному изъ своихъ „слугъ" (въ маѣ 1644 г.) съ помощью силы занять Роменъ, что тотъ и исполнилъ. Казановскій жаловался королю и обратился въ судъ; послѣдній рѣшилъ дѣло въ пользу истца и такъ какъ В—ій на судъ не явился то, выдалъ Казановскому заочный приговоръ (kontomacyjny simplicis banitionis dekret), которымъ,

[1]) Такъ какъ татары въ это время разоряли и Волынь, и Галичину, то конечно свѣдѣніе о полонѣ въ 100000 чел. относится главнымъ образомъ къ правобережной Украинѣ.

присудивъ Роменъ послѣднему, кромѣ того, приговорилъ В—аго къ *банниціи*, т. е. къ изгнанію... Разсерженный этимъ рѣшеніемъ, В—ій пожаловался на Луцкомъ сеймикѣ волынскимъ „посламъ“, которые должны были въ январѣ 1645 года ѣхать на Варшавскій сеймъ, причемъ изложилъ имъ, какъ свои права на Роменъ, такъ и подробности отдачи его королемъ Казановскому; при этомъ В—ій показалъ посламъ всѣ тѣ акты, которые несомнѣнно доказывали безспорность юридическихъ правъ В—ихъ на пограничное съ Московскими землями—Посулье [1]). Послы совѣтывали В—му—не подчиняться судебному рѣшенію [2]). В—ій такъ и поступилъ, вслѣдствіе чего въ это дѣло долженъ былъ вмѣшаться самъ король, который разсмотрѣвъ документы В—аго, рѣшилъ споръ въ пользу послѣдняго, а Казановскій успокоился, получивъ 100 тыс. злотыхъ [3]).

Возвративъ себѣ Роменъ, а вмѣстѣ съ нимъ и пограничное съ Московскими землями Посулье, В—ій посадилъ тамъ старосту Яна Бесѣдовскаго, который вмѣстѣ съ другимъ „слугою“ В—аго, Криштофомъ Сѣножацкимъ, *хоружимъ* Черниговскимъ, и началъ тогда же садить на этомъ пограничьи по рѣчкѣ Хусѣ, слободы. При этомъ и были ими поселены: *Бесѣдовка*—Бесѣдовскимъ и *Хоружевка*—хоружимъ Сѣножацкимъ [4]).

Добившись такъ успѣшно возстановленія своихъ правъ на Роменщину, В—ій попробовълъ было присоединить къ своимъ маетностямъ и сосѣдній съ Ромномъ-Гадячъ. Послѣдній изстари принадлежалъ Станиславу Конецпольскому, а послѣ его смерти перешелъ къ сыну—Александру. В—ій, находя почему-то права Конецпольскихъ на Гадячъ сомнительными [5]), занялъ этотъ городъ тоже силою („mocą te dobra zajeźdźa“). Молодой Конецполь-

[1]) Pamiętniki Albr. St. x. Radziwiłła, I, 155, и Арх. Ю. З. Россіи, ч. II, т. I, стр. 289 и слѣд.

[2]) „Otrzymał (отъ пословъ) artykuł, aby raczej rwał się sejm, niżeli żeby miał być ruszony przez jaki dekret z possessyi dóbr Rumno od Kazanowskiego odebranych...“ Radziw., I, 156.

[3]) Тамъ же, I, 164. „Umie Wiśniowiecki i nieprzyjaciół ojczyzny i swoich zwyciężać“ добавляетъ при этомъ Радзивиллъ.

[4]) О поселеніи Хоружевки см. Акты Ю. З. Россіи, III, 101 и 152.

[5]) Гадячъ достался Станисл. Конецпольскому послѣ женитьбы его на дочери.

скій, жалуясь сейму (1647 г.) на насиліе Б—аго, добавлялъ, что онъ также безправно захватилъ и Хоролъ, который хотя когда то и принадлежалъ В—имъ, но затѣмъ обращенъ былъ въ кролевщизну. По разсмотрѣніи вопроса о захватѣ Гадяча на сеймѣ, въ маѣ 1647 г., было рѣшено—возвратить его Конецпольскому, причемъ сеймъ призналъ право послѣдняго и на Хоролъ, но за этотъ городъ Конецпольскій долженъ былъ уплатить В—му 100 тыс. злотыхъ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видимъ, какъ ревностно стремился В—ій къ разширенію своихъ лѣвобережныхъ маетностей, причемъ не затруднялся дѣйствовать и силою, тамъ гдѣ права его были сомнительны. Не ограничиваясь округленіемъ своихъ маетностей въ предѣлахъ Лубенщины, В—ій принималъ мѣры къ возвращенію даже тѣхъ изъ своихъ „подданныхъ“, которые ушли передъ тѣмъ въ предѣлы Московскаго государства, причемъ просилъ Путивльскаго воеводу кн. Долгорукова—позволить его „слугамъ“ Бесѣдовскому и Сѣножацкому розыскивать бѣжавшихъ въ Путивльскіе предѣлы подданныхъ его, В—аго, и возвращать послѣднихъ съ „животами и съ маетками“. Московское правительство, повидимому, оберегая миръ сосѣдскихъ отношеній,—„велѣло князя Еремѣя В—аго подданныхъ съ государевой земли, изъ Недригайловскаго уѣзда, ссылать безпрестанно тихостію“... [2]).

Затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іереміей В—мъ Лубенщины новыми слободами и объ увеличеніи населенія въ городахъ, возникшихъ до переселенія его въ Лу-

---

[1]) Pamiętniki Радзивила, II, 247, 264 и 273. См. также Dyaryusz Bog. Maszkiewicza, (Zbiór pam. histor. o dawn. Polszcze, t. V) стр. 59.—Въ книгѣ Кулиша—„Отпаденіе“ (II, 199) есть такая фраза: „Конецпольскій (Станиславъ) тягался съ В—мъ до самой смерти за *сорокъ старыхъ осадъ въ Украинѣ*“ и т. д. О какихъ осадахъ здѣсь говорится—понять нельзя... Есть у насъ свѣдѣніе Боплана, что онъ поселилъ Конецпольскому въ Украинѣ болѣе 50-ти обширныхъ слободъ (Опис. Укр. стр. XVIII), но и только. Есть и другое указаніе, что Стан. Конецпольскій „posadami wielkich miast Ukrainę ozdobił a tem w Ukrainę tatarom drogę zawarł...“ (Pamiętniki o Koniecpolskich, стр. 179). Но о спорахъ его съ В—мъ за эти „слободы и посады“, *которыя здѣсь опредѣленно не указываются*, мы свѣдѣній не встрѣтили.

бенщину. Затѣмъ, мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іереміей Лубенщины новыми слободами и о привлеченіи новаго населенія въ „городки", возникшіе до переселенія В—аго въ Лубенщину; но за то сохранился документъ, представляющій собою, какъ бы итогъ колонизаціонной дѣятельности послѣдняго. Мы говоримъ о напечатанномъ Пшездѣцкимъ—въ 1841 г.—спискѣ „подданныхъ кн. Іереміи В—аго въ заднѣпровской Украинѣ" [1]); въ этомъ спискѣ перечислены всѣ отдѣльныя поселенія съ показаніемъ числа „hospodarów samych osiadłych" и „колесъ" водяныхъ мельницъ. При скудости нашихъ свѣдѣній о численности населенія въ южной Малороссіи (да въ сѣверной тоже) за первую половину XVII в., списокъ Пшездѣцкаго представлялъ бы собою очень цѣнный историческій документъ, если бы, къ сожалѣнію, не возбуждалъ сомнѣній въ достовѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній. Прежде всего, списокъ этотъ не имѣетъ даты, причемъ о послѣдней можно лишь догадываться: такъ какъ списокъ указываетъ маетности *Іереміи В—аго* и притомъ въ блестящемъ, относительно численности населенія, видѣ, то время составленія его слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ пребыванія Іереміи въ „Заднѣпріи", т. е., м. б. къ 1646, 1647 и даже 1648 г.г... Затѣмъ, въ этомъ перечнѣ 56-ти поселеній—указаны и такія имѣнія, которыя никогда В—имъ не принадлежали, какъ напр., Золотоноша, Пѣщана (Золот. у.), Домонтовъ, Полтава, Комышная, Ручинцы (Ручки?) Хомутецъ... Указанъ въ немъ и Хоролъ, исключенный, какъ мы видѣли, изъ числа имѣній В—аго въ 1647 г. [2]). Въ тоже время, мы не видимъ въ этомъ спискѣ мѣстечка Галицы, которое въ это время не только существовало, но имѣло уже и „фольваркъ" [3]). Не указано село Пу-

---

[1]) Podole, Wołyń, Ukraina, (Wilno, 1841), I. 41—44.

[2]) Это обстоятельство можетъ указывать, что списокъ составленъ не позже этого года...

[3]) Галица, какъ мѣстечко, имѣвшее уже и „фольваркъ", упоминается въ завѣщаніи Мгарскаго монаха Самсона Кутовскаго, написанномъ при Іереміи В—омъ (годъ обозначенъ 1634 г., но недостаточно ясно). Акты Мгартк. м—ря. л. 266. Въ спискѣ Пшездзѣцкаго указано поселеніе *Нака* (вслѣдъ за Монастырищемъ, около котораго находится и Галица), но ошибочно написанная Нака можетъ скорѣе указывать не Галицу, а *Галку*—село Роменск. у.

линцы, около Лубенъ, которое было заложено Іереміей В—имъ вдовѣ казненнаго Запорожскаго гетмана Сулимы [1]). Не указаны и такія роменскія мѣстечка, какъ Константиновъ, Хмѣловъ, Смѣлое, населеніе которыхъ можетъ быть, впрочемъ, подсчитано вмѣстѣ съ Роменскимъ, такъ какъ по этому списку—въ Ромнѣ значится 6000 „господарей", количество слишкомъ великое для одного города Ромна, если въ Лубнахъ, по этому же списку, значится только 2646 „госп." Вообще цыфры населенія по списку Пшездзѣцкаго очень велики: въ Лохвицѣ значится 3325 „госп.", въ Варвѣ—2037, въ Ширятинѣ—1749, въ Хоролѣ—1297, въ Красномъ (Колядинѣ?)—995... Сравнивая эти цифры съ тѣми, которыя раньше приведены относительно 1628—30 г.г., мы видимъ, что въ какія нибудь двадцать лѣтъ, Лубенщина болѣе чѣмъ удесятерилась въ своемъ населеніи... При этомъ, въ спискѣ Пшездзѣцкаго видимъ поселенія, о которыхъ тарифы 1630 г. вовсе не упоминаютъ и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, по этому списку, значится до 1000 двор., напр. въ Монастырищѣ (Нѣж. у.) показано 939 „госп", въ Ичнѣ—1494, въ Глинскѣ (Hrynsk)—1264, въ Срѣбномъ—1830, въ Чернухахъ—944, въ Корибутовѣ (Конот. у.)—600... Если эти поселенія существовали уже и раньше и въ тирифахъ 1630 г. опущены по какимъ либо причинамъ, то вовсе же численность ихъ населенія сравнительно съ другими поселеніями, въ тарифахъ упомянутыми, является очень значительною. Вообще, если приводимыя спискомъ цыфры населенія вѣрны, то успѣхъ колонизаціонной дѣятельности Іереміи въ Лубенщинѣ былъ очень великъ по массѣ того населенія, которое передвинулось сюда изъ югозападной Руси, во вторую четверть XVII в... Къ сожалѣнію, въ спискѣ Пшездзѣцкаго нельзя видѣть несомнительнаго документа; помѣщеніе въ немъ, подъ именемъ имѣній Іереміи В—аго, поселеній послѣднему не принадлежавшихъ, возбуждаетъ сомнѣніе—нѣтъ ли въ немъ и другихъ невѣрностей... Во всякомъ случаѣ, пока этотъ документъ не описанъ научно (если только онъ еще существуетъ) къ нему слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Но мы

[1]) Сулимовск. архивъ, 21.

имѣемъ другой документъ, уже несомнѣнно свидѣтельствующій объ успѣхахъ колонизаціи В—аго въ принадлежавшемъ ему „Заднѣпріи"; мы разумѣемъ *Реестра войска Запорожского* [1]), составленные въ октябрѣ 1649 г., т. е. съ небольшимъ черезъ годъ послѣ ухода Іереміи изъ лѣвобережной Украины. Въ этихъ реестрахъ показаны слѣдующія *сотни*, входившія въ составъ Лубенщины: двѣ сотни Лубенскія, изъ которыхъ одна названа сельскою, почему слѣдутъ думать, что другая была городскою, Пирятинскихъ двѣ, Чернушинская, Городищенская, Журавская, Курѣнская, Роменская, Константиновская, Лохвицкая, Сенчанская, Глинская, Лукомская, и—наконецъ, почти цѣлый Прилуцкій полкъ, большая часть территоріи котораго входила въ составъ имѣній В—аго (сотни—кромѣ Прилуцкихъ,—Варвинская, Срѣбрянская, Переволочанская, Галицкая и друг.). Количество внесенныхъ въ эти сотенные списки козаковъ несомѣнно уже указываетъ, что къ концу первой половины XVII в. побережья Сулы и ея притоковъ, перестали быть тою *пустыней*, которою они называются въ к. XVI в.

Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ въ заселеніи своей Лубенщины и ставъ такимъ образомъ владѣльцемъ обширныхъ тамъ маетностей, В—ій, быть можетъ, уже и не думалъ о возвращеніи на родину, предпочитая ей просторъ своихъ колоній, едва ли не превосходившихъ Волынское его наслѣдство [2]).

---

[1]) Изданы Бодянскимъ въ 1876 г., въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Др.".

[2]) У насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на размѣръ принадлежавшихъ здѣсь Іереміи В—му имѣній, такъ какъ списокъ этихъ имѣній В—ихъ, напечатанный Шездѣцкимъ (Podole и проч. I, 57—61), не даетъ свѣдѣній—какія изъ перечисленныхъ въ немъ маетностей принадлежали *королевской* линіи В—хъ, т. е. какія изъ ихъ числа были, передъ тѣмъ, во владѣніи Іереміи.—Интересно, что не смотря на огромныя, во всякомъ случаѣ, маетности, Іеремія В—ій, повидимому, не рѣдко нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ обращаться къ кредиту.—Такъ онъ былъ долженъ 4000 злотыхъ вдовѣ разорителя Кодака Ивана Сулимы, при чемъ долгъ этотъ былъ обезпеченъ селомъ Пулинцами. Затѣмъ, одинъ изъ „слугъ" Іереміи, Юрій Русѣновичъ, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1668 г., завѣщаетъ Мгарскому м—рю и дѣтямъ своимъ—2400 злот., которые онъ заслужилъ у Іереміи В—аго и жены его, „личною службою" и на которые имѣетъ „квитъ", подписанный рукою Гризельды В—ой, но которыхъ до 1668 г. не получилъ... (Акты Мгарск. м—ря, л. 246). По акту 1 ноября 1647 г. Іеремія отдалъ брату жены Александру Замойскому въ аренду т. Лубны съ угодьями, на три года, по 7000 злот. въ годъ, при чемъ деньги эти

Къ сожалѣнію, мало сохранилось свѣдѣній о частной жизни Іереміи въ его колоніяхъ. Есть только извѣстія за послѣднее время его тамъ жительства, записанныя въ дневникѣ одного изъ „дворянъ“ Іереміи. Мы говоримъ о діаріушѣ Машкевича [1]), въ которомъ разсказаны событія изъ лѣвобережной жизни В—аго, начиная съ 1647 г.—Обстоятельная ихъ запись начинается впрочемъ только съ осени этого года, когда Іеремія отправился съ своимъ войскомъ на Запорожье, повидимому, безъ особой какой либо надобности, а какъ бы съ цѣлью сдѣлать военную прогулку для упражненія своихъ солдатъ въ походной жизни. Осенью 1647 г., разсказываетъ Машкевичъ, Іеремія В—ій, собравши въ „заднѣпрскихъ“ маетностяхъ 6000 войска, вышелъ съ нимъ въ ноябрѣ (въ день св. Михаила, которому посвященъ былъ Лубенскій костелъ) на Запорожье и тамъ пробывши нѣсколько дней въ Кодакѣ и осмотрѣвши Днѣпровскіе пороги, вернулся домой, въ Лохвицу [2]), въ день св. Мартына (11-го ноября). Ходилъ В—ій къ Запорожью, какъ будто и съ надеждою—не встрѣтятся ли, по дорогѣ, гдѣ татары, такъ какъ Машкевичъ добавляетъ, что В—ій вернулся, не видѣвши и одного татарина („i żadnego tatarzyna nie widziawszy“). Засимъ, насталъ роковой 1648-й годъ. Какъ начался этотъ годъ у В—аго, разсказываетъ Машкевичъ: въ началѣ января (7-го) Іеремія, вмѣстѣ съ женою, ѣздилъ изъ Лохвицы въ Сенчу, на крестины къ тамошнему управителю Суфчинскому; тамъ В—іе и ночевали. Черезъ восемь дней послѣ этого (15-го), Іеремія ѣздилъ (тоже изъ Лохвицы) въ Лубны, на

Замойскій долженъ былъ уплачивать бернардинамъ Лубенскаго конвента въ счетъ той суммы, которую В—ій „ординовалъ“ на этотъ конвентъ. (Кіевск. центр. арх., книга гродск. Житомирск. № 20, л. 161). Такимъ образомъ, этотъ актъ показываетъ, что и на такіе, впередъ опредѣленные, расходы у В—аго наличныхъ денегъ тоже не случалось и онъ долженъ былъ прибѣгать къ кредиту, да еще такому невыгодному... О тѣхъ займахъ, которые Іеремія В—ій принужденъ былъ дѣлать въ козацкую войну, см. въ книгѣ Чермака „Z czasów Iana Kazimierza“ (Lwów, 1893), статью—*Książe Ieremi dłużnikiem.*

[1]) Напечатанъ, какъ уже сказано, въ сборникѣ Нѣмцевича—Zbiór pamiątn. histor. o dawnej Polszcze, V, 57—85.

[2]) Повидимому, Іеремія не постоянно жилъ въ Лубнахъ. Живалъ онъ и въ Прилукахъ, живалъ и въ Лохвицѣ; и тамъ, и тамъ, повидимому, были у него „замки“.

похороны одного изъ своихъ „слугъ“ Закревскаго. Прошелъ мѣсяцъ въ такой же тихой жизни. Іеремія продолжалъ заниматься обширнымъ своимъ хозяйствомъ. Такъ, въ концѣ января, онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ о возвращеніи своихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Московскаго государства (см. выше, стр. 342). Но вслѣдъ за тѣмъ В—ій получилъ (15-го февраля) тревожное извѣстіе, что „какой то“ Хмельницкій, собравъ небольшой отрядъ Запорожскаго „гультайства“, разбилъ (spędził) Корсунскій полкъ, оберегавшій границу отъ татаръ, послѣ чего этотъ Хмельницкій сталъ сзывать къ себѣ народъ и устраивать изъ него войско. Извѣстіе было на столько важно, что на другой же день Іеремія послалъ Машкевича къ Краковскому воеводѣ (Потоцкому), находившемуся въ это время въ Богуславѣ, извѣщая его объ этомъ „какомъ то“ Хмельницкомъ. Машкевичъ возвратился, привезя отъ Потоцкаго письмо, повидимому, не заключавшее въ себѣ тревожныхъ вѣстей, потому что и послѣ этого Іеремія продолжалъ переписку съ Путивльскимъ воеводою относительно пограничныхъ дѣлъ [1]). Затѣмъ, въ началѣ апрѣля Іеремія, съ семьей, переѣхалъ изъ Прилуки въ Лубны, чтобы тамъ праздновать пасху. Въ Лубнахъ онъ оставался до конца апрѣля, когда получилъ новое извѣстіе, что гдѣ-то за Днѣпромъ Хмельницкій, соединившись съ татарами и собравъ многое множество вооруженнаго „гультайства“, угрожаетъ польскому войску. В—ій снова послалъ Машкевича къ Днѣпру, въ Еремѣевку, чтобы онъ тамъ точно узналъ о положеніи дѣлъ; а когда Машкевичъ прислалъ извѣстіе о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ, то В—ій послалъ Машкевичу прямо въ польскій лагерь, чтобы спросить тамъ у военачальниковъ—куда ему, В—ому, направляться съ своимъ отрядомъ войска, простиравшемся и теперь до 6000 душъ. Вмѣстѣ съ этимъ, В—ій написалъ и Путивльскому воеводѣ о полученномъ извѣстіи, что у Княжихъ-Байраковъ [2]) стоитъ татарская орда, числомъ до сорока тысячъ, которая куда направится, — на Польшу или на Московскую землю,—еще неизвѣстно, но что

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 153.

[2]) Балка Княжіе-Байраки, по указанію г. Эварницкаго, находится рядомъ съ Желтыми Водами. Истор. Запор. Козак., II, 240.

польское войско стоитъ въ готовности и онъ самъ, Іеремія, „при здѣшнихъ его маетностяхъ съ людьми своими готовъ есть“.—„И для того сеею моею грамотою, продолжаетъ Іеремія, даю тебѣ знати, чтобъ вы были на готовѣ... А естли но слышите, откуда вѣсти, что они въ нашу страну пойдутъ,—*помочь чините намъ съ* людьми своими [1]). О Хмельницкомъ и козакахъ Іеремія ничего не говоритъ, быть можетъ, потому что извѣстіе о соединеніи татаръ съ Запорожскими козаками произвело бы въ Москвѣ нежелательное для поляковъ впечатлѣніе... Письмо это В—ій писалъ изъ Прилуки, куда снова возвратился въ маѣ. А вслѣдъ за этими распоряженіями, В—ій, подозрѣвая серьезность положенія дѣлъ, нашелъ нужнымъ жену (конечно, вмѣстѣ съ сыномъ) отправить въ Минское полѣсье, въ тамошнее его имѣніе Брагинъ. Самъ же, не ожидая извѣстія отъ Машкевича, отправился съ войскомъ къ Переяславу. Первый ночлегъ на походѣ В—ій имѣлъ около с. Туровки,—это было наканунѣ пораженія поляковъ подъ Корсунемъ,—а слѣдующій ночлегъ В—аго былъ—у Яготина; тутъ явился къ нему изъ подъ Корсуня какой-то старый его соратникъ Поляковскій и извѣстилъ Іеремію о пораженіи и плѣненіи гетмановъ... Вѣсть была страшная и В—ій спѣшно двинулся къ Переяславу, желая скорѣе переправиться черезъ Днѣпръ и явиться на помощь къ остаткамъ польскаго войска. Отсюда же В—ій разослалъ всадниковъ изъ своей „драгоніи“—по сосѣднимъ переправамъ (въ Черкасы, Домонтовъ, Стайки, Трахтемировъ, Ржищевъ), чтобы изъ всѣхъ ближайшихъ пристаней собрать паромы къ Переяславской пристани. Но паромовъ не оказалось. По распоряженію предусмотрительныхъ козацкихъ военачальниковъ, сейчасъ же послѣ Корсунскаго сраженія, всѣ эти паромы были потоплены, съ цѣлью преградить путь именно В—ому, если бы онъ вздумалъ тутъ переправляться черезъ Днѣпръ. Препятствіе явилось неустранимое и В—ій, посовѣтовавшись съ своими „полковниками и поручиками“, рѣшилъ идти за Днѣпръ другимъ путемъ и идти безотложно, пока не взбунтовались „хлопы“ въ Лубенщинѣ. Сво-

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 191.

бодною оставалась одна дорога—на Черниговъ, а оттуда—на Любечъ, въ Брагинъ, гдѣ находилась въ это время его Гризельда съ сыномъ. По этой дорогѣ В—ій и направился. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ Машкевичъ, отмѣтивъ, что 16-го мая В—ій по дорогѣ на Черниговъ ночевалъ подъ Басанью [1]). Отсюда В—ій послалъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ „козацкаго ротмистра" Понятовскаго, къ Каневу, на развѣдки, и Понятовскій въ ту же ночь поймалъ пять человѣкъ языка, подтвердившихъ В—ому извѣстіе о Корсунскомъ пораженіи. „На утро тѣ козаки казнены" говоритъ Машкевичъ. Казненные козаки, повидимому, были посланы Хмельницкимъ къ В—ому съ объясненіемъ причинъ, заставившихъ его поднять на поляковъ оружіе. Такъ можно думать по разсказу Величка (I, 78), у котораго читаемъ, что Хмельницкій „угасивъ огонь полскій" Корсунскимъ пораженіемъ, помнилъ, что „еще великая головня въ Лубняхъ зосталася,—кн. В—ій, державца тамошній"... Вотъ ему то и нашелъ Хмельницкій нужнымъ написать письмо съ разъясненіемъ причины начавшейся войны, причемъ „предлагалъ жебы онъ, кн. В—ій, о тое, що ся уже съ гетманами стало, не уражался и гнѣва своего къ нему Хмелницкому простирати не изволилъ"... Величко говоритъ, что посланцы Хмельницкаго догнали В—аго „близко Березани" и отдали ему письмо, послѣ прочтенія котораго В—ій „розярившись" (конечно, за дерзость писавшаго письмо), на другой день, 25 мая, въ четвергъ на зеленой недѣлѣ, недалеко отъ Березани, велѣлъ посланцовъ этихъ казнить („постинать"), а самъ спѣшно пошелъ къ Лубнамъ... Машкевичъ не говоритъ, чтобы В—ій возвращался изъ подъ Переяслава въ Лубны, но изъ его дневника видно, что взятые Понятовскимъ козаки были казнены 17-го утромъ; если это были посланцы Хмельницкаго, что вѣроятно, при чемъ разница въ числахъ можетъ происходить отъ описокъ и отъ разности календарей, то слѣдуя разсказу Машкевича, В—ій отъ 17-го мая, когда онъ былъ въ Басанѣ (не въ Березанѣ ли?) до 25-го, когда онъ подошелъ къ Чернигову, долженъ былъ гдѣ нибудь въ пути имѣть остановку. Слѣ-

[1]) с. Басань, конечно „Старая",—въ козелецк. у., черниг. губ.

дуетъ думать, что въ эти дни В—ій и возвращался въ Лубны, чтобы забрать оттуда уже все, что можно было взять [1]), при чемъ это возвращеніе, вѣроятно, находилось въ тѣсной связи съ тѣмъ внезапнымъ умаленіемъ находившагося при В—омъ отряда, о которомъ говоритъ Кисель [2]). Безбоязненно уходившіе изъ отряда В—аго воины, принадлежавшіе къ числу его „подданныхъ", тѣмъ самимъ ясно указывали своему властителю—о приближающемся моментѣ того общаго возстанія „хлоповъ", которое должно было послѣдовать и на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду двукратнаго пораженія поляковъ. В—ій не могъ не видѣть, что нужно уходить съ лѣваго берега... Величко говоритъ, что послѣ казни посланцовъ Хмельницкаго, В—ій возвращался въ Лубны и что получивъ тутъ горестныя вѣсти изъ Польши, а также слыша совсѣхъ сторонъ о „бурливыхъ вѣтрахъ козацкой войны и бунтовъ посполитыхъ", поспѣшилъ оттуда уѣхать „зо всѣмъ домомъ своихъ вълегцѣ, только въ 3000 войска, и удавшися на городокъ Быковъ, тамъ о полуднѣ, противъ недѣлѣ святой (т. е. противъ воскресенья), рѣчку Свидовецъ переправилъ и... вдался ко Любечу" [3]). Къ этому извѣстію Машкевичъ добавляетъ, что когда В—ій проходилъ мимо Чернигова, по дорогѣ къ Любечу, то тутъ за нимъ было погнались козаки и—В—ій былъ де въ большой опасности, но счастливый случай его спасъ... Тридцатаго мая В—ій переправился черезъ Днѣпръ и тогда же достигъ Брагина, гдѣ находилась его семья. Такъ тихо, безъ шуму В—ій покинулъ свою Лубенщину, убѣдившись, что ему въ ней не удержаться [4])...

---

[1]) Въ одномъ изъ панегириковъ Іереміи В—аго говорится, что возвращался онъ въ Лубны (wraca się nazad ku Lubniom), чтобы z kraju ognistego, wywieść w całosci lud do iednego. *„Pochodnia woienney sławy j. osw. x. j mosci Ieremia. Michała Korybuta na Wisn. y Łubniach Wisniowickiego"* (Iana Białobockiego). Kraków. 1649. Панегирикъ этотъ имѣлъ два изданія, въ одномъ и томъ же году. Второе изданіе, посвященное Яну Замойскому, есть въ б—кѣ универс. св. Владиміра.

[2]) Памятники Кіевск. Ком., I, отд. 3, стр. 30.

[3]) С. Быковъ въ козел. у., черниг. губ. Приводя здѣсь свидѣтельство Величка мы не сомнѣваемся, что оно заимствовано имъ у одного изъ польскихъ хронистовъ и называемъ Величка, лишь не зная его источника. Быть можетъ это была „Wojna Domowa"...

[4]) Не такъ объ этомъ уходѣ разсказываютъ малорусскіе историки. У Костомарова, напр., въ его книгѣ „Богд. Хмельн.",—читаемъ: и услыхавъ о мятежѣ

Что же произошло въ Лубенщинѣ послѣ ухода Іереміи? Свѣдѣній объ этомъ обнародовано пока немного. Намъ извѣстны лишь слѣдующіе факты. Въ письмѣ, писанномъ 31 мая къ Гнѣзненскому архіепископу, Кисель говоритъ, что Хмельницкій послалъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) десять тысячъ войска подъ начальствомъ Кривоноса для уни-

---

(Хмельницкаго), хлопы (жившіе въ Лубенщинѣ) составляли загоны и бѣжали къ Хмельницкому. В—ій собралъ до 8-ми тыс. шляхтичей (?), жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ впрочемъ не всѣ были надежны; онъ разсѣевалъ загоны (въ Лубенщинѣ) и всѣхъ попадавшихся въ руки, казнилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ вѣсилицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы. Разгоняя такимъ образомъ шайки, В—ій дошелъ почти до Переяславля" и т. д. (Изд. 4-е, стр. 329). Источникомъ этихъ свѣдѣній указаны—стр. 26 и 157, отд. 3-го, т. I-го „Памятниковъ" Кіевск. Ком., но обратившись къ указанному мѣсту этой книги, мы видимъ, что всѣ эти вѣсилицы и казни взяты изъ письма Кривоноса, писаннаго *25 іюля* 1648 г. (къ воеводѣ Сендомирскому), въ которомъ Кривоносъ разсказывая о жестокостяхъ В—аго, имѣетъ въ виду *правый* берегъ Днѣпра; *здѣсь* совершалъ В—ій свои жестокости уже послѣ того, какъ онъ пришелъ сюда изъ Лубенщины, въ которой никакихъ подобныхъ ужасовъ ни въ 1648 г., ни раньше, онъ не производилъ; но крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ и намека нѣтъ. (Есть впрочемъ у Нѣсѣцкаго слѣдующія фразы: „Jak się zaś chłopska rebellia na tę ojczyznę targnęła żeby w pożar nie wybuchnęła pod Żolninem, Mnoho, Sleporodem, Horzycą (?) pierwsze iskierki jej tłumił, także pod Kumejkami, Łubną, Konstantinowem Pryłuką, Niemirowem, herstów jej poznosiwszy, inszych wielu od swawolney ligi odstraszył"... (IX, 345). Изъ этихъ фразъ видно, что Нѣсѣцкій смѣшиваетъ событія 1638 г. съ событіями 1648 г. и не различаетъ лѣвобережной Украины отъ правобережной... Изъ этого мѣста хорошо виденъ и компилятивный характеръ книги Нѣсѣцкаго).—У г. Кулиша, въ его книгѣ „Отпаденіе", описаніе ухода В—аго изъ Лубенщины въ 1648 г., изложено сходно съ разсказомъ Костомарова, при чемъ краткій разсказъ послѣдняго г. Кулишъ дополняетъ подробностями того „баснесловія", въ которомъ онъ обвиняетъ „козацкихъ панегиристовъ" и ихъ „вожака" Костомарова (II, 191). Сказавъ, что Хмельн. отправилъ Кривоноса на лѣвый берегъ—бунтовать Вишневещину, К—шъ продолжаетъ, что В—ій „окружилъ себя только служилою шляхтою (?) и разгонялъ гайдамацкіе загоны Перебійноса на пространствѣ *отъ Ворсклы до Трубежа*, а пойманныхъ на *горячемъ учинкѣ* Перебійносцевъ казнилъ тутъ же... Разгоняя гайдамацкія шайки и карая своихъ измѣнниковъ... В—ій дошелъ до Переяслава... Въ немъ сидѣлъ Кривоносъ и готовился выйти на встрѣчу В—ому... Не желая пасть въ безславномъ бою (съ Кривоносомъ), В—ій отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу и жену, красавицу Гризельду *(которая въ это время была уже въ Брацлавѣ)* и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову. Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Онъ (т. е. Хм—ій) хотѣлъ убаюкать В—аго; но тотъ не показывалъ

чтоженія кн. Вишневецкаго, причемъ приказалъ Кривоносу прибавить за Днѣпромъ къ его отряду—еще столько [1])... Очень можетъ быть, что Хмельницкимъ и сдѣлано было это распоряженіе, съ желаніемъ отомстить В—му за казнь ни въ чемъ неповинныхъ его посланцевъ, но только въ это время В—го уже не было на лѣвомъ берегу, о чемъ добавляетъ и Кисель въ томъ же письмѣ. Кажется, что Кривоносовъ вовсе и не переходилъ Днѣпра, потому, вѣроятно, что не противъ кого было уже и идти... А съ главной резиденціей Іереміи народъ и самъ расправился. Одинъ монахъ Петроній Ласко, котораго Кисель посылалъ, въ концѣ іюня, къ Хмельницкому въ Чигиринъ, разсказываетъ, что при немъ приведено было къ гетману изъ за Днѣпра нѣсколько „своевольниковъ", которые собравшись тамъ (т. е. на лѣвомъ берегу) цѣлымъ отрядомъ тысячъ въ пятнадцать, Лубны штурмомъ взяли и разорили, отцовъ бернардиновъ поумерщвляли, а вмѣстѣ съ ними и много шляхты, мужчинъ и женщинъ... Изъ числа приведенныхъ „своевольниковъ" Хмельницкій приказалъ двухъ казнить, а двухъ или трехъ—послалъ къ В—ому для его освѣдомленія, что не казаки разоряютъ его маетности, а его же подданные [2])... О народномъ возстаніи въ

вида, что потерялъ надежду устоять противъ Кривоноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовленіями и взявши съ собою лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодайныхъ слугъ (?), оставилъ свое заднѣпровское княжество... объѣхалъ обнятое бунтомъ Заднѣпровіе московскими сакмами (такъ *неизвѣстно почему* г. К—шъ называетъ *битый* путь, а не *сакмы*, т. е. дикія дороги) изъ Переяславщины на Черниговъ, а оттуда на Любечъ... и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ въ Вишневецъ"... Откуда заимствовалъ всѣ эти свѣдѣнія г. К—шъ—въ его книгѣ не указывается; есть только въ текстѣ такое упоминаніе: „описывая бѣгство В—аго Натанъ Ганноверъ даетъ понять"... Если при этомъ г. К—шъ ссылается на „лѣтопись Натана Гановеры"—(переводъ Манделькерна, Одесса, 1878 г.), то въ ней *нѣтъ ничего* объ уходѣ В—аго въ 1648 г. на правый берегъ Днѣпра... Вѣроятнѣе, что источникомъ этихъ небывалыхъ подробностей послужили для г. К—ша „климактеры" Коховскаго, у котораго (по изд. въ польск. переводѣ Рачинскаго, 1859 г., I, 4—5), приводится путанный наборъ фактовъ о небывалыхъ стычкахъ В—аго съ Кривоносомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра... Разсказъ г. К—ша объ уходѣ В—аго изъ Лубенщины несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что его авторъ, обвиняя „козацкихъ панегиристовъ", что они „нетопырствуютъ въ потемкахъ баснословія", самъ бы прежде долженъ покаяться въ этомъ грѣхѣ...

[1]) Памятники, I, отд. 3, стр. 30.

[2]) „Реляція" Ласка приведена подлинникомъ у Шайнохи, Dzieła, X, 194.

лѣвобережной Малороссіи и разоренiи польскихъ въ ней имѣній разсказывалъ, въ томъ же іюнѣ, и другой свидѣтель, проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію, отъ Сѣвска до Кіева: „а войско свое Хмельницкій роспустилъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) къ Путивльскому рубежу, на маетности Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя, и тѣхъ де ихъ маетностей городы всѣ побрали, а которые де ихъ были крестьяне Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя и тѣ де съ ними (козаками Хмельницкаго) стали въ козаки жъ [1])“...

Засимъ весь общественный строй лѣвобережной Малороссіи измѣнился, а съ нею измѣнился и прежній строй Лубенщины...

Указавъ здѣсь главныя черты дѣятельности Іереміи В—аго въ „Заднѣпрскихъ“ его имѣніяхъ, находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его личности, какъ общественнаго дѣятеля.

Польскіе историки, старые и новые, прославляютъ Іеремію, какъ великаго своего патріота, у котораго всякая приключавшаяся отчизнѣ невзгода вызывала душевную боль. (Calamitas patriae lamentatio Jeremiae). Патріотизмъ Іереміи особенно ярко выразился въ той страстной энергіи, которую онъ проявилъ въ войнѣ съ возставшимъ противъ Польши русскимъ народомъ. Но въ жилахъ Іереміи текла та самая кровь, которую онъ съ такою ужасною жестокостью проливалъ въ этой войнѣ.. И намъ кажется, что весь этотъ патріотизмъ, вся эта военная энергія Іереміи была только результатомъ той страстной вражды противъ *своихъ*, которую мы такъ часто встрѣчаемъ у измѣнниковъ своего народа...

Не могъ, конечно, забыть Іеремія той предсмертной мольбы своей матери, съ которою послѣдняя обращалась къ сыну, заклиная его не измѣнять вѣрѣ отцовъ... Укорительно напоминалъ Іереміи объ этомъ материнскомъ завѣтѣ Ісаія Копинскій въ своемъ къ нему посланіи.—И вотъ воспоминаніе объ этомъ неисполненномъ завѣтѣ матери должно было постоянно возму-

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 216.

щать духъ Іереміи и онъ, желая вырвать изъ своей памяти, изъ своего сознанія — мольбу умирающей матери, *кричалъ*, чтобы поляки мучили козаковъ такъ, чтобъ тѣ чувствовали мученія... Заслуживъ у польскихъ историковъ славу великаго патріота, Іеремія тѣмъ не менѣе остается измѣнникомъ своему народу [1]).

Ал. Лазаревскій.

Приложенія.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь двухъ документовъ первый—есть актъ объ установленіи въ г. Лубнахъ *церковнаго братства*, въ 1622 г. списанъ онъ нами съ рукописи XVIII в., заключающей въ себѣ отрывочныя лѣтописныя свѣдѣнія о Мгарскомъ монастырѣ [2]) и принадлежащей священнику с. Исачекъ, Лубенск. у., о. Василію Романову, который получилъ эту рукопись, по его словамъ, отъ кого то изъ сѣверо-западнаго края. Приводимый здѣсь документъ былъ уже напечатанъ, въ передѣлкѣ на современный языкъ, въ Полтавск. губ. вѣд. 1895 г., № 89, но здѣсь онъ печатается дословно по рукописи, въ которую переписанъ, повидимому, недовольно исправно.

Объ историческомъ значеніи этого акта скажемъ въ другомъ мѣстѣ, замѣтивъ здѣсь только, что въ достовѣрности сего акта сомнѣнію, повидимому, нѣтъ мѣста.

Второй изъ приводимыхъ документовъ—есть запись 1623 г. Лубенцевъ Мгарскому монастырю на рыболовный «духъ». Объ этомъ актѣ сказано у насъ раньше. (Февр., 222).

I. *Копѣя на братство троецкое Лубенское церкви, отъ отца Ісаіи Копинского зобраное. (1622 г., 1 октября).* Во имя святыя, живоначальныя, единосущныя и нераздѣльныя Тройцы, Отца и Сына и Святого Духа, единаго, истинного Бога нашего, ему честь и поклоненіе, слава и хвала отъ всея чувственныя и невещественныя твари, нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь.

---

[1]) Оканчивая настоящій свой очеркъ, считаемъ долгомъ поблагодарить В. Б. Антоновича за его указанія на тѣ приводимые нами здѣсь документы изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, которые еще не напечатаны.

[2]) Быть можетъ, одного происхожденія съ напечатанными въ Кіевск. Стар. 1889 г., №№ 4—6.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ вся яже ко спасенію многаго ради человѣколюбивого милосердія своего на земли совершая и волнѣй человѣкоспасителной страсти грядый, ученикомъ своимъ глаголаше: си заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, посему бо рече и знаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою, еже и божественный верховный апостолъ Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей, любовъ во божественныхъ посланныхъ препоручаетъ, подадите, рече, вѣрѣ вашей добродѣтель, во добродѣтели же разумъ, въ разумѣ все воздержание, во воздержаніи терпѣніе, во терпѣніи же братолюбіе, во братолюбіи же любовъ. И паки братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтѣте, иже и по спасителномъ на небеса Христа Бога вознесеніи, друголюбное божественный апостолъ і евангелистъ Лука прославляя, провозвѣщая Ѳеофилу, глаголя: вѣрующихъ рече бяше душа едина и сердце едино, и не бяше въ нихъ никто же нищъ, требованію нищихъ послужиша силнѣйшихъ руцѣ. Сему же убо божественному и спасителному и человѣколюбному поученію и мы грѣшные послѣдующе, благодатію благаго Бога Господа нашего Іисуса Христа, хотяща всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный прінти, начинаемъ сіе душеспасителное друголюбнее соединеніе—братство церковное во богоспасаемомъ градѣ Александровѣ, благословеніемъ и повеленіемъ преосвященного господина отца Ісаіи Копинского, архіепископа и экзархи патріаршего, на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи нашему россійскому роду, сыномъ всходного православія, такъ духовного, яко и свѣцкого стану, всѣмъ христоименитимъ людемъ, на виконане христіянскихъ милосердныхъ учинковъ, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ въ размноженю и вкорененю христіянскихъ добродѣтелей, яко тежъ и въ подаваню наукъ учтывихъ и цвѣченю дѣтей народу христіянского, откуда хвала всемогущого Бога на земли множить, потѣха родичомъ и зъ сыновъ наказанныхъ ростеть, речи посполитые, оборона людская и оздоба церковная фундуется, яко тежъ и во опатреню телесныхъ вдовъ, сиротъ и въ поратованію всякихъ людей упадлихъ, якося въ собѣ самый грунтъ, предся взяте, того святого милосердного братства волею Вседержителя Бога закладается, и братское нерозорваное любве, но присяжный связокъ и зединочене, ведлугъ порядку правъ братствамъ отъ светѣйшихъ патріярховъ и преосвященного митрополита и елико по православныхъ короны полское моцъ церквамъ наданыхъ, благословенныхъ и утвержденныхъ, на што мы всѣ менованные персоны обоихъ духовного и свѣцкого стану людей единымъ сердцемъ, еди-

ными усты позволивши, крестнымъ цѣлованіемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого, при благочестіи стояще духомъ любве горяче связавшеся, нижей описанное христіянское братское (ие?) повинности и порядки чинити, въ той реестръ братскій вписуемося, при храмѣ церкве соборной братской пресвятыя и живоначальныя и нераздѣлимыя Твойци. Аминь. Въ року 1622, октовр. 1 дня. Ісаія Копинскій, милостію божіею митрополитъ Заднѣпрскій, екзархъ Константинопольскій, на вся сія душеполезная благочестивыхъ христіянъ совѣтованія изволивше благословеніе, своего власною рукою подписуюся.

II. *Выпись съ книгъ мѣскихъ ратуша Лубенского на духъ, зостающий на рѣцѣ Вулшанцѣ. (1623 г., 7 января).* Я Марцинъ Нагурскій староста Лубенскій. Мы, Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій, при мнѣ бурмыстровъ будучихъ: Іосифа Свитайла, Сидора Адамовича, Олекси Товкача, Миска Мирченка, Івана Вѣтязя, Івана Бея, Федора Печеника зо всею громадою. Мы Стефанъ Жукъ, атаманъ войска Запорожского Лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблонскій зо всѣмъ товариствомъ войсковымъ. Ознаймуемъ такъ листомъ нашимъ нынѣшнымъ и потимъ будучимъ, кому бы о томъ вѣдати належало, якъ мы всѣ сполне съ собою згодившися, взялисмо предъ себе дѣло богоугодное для збавенія души своей, такъ тежъ за причиною и просбою господина отца владыки господина отца Ісаіи, пастира нашего, отдалисмы духъ, которій есмо сполечне зъ собою мѣли, каждый своею частю, на рѣчцѣ Олшанцѣ, до монастыря Мгарскаго Лубенского, на хвалу Божію, абы за насъ всѣхъ и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, которого то духу маетъ заживати монастыръ безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ, такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, которого то духу маетъ заживати монастиръ безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ, такъ старостъ, яко и мѣщанъ, такъ какъ и всѣхъ войсковыхъ, гдижъ то единою до мѣстца святого даемъ и вѣчными часы даруемъ. А если бы тежъ хто напотимъ мѣлъ въ томъ чинити монастиру якую перешкоду и ущербокъ и одыймовати отъ мѣстца святого даниу нашу, которую мы теперь всѣ сполечне згодившися, до мѣста святого дали и вѣчными часы даруемъ, теди таковый нехай не маетъ милости Христовой и участничества со святими, нехай будетъ на немъ клятва святихъ отецъ. А для лѣпшой вѣры и ваги листу того, печати притиснути и руки свои

подписати зезволилимо. Писанъ въ Лубнахъ, року 1623, мѣсяца январія 7 дня.

Marcin Nagòrskj, na ten czas starosta Alexandrowskj będący ręką swą.

Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій зъ бурмистрами. Стефанъ Жукъ, атаманъ съ товариствомъ рукою власною.

Акты Мгарскаго м-ря, л. л. 322 об. и 323. (Рукопись б-ки университета Св. Владиміра, изъ собранія М. О. Судьенка).

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко[1]).

Извѣстно, что свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ покровительствовалъ всякой промышленности, любилъ Россію и желалъ искренно развитія природнымъ ея богатствамъ. Поэтому, узнавъ о предпріимчивости братьевъ Яхненко, при встрѣчѣ съ Кондратомъ Михайловичемъ Яхненкомъ полюбилъ его искренно, предложилъ ему избрать, гдѣ угодно, лучшее мѣсто для постройки сахарнаго завода, обѣщая покровительствовать всѣмъ его планамъ, давать дрова и производить въ своихъ имѣніяхъ посадку свекловицы для его завода и вообще помогать чѣмъ возможно. Вслѣдствіе такихъ сердечныхъ отношеній князя Воронцова, братья Яхненко и Симиренко въ 1846 году заключили письменный договоръ на 36 лѣтъ объ арендованіи 260 десятинъ земли подъ устройство сахарнаго завода возлѣ с. Мліева. Устройству этого завода князь Воронцовъ придавалъ большое значеніе не только въ смыслѣ выгодности для своего имѣнія и личнаго своего интереса, но и вообще для развитія промышленности въ краѣ, понявъ хорошо предпріимчивость и трудолюбіе членовъ фирмы, и своею задачею поставилъ обезпечить на дальнѣйшее время развитіе и безостановочную дѣятельность этого благаго дѣла и капиталы фирмы. Обезпеченіе князь Воронцовъ желалъ выразить въ томъ, что въ договоръ внесъ много разныхъ пунктовъ, обезпечивающихъ правильную постановку свекловичнаго производства и между прочимъ одинъ пунктъ, коимъ давалъ арендаторамъ право послѣ 36-лѣтняго

[1]) См. „Кіев. Стар.„ 1896 г. № 2.

арендованія, если пожелаютъ, то *продолжить срокъ договора на слѣдующіе годы, сколько будетъ желательно.*

Князь Воронцовъ понималъ, что могутъ встрѣтиться всякія препятствія и непредвидѣнныя обстоятельства, по истеченіи 36 лѣтъ, а потому не только самъ подписалъ договоръ, но, для большей обезпеченности дѣлъ фирмы въ будущемъ, послалъ его въ Крымъ подписать сыну Семену Михайловичу, предложилъ подписать именитымъ помѣщикамъ, графамъ Браницкому, Потоцкому и др. Обезпечивъ, сколько возможно, довѣріе и права фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, вручая этотъ договоръ Кондрату Михайловичу, ставшему уже во главѣ фирмы за смертью старшаго брата Степана, сказалъ: „Богъ да поможетъ повести вамъ дѣло счастливо, на благо себѣ и дорогого нашего отечества. Надѣюсь, что отъ меня и наслѣдниковъ моихъ вы будете имѣть, кромѣ сердечнаго вниманія, полную защиту и покровительство въ вашемъ великомъ предпріятіи: наслѣдники мои обязаны нравственно также относиться къ вашему дѣлу, какъ я, но если бы наслѣдники мои не уважили этого контракта, то Государь Императоръ его уважитъ, и вы должны будете въ крайности обратиться къ Его Императорскому Величеству". Въ такихъ именно выраженіяхъ Кондратъ Михайловичъ передалъ своему семейству и членамъ фирмы многозначительный фактъ врученія контракта ему и благія пожеланія свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ благопожеланій князя, братья Яхненко и Симиренко, не медля ни минуты, сейчасъ и начали постройку завода и всего того городка, который составлялъ въ свое время славу фирмы и въ частности главнаго дѣятеля этой фирмы Кондрата Михайловича. Всѣ члены фирмы одинаково трудились надъ устройствомъ городка, устроили свой кирпичный заводъ, на коемъ выдѣлывался кирпичъ такого качества, что, по ликвидаціи дѣлъ фирмы и распродажѣ нѣкоторыхъ зданій въ 1880 годахъ, сосѣдніе помѣщики и евреи покупали тотъ кирпичъ и построили себѣ дома въ мѣстечкахъ и селахъ. Лично приходилось видѣть въ 1880-хъ годахъ, какъ цѣлыя вереницы во-

зовъ съ кирпичами ѣхали изъ городка по направленію къ м. Ольшаной и въ разныя стороны. Строительный матеріалъ былъ тогда не дорогъ; за постройкой слѣдили зорко и умѣло; городокъ выросъ, какъ на дрожжахъ; на пустырѣ образовалась жизнь, и жизнь самая кипучая и дѣятельная: тысячи народа нашли тамъ средства къ жизни и работали на пользу фирмы и собственнаго существованія.

Заводъ устроенъ былъ сразу для переработки 200 тысячъ берковцевъ свекловицы и для выдѣлки 400 тысячъ пудовъ рафинада, и по своему внѣшнему виду представлялъ изъ себя громадину для того времени. Онъ состоялъ изъ семи этажей, а потому по своей сложности и размѣрамъ требовалъ соотвѣтственныхъ машинъ. Братья Яхненко и Симиренко не жалѣли средствъ и своихъ трудовъ на такое великое предпріятіе. Всѣ машины были куплены за границей. Въ первомъ году свекловичнаго производства, по истеченіи только нѣсколькихъ дней работы, лопнуло огромное маховое колесо прессовой машины: заводъ долженъ былъ остановиться, и привезенные 60 тысячъ берковцевъ свекловицы пропали, потому что сдѣлать новый маховикъ и исправить поврежденныя части машины можно было только за границей. Остановка новаго завода, потеряла 60 тысячъ берковцевъ свекловицы и невозможность скоро исправить у насъ въ Россіи, по неимѣнію техниковъ и своего завода, заставили призадуматься братьевъ Яхненко и Симиренко и показали очевидную необходимость застраховать сахарное производство съ его механической стороны отъ разнаго рода случайностей, могущихъ ставить на карту все предпріятіе.

По общему совѣту членовъ фирмы, Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко отправился за границу, посѣтилъ въ Парижѣ и Брюсселѣ лучшіе въ то время машинно-строительные заводы и разсудилъ,—отчего же въ Россіи не могутъ быть устроены такіе-же заводы. Посовѣтовавшись съ отцомъ и дядями, онъ привезъ въ Россію французовъ-техниковъ, назначивъ имъ громадное жалованье, и фирма братьевъ Яхненко и Симиренко приступила къ постройкѣ перваго въ юго-западномъ краѣ, даже можно сказать и въ Россіи, машино-строительнаго завода съ усо-

вершенствованіями послѣдняго слова науки и практики. Изъ Франціи и Бельгіи выписаны были изъ лучшихъ фирмъ токарные и строгательные станки; но преимущественно Платонъ Ѳедоровичъ выписалъ лучшіе станки изъ Англіи отъ извѣстной въ Европѣ фирмы Витвортъ. Фирма братьевъ Яхненко и Симиренко понимала прекрасно, что машино-строительный заводъ будетъ требовать громадныхъ затратъ, а польза отъ него могла быть только въ будущемъ, когда усилится фабричное производство, разовьются пароходныя сообщенія и не пожалѣютъ землевладѣльцы своихъ сбереженій, а употребятъ на покупку машинъ, молотилокъ и проч. Нужно помнить, что фирма братьевъ Яхненко и Симиренко расцвѣла во время крѣпостного права, когда обработка полей, вымолотъ хлѣба были патріархальные, когда крестьяне даромъ работали на помѣщика, когда никто изъ зажиточныхъ людей не считалъ нужнымъ заводиться въ хозяйствѣ машинами и всѣ смотрѣли на машины, какъ на ненужную роскошь, когда о желѣзныхъ дорогахъ въ южной Россіи не было и рѣчи, когда машины ровно никому не нужны были, когда деньги употреблялись на содержаніе излишней прислуги, каретъ, лошадей. Рѣдкій изъ землевладѣльцевъ думалъ тогда объ улучшеніи своего хозяйства; не было надобности объ этомъ заботиться, такъ какъ все даромъ плыло въ руки помѣщиковъ.

Но такое положеніе промышленности и сельскаго хозяйства у насъ въ кіевской губерніи не остановило предпріимчивости фирмы,—она взялась за дѣло усердно, и заводъ былъ устроенъ. Задача машино-строительнаго завода была производить машины для фабрикъ, заводовъ, паровики, пароходы: техническая сторона была въ немъ поставлена на той же самой высотѣ, какъ стояла во Франціи. Машины выходили настолько доброкачественныя, что по отзыву главноуправляющаго Илинецкимъ имѣніемъ княгини Демидовой Санъ-Донато, Александра Осиповича Добровольскаго, лучшій въ Илинецкомъ сахарномъ заводѣ паровикъ и теперь изъ завода фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко. Вообще фирма никакой вещи изъ своихъ заводовъ и фабрикъ не выпускала безъ строгой провѣрки.

Послѣ усовершенствованія городка, сталъ выдвигаться старшій въ родѣ Кондратъ Михайловичъ, выучившійся уже кое-какъ подписывать свое имя и фамилію. Кондратъ Михайловичъ и Платонъ Ѳедоровичъ стали постоянно жить въ городкѣ и заниматься на мѣстѣ производствомъ операцій, а братъ Терентій, въ виду громаднаго развитія торговой дѣятельности, жилъ въ г. Одессѣ, гдѣ фирма имѣла большіе склады разныхъ произведеній; необходимость же заставляла нѣкоторыхъ изъ членовъ фирмы бывать въ разныхъ городахъ: Ростовѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Кіевѣ и др. и давать жизнь и дѣятельность развивавшемуся важному промышленному ихъ дѣлу.

Устройство машино-строительнаго завода, казавшееся сначала необходимымъ для устраненія всякихъ случайностей въ главномъ дѣлѣ сахарнаго производства, явилось великимъ предпріятіемъ въ дѣлѣ техническомъ у насъ на югѣ и стало удовлетворять нуждамъ огромнаго раіона сахарной промышленности въ теченіе многихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что о механическомъ дѣлѣ у насъ на югѣ и помину не было.

На покупку за границей машинъ въ двойномъ количествѣ для безостановочнаго дѣйствія завода, на покупку лишняго матеріала для машинъ и доставку его требовалось много запаснаго капитала. А съ устройствомъ такого завода въ центрѣ сахарнаго производства послѣдовало у многихъ помѣщиковъ сбереженіе капитала и употребленіе его на усовершенствованія по производству сахара. Небогатые капиталомъ помѣщики, но съ энергіей, взялись за устройство у себя сахарныхъ заводовъ, и никто не боялся остановокъ заводовъ и потери десятковъ тысячъ берковцевъ свекловицы, какъ это случилось на первыхъ порахъ съ фирмою. Машино-строительный заводъ безспорно принесъ несомнѣнную услугу и великую пользу мѣстности и избавилъ многихъ сахарозаводчиковъ отъ излишнихъ хлопотъ и затратъ. Всѣ издѣлія завода отличались всегда большою точностью и добросовѣстностью въ исполненіи, а это никогда не обходится дешево, даже при мѣстныхъ мастеровыхъ, которые съ теченіемъ времени замѣнили иностранцевъ. Въ обществѣ было распространено мнѣніе, что производство машино-строительнаго

завода фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко не окупало тѣхъ затратъ, которыя были вложены въ дѣло, что прибывшимъ иностранцамъ-французамъ нужно было платить громадное жалованье, въ четыре раза болѣе, чѣмъ они получали на мѣстѣ, во Франціи, иначе они не хотѣли ѣхать, а потому фабричныя издѣлія завода обходились очень дорого, и продавать ихъ дешево, соображаясь съ цѣнами во Франціи, не было никакой возможности, а что будто бы покупка и привозъ тѣхъ же предметовъ изъ Франціи, обходились дешевле противъ фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко. Но такое мнѣніе ошибочно. По отзыву Потапа Васильевича Лося, завѣдывавшаго счетоводствомъ машино-строительнаго завода, заводъ сразу началъ давать доходъ, въ среднемъ 25 тысячъ, а были годы, когда давалъ и 50 тысячъ. Правда, что тогда не было поощрительныхъ пошлинъ для фабричной промышленности, не было желѣзныхъ дорогъ и только что начала развиваться пароходная дѣятельность, но и при этихъ условіяхъ заводъ, какъ самостоятельное предпріятіе, разорительныхъ убытковъ не приносилъ. Потому еще было выгодно имѣть его, что онъ вполнѣ гарантировалъ правильность хода сахарнаго дѣла и давалъ возможность къ различнаго рода усовершенствованіямъ, не говоря уже о томъ, что онъ приносилъ извѣстный доходъ, такъ что заводъ, какъ предпріятіе, былъ полезенъ не только для мѣстности, но и для фирмы и выработалъ массу техниковъ, которые и теперь съ пользою работаютъ на другихъ заводахъ. Вообще, это была школа для техническаго, практическаго образованія. Прибывшіе изъ Франціи иностранцы техники поступили на службу по разнымъ фабрикамъ и заводамъ, и многіе принимали участіе въ открытіи новыхъ заводовъ и способствовали развитію этой важной отрасли промышленности. Справедливо, что французамъ пришлось платить въ два-три раза дороже, но громадная плата была не всѣмъ, а двумъ-тремъ главнымъ, да нѣкоторое время и простымъ мастеровымъ; но вскорѣ послѣдніе были замѣнены русскими. Нашимъ машино-строительнымъ заводамъ оказалась впослѣдствіи опаснымъ конкурентомъ Германія, которая, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, начала надѣлять нашу свеклоса-

харную промышленность дешевыми машинами и приборами, но болѣе низкими по достоинству сравнительно съ французскими. А между тѣмъ Мліевскія издѣлія взяли образецъ съ нихъ и вполнѣ подходили къ нимъ по своему устройству, выработкѣ, прочности и высокимъ качествамъ.

Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко и вообще всѣ члены фирмы не знали важнаго въ промышленномъ дѣлѣ откладыванія части барышей въ запасный капиталъ. Платонъ Ѳеодоровичъ, какъ и всякій человѣкъ, сталъ уже слишкомъ увлекаться и весь капиталъ обращать въ постройки. Правда, Кондратъ Михайловичъ и Терентій Михайловичъ возставали противъ лишней затѣи, но кредитъ и счастливыя обстоятельства шли на выручку всякимъ сомнѣніямъ.

Какъ я уже сказалъ, въ первомъ году производства, вслѣдствіе поврежденія махового колеса, сахарный заводъ стоялъ долгое время безъ работы до исправленія маховика, но зато къ концу года собралось въ складѣ 200 тысячъ или болѣе пудовъ песка, много рафинада: цѣны были низкія—и продавать казалось неудобнымъ. Совершенно случайное обстоятельство выручило фирму изъ затрудненій: Шлезвигъ-Голштинское движеніе нѣмецкаго населенія въ 1848 году противъ Даніи и порученіе Германскаго союза Пруссіи поддержать нѣмцевъ, заставило Данію блокировать всѣ порты Пруссіи, закрыть входы въ проливъ, вслѣдствіе чего сообщеніе Сѣвернаго моря съ Балтійскимъ прекратилось, доставка и привозъ сахара въ С.-Петербургъ также прекратилась, и цѣна на сахаръ страшно возросла. Имѣвшійся въ складахъ фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко сахаръ въ сотняхъ тысячъ пудовъ былъ проданъ по высокимъ цѣнамъ, и барыши получились громадные. Это обстоятельство подняло дѣла фирмы высоко: кредитъ возросталъ, обороты увеличивались, прогрессивно чему увеличивались затраты на постройки.

Постоянное пользованіе все большимъ и большимъ кредитомъ и устраненіе мысли о запасномъ капиталѣ вошло уже въ плоть и кровь фирмы, которая и не помышляла никогда о томъ,

что бы дѣла ея могли когда либо пошатнуться. И дѣйствительно, счастье видимо сопутствовало предпріятіямъ фирмы.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ фирма привыкла легко получать деньги, и потому не являлось у членовъ фирмы вопроса: „а что можетъ быть, если не дадутъ денегъ и не станетъ кредита?“ Послѣ устройства городка возлѣ Мліева и машино-строительнаго, рафинаднаго и песочнаго сахарныхъ заводовъ, фирма стояла на недосягаемой высотѣ благоденствія: все какъ бы преклонилось предъ величіемъ дѣятелей. Именитые сосѣди, какъ напримѣръ—графъ Бобринскій, относились къ фирмѣ очень хорошо. При посѣщеніи городка, графа Бобринскаго сопровождалъ Василій Ѳедоровичъ Симиренко; графъ внимательно осматривалъ заводы, не говорилъ уже о банкротствѣ, а высказалъ желаніе долгаго благоденствія фирмѣ, остался доволенъ издѣліями механическаго завода и обѣщалъ всѣ машины для своихъ заводовъ пріобрѣтать у фирмы и дѣлать ей заказы.

Вообще графъ Бобринскій при посѣщеніи Городка вынесъ прекрасное мнѣніе о дѣятеляхъ фирмы, видѣлъ, что члены фирмы люди дѣла, не жалѣютъ трудовъ и капитала и заботятся серьезно о благосостояніи мѣстности.

Слава о милліонной производительности фирмы сдѣлалась извѣстною даже мѣстному Генералъ-Губернатору г. Бибикову, который изъявилъ желаніе познакомиться съ представителями фирмы, и однажды Кондратъ Михайловичъ Яхненко и Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко представились ему. Бибиковъ принялъ ихъ любезно и разспрашивалъ о дѣлахъ.

Въ одно изъ посѣщеній г. Кіева Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ представлялъ Кондрата Михайловича Государю Императору.

Простой народъ—крестьяне и мѣщане—зная, что фирма братьевъ Яхненко и Симиренко вышла изъ плоти его, также благоговѣли предъ членами ея. Свѣжи еще были въ то время воспоминанія, когда на ярмаркахъ видѣли братьевъ Яхненко и Симиренко продававшими тулупы, покупавшими пшеницу у помѣщиковъ, а тутъ сразу видятъ устройство городка, дѣйствую-

щіе паромъ заводы, привезенныхъ французовъ, массы подводъ, которыя день и ночь одни предметы привозятъ въ городокъ, другія увозятъ; всѣмъ крестьянамъ сосѣднихъ селъ были постоянные заработки, въ городкѣ кипѣла жизнь торговая, коммерческая, цѣликомъ пересаженная изъ Франціи. Простой народъ, понимая по своему источники богатства, не могъ не прійти къ убѣжденію, что Кондратъ Михайловичъ Яхненко нашелъ кладъ.

Мѣщане г. Звенигородки, бывавшіе на ярмаркахъ въ Городищѣ и по разнымъ дѣламъ въ городкѣ Яхненка, лично мнѣ разсказывали, что Кондратъ Михайловичъ Яхненко гдѣ-то встрѣтился съ однимъ глубокимъ старикомъ; оба они сразу другъ друга полюбили, и старикъ открылъ Яхненку, что въ одномъ изъ Городищенскихъ прудовъ на днѣ имѣется лодка, наполненная золотомъ и брошенная туда гайдамаками, и что Яхненко взялъ тотъ прудъ въ аренду, спустилъ воду съ пруда, нашелъ лодку съ золотомъ и началъ черпать.

Въ юго-западномъ краѣ, особенно въ южной части кіевской губерніи, не бывало примѣровъ, чтобы простой человѣкъ могъ на глазахъ богатыхъ помѣщиковъ, пріобрѣтшихъ богатство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ графы Потоцкій, Браницкій, выдаться такъ рельефно и устроить на чужой землѣ что-либо похожее на первый въ Россіи паровой сахарный заводъ въ Ташлыкѣ, первый машино-строительный заводъ на югѣ Россіи. Богатые помѣщики бывали за границею и видѣли тамъ производство время было крѣпостное, работники были даровые, — кажется; отчего бы не заняться пересадкою лучшихъ заграничныхъ заводовъ къ себѣ въ свои собственныя имѣнія. Между тѣмъ всѣ устраивали изъ подражанія огневые заводы, и только когда фирма Яхненко и Симиренко устроила первый паровой заводъ, всѣ именитые, богатые помѣщики стали подражать простымъ труженникамъ, не получившимъ образованія, а только собственнымъ природнымъ умомъ добившимся до пониманія того, что слѣдуетъ дѣлать для блага мѣстности.

Неудивительно послѣ этого, что слава о дѣятельности фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко росла съ каждымъ днемъ, члены фирмы ѣздили ежегодно на Нижегородскую ярмарку и имѣли

тамъ свои склады. Въ видѣ анекдота разсказываютъ, что входитъ однажды въ магазинъ баба и спрашиваетъ: „здѣсь ли продается сахаръ двухъ „хохловъ". Такъ величали простые великороссы фирму братьевъ Яхненко и Симиренко. Очевидно, извѣстна фирма была не только великороссамъ коммерческимъ людямъ, но и простому люду, простымъ бабамъ.

Конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ былъ моментъ полнаго расцвѣта фирмы; слава и извѣстность ея были повсемѣстны въ Россіи; стояла она на пьедесталѣ величія.

Постоянные барыши вскружили голову членамъ фирмы, и они стали вѣрить въ незакатность своей звѣзды, хотя нисколько не измѣняли своихъ обычныхъ нравовъ, простоты, ни у кого изъ нихъ не высказывалось и не проявлялось мысли и намѣренія быть гордымъ, важничать, стремиться къ роскоши.

Во время самаго расцвѣта дѣятельности фирмы, члены ея держали себя просто, какъ во дворцахъ магнатовъ, такъ въ скромныхъ домахъ средняго сословія и въ хижинахъ бѣдняковъ-крестьянъ. Вездѣ они казались простыми, добрыми и неспособными гордиться своимъ богатствомъ.

Съ каждымъ годомъ росло благосостояніе фирмы, со всѣхъ концовъ, какъ въ какое-то особое казнохранилище, несли богатые и бѣдные въ кассу фирмы деньги, и справедливость требуетъ сказать, что представитель фирмы, Кондратъ Михайловичъ, былъ по своимъ убѣжденіямъ безусловно честнѣйшій человѣкъ: не было у него мысли обидѣть кого-либо, онъ старался съ каждымъ окончить дѣло у себя мирнымъ путемъ, и потому къ нему было полное довѣріе всѣхъ сословій. Въ то время банковыхъ операцій къ Кіевѣ еще не знали, не знали биржевыхъ дѣлъ, мало лицъ занималось спекуляціей, а Кондратъ Михайловичъ безыскусственностью, честностью, выполненіемъ обязательствъ плѣнялъ всѣхъ. Обладая прекраснымъ здоровьемъ отъ природы, онъ имѣлъ громаднѣйшую память: помнилъ всѣ дни уплатъ, займовъ и дѣла свои вексельныя и торговыя такъ велъ мастерски, что приводилъ всегда въ изумленіе всѣхъ. Какъ природный малороссъ, онъ всегда говорилъ по-малорусски и, вслѣдствіе посто-

янныхъ занятій, привыкъ отвѣчать лаконично: запятія сдѣлали его подвижнымъ, дорожащимъ временемъ, казалось ему, что безъ него не такъ будетъ идти заводъ, и потому старался онъ быть вездѣ ислѣдить за всѣмъ.

Вообще Кондратъ Михайловичъ жизнь свою посвятилъ только долгу и семейству. Семейную жизнь онъ любилъ и былъ женатъ три раза. Первая его жена была крестьянка Екатерина; съ нею онъ прижилъ двоихъ дѣтей, которые умерли малолѣтними; вторая жена его была вдова священника, отъ которой онъ не имѣлъ дѣтей; третья жена его была вдова маіора Марія Васильева Труханова, урожденная Пасхалова, отъ которой онъ имѣлъ двоихъ дѣтей: Ивана и Василія.

Какъ въ семейной жизни, такъ и въ обращеніи со всѣми служащими, у него существовала патріархальность: всѣ служащіе составляли какъ бы одну семью. Религіозныя требованія въ этой семьѣ стояли на первомъ планѣ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ всѣ служащіе, во главѣ со своимъ представителемъ Кондратомъ Михайловичемъ и семьею его, шли въ церковь. Самъ Кондратъ Михайловичъ молился усердно, отъ чистой души и своимъ примѣромъ заставлялъ всѣхъ молиться. Въ этомъ городкѣ всякое нарушеніе нравственныхъ началъ считалось страшнымъ преступленіемъ, особенно соблазнъ дѣвушки; не знали, какъ карать соблазнителя. Самъ Кондратъ Михайловичъ, при массѣ занятій, по такимъ преступленіямъ принималъ на себя роль судьи и всегда старался карать мущинъ самымъ сильнымъ способомъ, не жалѣлъ онъ уже средствъ соблазнителя, а заставлялъ или жениться, или удовлетворить соблазненную деньгами по ея желанію. Часто по такимъ дѣламъ происходили курьезы. Однажды одинъ изъ служащихъ К. сошелся съ одной дѣвушкой, и она родила ребенка. Этотъ фактъ возмутилъ всѣхъ служащихъ, всѣ дамы — родственницы Кондрата Михайловича стали требовать, чтобы онъ наказалъ К. примѣрно и въ назиданіе всѣмъ. Кондратъ Михайловичъ, принявъ видъ грознаго судьи, послѣ литургіи въ воскресный день потребовалъ къ себѣ К. За чаемъ сидѣла вся его семья, всѣ дамы-родственницы и вообще всѣ близкія лица его дома. По вызову явился К. и

сталъ въ роли обвиняемаго, принявъ смиренный видъ. Кондратъ Михайловичъ, принявъ видъ суроваго судьи и обратившись къ К., спросилъ громко и протяжно: „Що це ты, козаче, зробывъ?“ К. самымъ наивнымъ образомъ поклонившись отвѣтилъ: „хлопчика, Кондратъ Михайловичъ“. Отвѣтъ такъ поразилъ дамъ, сидѣвшихъ за столомъ, что всѣ онѣ ушли, а Кондратъ Михайловичъ при общей суматохѣ не зналъ, какъ продолжать судъ и, махнувъ рукою, приказалъ уходить. Очевидно, быть грознымъ судьею такому простому и доброй души человѣку, какимъ былъ Кондратъ Михайловичъ, никакъ не шло. Не смотря на это, всѣ служащіе относились къ нему съ почтеніемъ и благоговѣли предъ его личностью.

Самъ Кондратъ Михайловичъ для порядка въ городкѣ установилъ дежурства, ночные обходы съ сотскими и десятскими изъ служащихъ. Всѣ подошедшіе подъ очередь должны были идти безпрекословно къ мѣсту, назначенному для надзора; требовалъ онъ, чтобы въ этихъ случаяхъ исполненіе обязанностей было самое точное. Не любилъ онъ въ этомъ случаѣ видѣть нарушеніе точно установленной имъ дисциплины, самъ провѣрялъ такіе обходы и, если заставалъ спящими, то безъ всякой церемоніи тутъ же наказывалъ ихъ палкою, а въ крайности грозилъ удаленіемъ отъ службы, что впрочемъ примѣнялъ рѣдко.

Кондратъ Михайловичъ по своей натурѣ былъ замѣчательный юмористъ. Однажды въ Кіевъ прибыло одно высокопоставленное лицо. Кіевское купечество давало ему обѣдъ; по своимъ дѣламъ Кондратъ Михайловичъ былъ тогда въ Кіевѣ и приглашенъ былъ на обѣдъ. Передъ обѣдомъ бывшій кіевскій гофъ-маклеръ Паталѣевъ, тогда еще молодой человѣкъ, заявилъ, что будетъ держать рѣчь во время обѣда; въ извѣстный моментъ встаетъ П—въ и начинаетъ говорить. Первыя слова рѣчи были: „господа, простите мнѣ, я еще молодой человѣкъ“, но тутъ же смѣшался и не могъ продолжать, а опять повторилъ: „Господа, простите мнѣ, я еще молодой человѣкъ“. Такъ начиналъ онъ три раза свою рѣчь. Понятно, это всѣхъ смутило, и никто не нашелся, чѣмъ поправить дѣло; одинъ Кондратъ Михайловичъ, чтобъ установить оживленіе, сказалъ: „Богъ тоби простыть, ты, правда, ще

молодый чоловикъ, сидай лучше на свое мисце да будемъ дообидувать. П—въ сѣлъ, и тѣмъ кончилась его рѣчь; обѣдъ продожлался, и оживленіе за столомъ пошло своимъ порядкомъ.

Вообще Кондратъ Михайловичъ былъ доброй души человѣкъ, веселаго нрава, любилъ самъ повеселиться и развлечь другихъ; бѣда только, что былъ постоянно занятъ.

Работая по своей спеціальности, Кондратъ Михайловичъ не отставалъ и отъ дѣлъ благотворительности: при пожертвованіяхъ во время крымской кампаніи, фирма братьевъ Яхненко и Симиренко доставила 10000 руб., не говоря о постоянныхъ жертвахъ на разныя богоугодныя дѣла: Кондратъ Михайловичъ давалъ всѣмъ бѣднымъ, кто только ни обращался къ нему.

Въ концѣ 1850 года Кондратъ Михайловичъ и братья его стали уже старѣть и слабѣть; пошелъ уже Кондрату Михайловичу 8-й десятокъ лѣтъ, сталъ онъ уже чувствовать себя слабымъ. Наслѣдникъ у него былъ совсѣмъ малолѣтній, а между тѣмъ дѣятельность на фабрикахъ расширялась, вездѣ надо было наблюдать, а въ дѣйствительности уже не было кому. Правда, Кондрата Михайловича вездѣ замѣняла очень образованная, дѣятельная личность, Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко; по отзывамъ, этотъ его племянникъ былъ очень умный человѣкъ, но къ сожалѣнію больной и потому не могъ быть подпорою Кондрата Михайловича при развивавшейся грандіозной дѣятельности. А тутъ, какъ нарочно, начали уже высказываться результаты ошибокъ фирмы и на первомъ планѣ результаты увлеченія.

Кондратъ Михайловичъ часто возражалъ противъ затѣвавшихся Платономъ Ѳедоровичемъ излишнихъ построекъ и роскоши. Здравый умъ стариковъ подсказывалъ имъ, что много уже имѣется лишняго и что это лишнее поглощаетъ массу чистаго капитала, что чуть-ли не весь капиталъ теперь въ постройкахъ, а такого рода активъ трудно было реализовать. Приходила уже старикамъ мысль о возможности сокращать лишнюю трату денегъ. Въ этой когда-то единой семьѣ братьевъ Яхненко и Симиренко, дышавшей единымъ духомъ и составлявшей какъ бы одно тѣло, образовались двѣ партіи, два теченія. Былъ такой моментъ, когда партійное движеніе на столько обострилось, что

Семенъ Степановичъ Яхненко замѣнилъ мѣсто въ управленіи дѣлами фирмы Платона Ѳедоровича Симиренка. Хотя эта замѣна продолжалась не долго, но явно было всѣмъ, что молодые люди не могли уже сходиться въ такихъ началахъ и вести дѣла, какъ вели старики. Слабость здоровья стариковъ не могла уже держать въ ежевыхъ рукавицахъ бразды правленія и дѣла фирмы. Въ 1858 году Кондратъ Михайловичъ по совѣту докторовъ со всею своею семьею отправился заграницу лѣчиться и возвратившись видимо почувствовалъ себя хорошо, но 21 сентября 1858 г. съ нимъ случился первый ударъ, затѣмъ послѣдовательно черезъ извѣстные промежутки было еще 6 ударовъ, и онъ былъ разбитъ параличемъ. Разбитый параличемъ, не могъ онъ слѣдить за дѣлами, постоянно наблюдать за дѣятельностью на заводахъ; болѣзнь его требовала безусловнаго покоя и удаленія отъ всякихъ занятій по дѣламъ. При такихъ условіяхъ, для веденія дѣлъ потребовались новыя, свѣжія силы, но ихъ не прибывало. Время измѣнило и нравы семьи Яхненко и Симиренко не къ лучшему, а къ худшему.

Послѣ смерти Степана Михайловича Яхненка, наслѣдники его все настоятельнѣе требовали раздѣла и выдѣла своей части; долго откладывался этотъ выдѣлъ и наконецъ совершился: они получили около полумилліона наслѣднаго капитала. Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко, будучи больнымъ, сталъ также выдѣляться изъ фирмы и взялъ лично для себя Ташлыкскій сахарный заводъ, который не давалъ дохода, а съ каждымъ годомъ производительность на немъ падала, и получались убытки, а вслѣдствіе этого — задолженность Платономъ Ѳедоровичемъ денегъ фирмѣ.

Сахарная промышленность въ краѣ развивалась все сильнѣе и сильнѣе, строились новые заводы и каждый изъ нихъ являлся сильнымъ конкуррентомъ для фирмы. Графы Шуваловъ, Браницкій, товарищество Епни, устраивая новые заводы, старались вести на нихъ дѣла и производить выработку сахара на новыхъ началахъ, вырабатываемыхъ наукой и жизнію; нужно было не отставать отъ нихъ, а стараться—или идти въ уровень съ ними, или усиливать производительность. Необходимость

заставляла примѣниться къ новымъ условіямъ жизни и дѣятельности; трудно реализируемый активъ въ видѣ громадныхъ построекъ не имѣлъ особой цѣны, не могъ подвергаться постоянной продажѣ и давать оборотъ капиталу. Вообще въ дѣлахъ фирмы требовалось коренное преобразованіе, нельзя уже было держать сундукъ съ золотомъ и серебромъ открытымъ, чтобы всякій имѣлъ возможность брать безъ счета. Въ такой именно моментъ въ 1850 годы, вмѣсто преобразованія, улучшенія въ дѣлахъ фирмы, является товарищескій договоръ, формально совершенный между членами фирмы. Капиталъ фирмы раздѣленъ былъ на четыре части, наслѣдники Степана Михайловича были выдѣлены, остались участниками: Кондратъ Михайловичъ, Терентій Михайловичъ Яхненки и Ѳедоръ Степановичъ Симиренко. По этому договору Платонъ Ѳедоровичъ уполномачивался вести дѣло; за труды его было положено большое вознагражденіе. Для веденія такого громаднаго дѣла, кромѣ опытности и ума, требовалось и здоровье, а здоровья у Платона Ѳедоровича, какъ я уже сказалъ, совсѣмъ не было; онъ ежегодно падалъ здоровьемъ и слабѣлъ: ясно было всѣмъ, что онъ не жилецъ міра сего.

Вѣсть о раздѣлѣ между членами фирмы и о выдѣлѣ одной части наслѣдникамъ Степана Михайловича скоро разнеслась по всему коммерческому люду, и обаяніе фирмы начало понемногу падать. Буржуазное направленіе между членами фирмы стало проходить красною нитью; разсчетливость исчезла мало по малу, каждый изъ членовъ фирмы не стѣснялся заборомъ денегъ изъ конторы на свой личный счетъ, каждому хотѣлось самостоятельно вести дѣла. Въ молодомъ поколѣніи не выработалось ни одной энергической силы, которая взялась бы настоятельно за преобразованіе дѣлъ фирмы. Василій Ѳедоровичъ Симиренко сталъ уже совершеннолѣтнимъ, но былъ еще молодъ для радикальнаго переворота веденія дѣлъ фирмы, а возросшій въ полной покорности предъ старшими, но могъ выступить рѣшительнымъ преобразователемъ всего строя дѣлъ фирмы, боялся вызвать общее неудовольствіе. На первое время необходимо было поссориться со всѣми, возстать противъ всѣхъ порядковъ,

но на это не всякій способенъ, хотя бы имъ руководили честнѣйшія намѣренія и взгляды. Зять Терентія Михайловича, г. Великановъ, открыто говорилъ, что такъ вести дѣла фирмы нельзя; но его не слушали. Казалось всѣмъ, что временная недостача капитала со временемъ пополнится. Дѣйствительно, кредитъ неособенно ослабѣвалъ, хотя уже и не былъ въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде. Всѣ люди, знавшіе честность стариковъ, были убѣждены, что старики при всякомъ положеніи дѣла, отдадутъ рубль за рубль, и потому несли свои сбереженія въ кассу конторы. Старики, хотя слабые духомъ и тѣломъ, понимали расположенность къ себѣ богатыхъ и бѣдныхъ, дорожили этой расположенностью и старались всѣми мѣрами поправить дѣла фирмы, но молодежь, подъ вліяніемъ духа времени, по своему смотрѣла на промышленность и коммерцію. Также старики не могли сойтись съ молодежью относительно служащихъ. Молодежь настаивала на перемѣнѣ директоровъ, которые неслѣдовали за наукою, не вводили усовершенствованій въ производство; старики-же помнили прежнія заслуги и ни за что не рѣшались разставаться съ ними. Всѣ эти причины, собственно говоря, не могли оказать особаго вліянія на дѣла фирмы: опасаться краха—не было основанія. Правда, у фирмы было много враговъ, которые старались распространять нелѣпые слухи о ея дѣлахъ; многимъ коммерсантамъ хотѣлось чѣмъ нибудь повредить фирмѣ, чтобы отвлечь кредитъ въ свою сторону. Къ несчастію для фирмы и къ счастію для враговъ ея, случай такой скоро представился.

Въ 1861 году представители фирмы были въ Кіевѣ на контрактовой ярмаркѣ, производили тамъ разсчеты, уплаты, замѣны траттъ. По окончаніи контрактовъ, завѣдывавшій счетоводствомъ и кредитными операціями, ѣдучи обратно, дорогою потерялъ багажъ съ книгами, траттами и даже бланками за подписью членовъ фирмы. Вѣсть о потерѣ такого цѣннаго клада скоро разнеслась по окрестности; книги послѣ находки ихъ переходили изъ рукъ въ руки, попадали въ руки дѣловыхъ людей, которые воочію увидѣли, что дѣла фирмы неособенно блестящи, что много имѣется долговъ. Понятно, при такихъ

условіяхъ можно было говорить что угодно, и враги фирмы воспользовались этимъ, стали распространять въ публикѣ слухи, что фирма на порогѣ къ банкротству. Результатомъ этого было то, что послѣдовали требованія о возвратѣ внесенныхъ суммъ.

Свѣтлѣйшаго князя Михаила Воронцова не было уже въ живыхъ, а сынъ его, князь Семенъ Михайловичъ, не такъ пріятельски, какъ отецъ, относился къ дѣламъ фирмы, иначе смотрѣлъ на это, думалъ уже объ устройствѣ своего завода въ м. Городищѣ, и потому сосѣдство фирмы ему не нравилось. Старики Ѳедоръ Степановичъ Симиренко, Кондратъ Михайловичъ Яхненко и Терентій Михайловичъ Яхненко были уже совсѣмъ слабы духомъ и тѣломъ, на послѣднихъ дняхъ жизни; Платонъ-же Ѳедоровичъ Симиренко былъ безнадежно боленъ. Въ виду всего этого въ 1862 году, съ согласія членовъ фирмы, учреждена была первая администрація для возстановленія упадшихъ дѣлъ. По балансу, окончательно выведенному кредиторами или администраціей по всѣмъ счетамъ, долга оказалось на 3,500,000 руб. а имущества и вообще состоянія было на 5,200,000 руб., слѣдовательно излишекъ оказывался въ 1,700,000 руб., т. ч. не было собственно говоря надобности учреждать администрацію. Законъ также не давалъ права учреждать администрацію, когда должники на 1 руб. получали не 50 коп., а 1 р. 50 к. Старики, что бы не запятнать своего имени, представили полностью свое имущество въ распоряженіе кредиторовъ, заявляя имъ: „заберите, что вамъ принадлежитъ, и отдайте намъ наше“. Предсѣдателемъ первой администраціи былъ Каспаръ Козаковскій. На первомъ общемъ собраніи рѣшено было платить кредиторамъ по 4% годовыхъ на капиталъ. Справедливость требуетъ сказать, что администрація вела дѣла не какъ добрый хозяинъ, а стала разширять предпріятія, вышедшія и безъ этого за надлежащіе предѣлы.

Такимъ образомъ, дѣла фирмы при администраціи не укрѣплялись, а еще болѣе расшатывались; члены фирмы видѣли уже, что дѣла падаютъ. Первая администрація взяла въ аренду на 12 лѣтъ Александровскій сахарный заводъ Грабовскихъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, взяла голыя стѣны и на устройство затра-

тила около 300 тысячъ рублей. Для казавшагося улучшенія дѣлъ та же администрація взяла въ аренду 5000 десятинъ земли при селахъ Бурты и Завадовкѣ, около 2500 при с. Христофоровкѣ. Члены фирмы, замѣтивши явныя ухудшенія дѣлъ, желая поправить и устранить администрацію, обратились съ ходатайствомъ къ правительству о выдачѣ займа изъ государственнаго банка, но послѣдовалъ отказъ. Управленіе князя Воронцова, въ лицѣ главноуправляющаго г. Критскаго, стало уже враждебно относиться къ дѣламъ фирмы.

Въ публикѣ былъ уже слухъ, вышедшій изъ главнаго управленія, что срокъ арендованія 260 десятинъ земли въ городкѣ оканчивается, что продолжить договоръ главное управленіе не желаетъ и что контрактъ князя Михаила Воронцова необязателенъ для его наслѣдниковъ.

Такія обстоятельства подрывали въ корнѣ дѣла фирмы.

Василій Ѳедоровичъ Симиренко, завѣдывая нѣкоторое время администраціей по дѣламъ фирмы, задумалъ учредить акціонерную компанію для улучшенія дѣлъ, и обязательно нужно было пригласить въ акціонеры владѣльца земли. Главноуправляющій Критскій наотрѣзъ отказалъ въ согласіи на учрежденіе акціонернаго товарищества песочно-сахарнаго завода и при особыхъ уже ходатайствахъ изъявилъ согласіе только возобновить въ 1872 г. договоръ на 36 лѣтъ объ арендованіи 260 десятинъ, находящихся подъ городкомъ. Возобновленіе договора не внесло ничего новаго въ дѣятельность фирмы. Старикъ Терентій Михайловичъ Яхненко умеръ въ 1866 г., Ѳедоръ Симиренко въ 1867 г., Кондратъ Михайловичъ Яхненко—въ ночь на 14 февраля 1868 г., Платонъ Ѳедоровичъ—въ 1863 г.

Въ 1880-хъ годахъ были ликвидированы совсѣмъ дѣла фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, продано все имущество—зданія машинъ, и милліонное дѣло погибло навсегда. Важно уже и то, что фирма Яхненко и Симиренко при окончательной ликвидаціи дѣлъ уплатила казнѣ долгъ въ полной суммѣ, а кредиторамъ, кромѣ ежегодныхъ 4%, по 75 коп. на 1 руб. и тѣмъ закончила свое существованіе.

Такимъ образомъ очевидно, что дѣла фирмы обладали еще жизненностью до послѣднихъ дней, и явись капиталъ и энергическій дѣятель, можно было бы приступить къ поднятію упавшихъ дѣлъ.

Послѣ ликвидаціи дѣлъ фирмы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ опустѣлъ и знаменитый городокъ, и навсегда безвозвратно прекратила свое существованіе фирма. Теперь городокъ Яхненка находится въ распоряженіи мѣстнаго землевладѣльца Балашова; зданія завода обращены въ казармы для войскъ, и тамъ проживаетъ два полка, а въ домахъ живутъ разныя лица, купившія ихъ въ собственность. Передъ продажею машино-строительнаго завода, главноуправляющій имѣніемъ княгини Демидовой Санъ-Донато въ Илинцахъ, г. Добровольскій, хотѣлъ составить товарищество для покупки завода и открыть его дѣйствіе, былъ приглашенъ владѣлецъ имѣнія купецъ Израиль Бродскій, но встрѣтились разныя препятствія, и этому доброму дѣлу не суждено было осуществиться. Брянскій заводъ закупилъ на торгахъ машины и увезъ ихъ въ Екатеринославъ для устройства тамъ механическаго завода.

Если разсмотрѣть со вниманіемъ и безпристрастно дѣятельность фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, то можно видѣть, что, если бы въ моментъ кризиса былъ выданъ правительствомъ заемъ и если бы управленіе всѣми заводами и дѣлами попало въ руки способнаго и дѣльнаго распорядителя, то скоро бы всѣ денежныя дѣла были приведены въ надлежащій порядокъ и не было бы краха. Печальный конецъ съ предпріятіями Кондрата Михайловича воочію убѣждаетъ, что каждое грандіозное дѣло, воздвигнутое однимъ человѣкомъ, цвѣтетъ только, когда строитель самъ руководитъ дѣломъ; разъ его не стало, или не успѣлъ онъ оставить послѣ себя лицъ, вполнѣ замѣняющихъ его—и дѣло, какъ бы оно ни стояло высоко по своимъ операціямъ, въ большинствѣ случаевъ погибаетъ. Крахъ съ Кондратомъ Михайло-

вичемъ доказалъ ясно, что образованіе товариществъ на паяхъ далеко практичнѣе и обладаетъ большей жизненностью, чѣмъ сосредоточеніе грандіознаго дѣла въ рукахъ одного человѣка.

П. Клебановскій.

Аѳанасій Заруцкій, малорусскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст.

При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ произведеніями южнорусской литературы XVI—XVIII ст., какъ печатными, такъ и рукописными, изслѣдователь невольно поражается чрезвычайнымъ обиліемъ въ ней панегириковъ самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Не говоря о спеціальныхъ твореніяхъ въ этомъ родѣ, почти невозможно встрѣтить печатной книги,—будь то богословскій трактатъ, церковно-полемическое сочиненіе, сборникъ проповѣдей, житія святыхъ,—которая была бы совершенно свободна отъ панегирической примѣси—если не въ самомъ текстѣ, то въ предисловіи, посвященіи или „конклюзіи“. Даже собственно церковныя и богослужебныя книги западнорусской и малорусской печати тѣхъ вѣковъ по большей части снабжены льстивыми „дедикаціями“ какому-нибудь знатному „патрону“ съ неумѣреннымъ прославленіемъ его военныхъ и гражданскихъ заслугъ или „зацности и шляхетной старожитности“ его „дома“ и съ традиціонными „виршами“ къ его гербу. Иные авторы прибѣгали даже къ такимъ пріемамъ, что извѣстную часть экземпляровъ своей книги печатали съ „дедикаціями“, адресованными одному лицу, а остальную часть снабжали посвященіями другому или третьему лицу. Этотъ странный и не совсѣмъ приличный обычай не считался, однако, таковымъ въ тѣ времена, ибо и самые достойные писатели пользовались имъ съ спокойною совѣстью; надо помнить, что панегиризмъ господствовалъ тогда въ цѣлой Европѣ, въ особенности въ Польшѣ, откуда онъ перешелъ

и въ западную Русь, въ послѣдней же, сверхъ того, онъ до извѣстной степени могъ быть оправдываемъ неблагопріятными политическими и соціальными условіями, именно тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, въ какомъ находилась русская вѣра и народность въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой. Лишенные государственной защиты своей церкви, православные писатели, выступая на литературную борьбу за ея попираемыя права, поневолѣ должны были искать для себя и для своего дѣла покровителей или „патроновъ“ въ томъ сословіи, которое одно пользовалось политическимъ полноправіемъ въ польской республикѣ и могло, если хотѣло, оказать такую могущественную поддержку и защиту, что противъ нея часто оказывалась безсильной и воля королевская; а чѣмъ инымъ можно было пріобрѣсти или, по крайней мѣрѣ, продлить эту поддержку и расположеніе, какъ не публичнымъ выраженіемъ признательности и нѣкоторою угодливостью панскому тщеславію! И если обстоятельства слагались такъ, что въ извѣстномъ дѣлѣ нельзя было обойтись безъ поддержки со стороны хотя бы иновѣрнаго магната, то православные не стѣснялись посвящать и такимъ лицамъ свои литературные труды; такъ, одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній западнорусской полемической литературы—„Апокрисисъ“, изданное на средства князя Конст. Острожскаго, было посвящено канцлеру Яну Замойскому—католику. Церковныя братства, школы, типографіи—всѣ эти просвѣтительныя учрежденія только тогда и процвѣтали, когда имѣли могущественныхъ патроновъ; а сколько полезнѣйшихъ изданій появилось на свѣтъ исключительно на ихъ средства, и можно ли было упрекать авторовъ или издателей за тѣ льстивыя „дедикаціи“, которыми они желали отблагодарить усердныхъ патроновъ и щедрыхъ благотворителей и расположить ихъ къ продолженію такихъ же милостей.

Но тѣ литературные пріемы и обычаи, которые имѣли нѣкоторое оправданіе въ эпоху польскаго господства, въ значительвой степени теряли его въ освобожденной Малороссіи; а между тѣмъ нигдѣ человѣкоугодливость и сервилизмъ не распустились такимъ пышнымъ пустоцвѣтомъ, какъ именно въ литературѣ этой вольнолюбивой и демократической страны. Спра-

шивается, чему приписать это странное явленіе? На нашъ взглядъ, его слѣдуетъ всецѣло приписать вліянію тогдашней схоластической науки и школы, созданной по польскому образцу и надолго сдѣлавшейся проводникомъ уродливыхъ ультра-шляхетскихъ понятій и вкусовъ. Тамъ, въ старопольскомъ быту, съ его гордымъ магнатствомъ и угодливою политикою воспитателей юношества—іезуитовъ, взглядъ на книгу, какъ на орудіе хвалы, и на писателей, какъ на панегиристовъ quand même, еще имѣлъ хоть какой-либо смыслъ, но перенесенный въ безгербовную Малороссію, онъ являлся чистой безсмыслицей. А между тѣмъ взглядъ этотъ несомнѣнно проводился въ малорусскихъ школахъ если не въ теоріи, то въ практикѣ, въ пріемахъ школьнаго обученія. Учащимся, по большей части „павперамъ", жившимъ на доброхотныя подаянія, естественно внушались чувства признательности и благодарности по отношенію къ благотворителямъ; а чѣмъ же бѣднякъ школьникъ могъ выразить эти чувства, какъ не плодами своего книжнаго искусства: складной рѣчью, витіеватымъ привѣтомъ, виршами. Самое преподаваніе поэтики и риторики въ малорусскихъ школахъ было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы питомцы умѣли составить витіеватую „орацію", поздравительныя вирши, замысловатые акростихи[1]). Практическимъ примѣненіемъ этихъ упражненій и вмѣстѣ образцомъ грядущимъ поколѣніямъ служили тѣ, уже въ собственномъ смыслѣ, *панегирики*, которые въ такомъ невѣроятномъ количествѣ изготовлялись въ малорусскихъ школахъ; много ихъ было напечатано въ свое время, но несравненно больше осталось въ рукописяхъ. Первенцемъ этого рода литературы надобно, кажется, считать *„Просфониму"*, т. е. привѣтъ митроп. Михаилу Рагозѣ, сочиненный учениками львовской братской школы, стихами и прозою, на славянскомъ и греческомъ языкахъ, и напечатанный во Львовѣ въ 1591 г. Кіево-Могилянская коллегія съ первыхъ же годовъ своего сущест-

[1]) Въ Люблинскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ въ 1696 г. составлена была для руководства учащимся особая книга, заключавшая въ себѣ толкованіе польскихъ дворянскихъ гербовъ, для панегириковъ. Списки этого руководства встрѣчаются между учебниками старинныхъ малороссійскихъ школъ.

вованія не мало потратила дарованія своихъ сыновъ на составленіе панегириковъ разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Всѣ эти „Вѣзерунки цнотъ“, „Имнологіи“, „Евхаристіоны альбо вдячности“, „Евфоніи веселобрмячіи“, „Мнемозины“ et tutti quanti—представляютъ неподражаемые образцы словесной виртуозности, направленной къ одной цѣли—къ вящшему прославленію избраннаго „мецената“: тутъ и оды, и диѳирамбы, и вирши всевозможныхъ формъ и размѣровъ, и остроумные акростихи съ замысловатыми эмблемами. И вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова страдаетъ лишь однимъ существеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ живого, искренняго одушевленія, а слѣдовательно и истинной поэзіи. До 30-хъ годовъ XVII в. эти диковинныя произведенія школьной „поетицкой музы“, по крайней мѣрѣ, по языку не были чужды народности; но начиная съ „Мнемозины“, сочиненной въ 1633 г. въ честь митроп. Петру Могилѣ студентами основанной имъ коллегіи, почти исключительнымъ языкомъ панегириковъ становится языкъ польскій и отчасти латинскій. Даже такое потрясающее для своего времени событіе, какъ Чигиринская война 1677 года, вдохновило „панегиристу козарского“ Александра Бучинскаго, и еще другого, неизвѣстнаго по имени „піиту“, воспѣть доблести Самойловича и Ромодановскаго польскими „ріѳмами“. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ издаетъ въ 1670 г. книгу Żywoty Swiętych и снабжаетъ ее посвятительными виршами въ честь царевича Ѳеодора Алексѣевича—на польскомъ же языкѣ. Панегиристы гетмановъ—Самойловича (названный Бучинскій, кіево-могилянскіе коллегіаты) и Мазепы (Ст. Яворскій, Іоаннъ Орновскій, Петръ Армашенко, Филиппъ Орликъ) славятъ своихъ „меценатовъ“ латинскими и польскими виршами. Наиболѣе громкою извѣстностью между малороссійскими панегиристами пользовался Стефанъ Яворскій, прославившійся такимъ искусствомъ слагать латинскіе и польскіе стихи, что Кіево-Могилянская коллегія удостоила его (въ 1689 г.) почетнаго званія „лавроноснаго піиты“ (poëta laureatus). И какое же употребленіе сдѣлалъ этотъ безспорно талантливый ученый изъ своего дарованія? Пи-

салъ льстивые диѳирамбы Варлааму Ясинскому, гетману Мазепѣ, родственнику послѣдняго Обидовскому и др. Искусство автора обнаруживается въ гладкости стиха, въ остроумной игрѣ латинскими словами, но настоящей поэзіи нѣтъ и въ его твореніяхъ.

Въ связи съ развитіемъ спеціально-панегирической литературы, въ остальной малорусской печати конца XVII в. царитъ то же всеобщее стремленіе кого-то прославить, воскурить кому-то „мглистый ѳиміамъ“. Почти каждая печатная книга посвящается кому-либо. При типографіяхъ заводятся особые словесныхъ дѣлъ мастера, снабжающіе изданія (даже церковныхъ книгъ) искусными „дедикаціями“, „конклюзіями“ и „афикціями“. При черниговской типографіи, основанной Лаз. Барановичемъ, такимъ мастеромъ состоялъ долгое время Лаврентій Крщоновичъ, дослужившійся этимъ до игуменства въ тамошнемъ Ильинскомъ монастырѣ. Когда 1696 г. предстояли выборы черниговскаго архіерея на мѣсто умершаго Ѳеодосія Углицкаго, Крщоновичъ домогался поставить свою кандидатуру и въ письмѣ къ гетману Мазепѣ, въ числѣ главныхъ своихъ „прислугъ церкви Христовой“, указывалъ на труды по изобрѣтенію „конклюзій и афикцій, тутъ предъ тимъ въ Малой Россіи нѣгди не бывалихъ, а теперъ многимъ особамъ, почавши отъ самаго монархи, зъ завистію римляновъ (т. е. католиковъ) дедикованныхъ“ [1]).

Нужно ли говорить о томъ, какія вредныя послѣдствія для развитія литературы влекло за собою это повальное панегирическое повѣтріе! Оно служило едвали не главной причиной ея вѣкового безплодія. Въ то время, какъ конецъ XVI и начало XVII ст. ознаменованы появленіемъ въ южнорусской литературѣ цѣлаго ряда талантливыхъ произведеній, исполненныхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ разгаръ жестокой борьбы съ уніей, латинствомъ и протестантствомъ,—вторая половина XVII в., а затѣмъ и весь XVIII вѣкъ, за весьма немногими исключеніями, знаменуются, наоборотъ, поразительнымъ убожествомъ и скудостью научной мысли, вдохновеннаго сло-

[1]) Лѣтопись Величка, III, 418.

ва, поэтическаго чувства. Страна переживаетъ величайшіе кризисы; въ ней совершаются безпримѣрныя событія, всколыхнувшія общественную жизнь до самыхъ основаній и вызвавшія изъ глубины народной мысли и чувства обильный родникъ поэтическаго творчества,—а малорусскіе книжники и „піиты“ не откликаются на это ни однимъ живымъ словомъ и лишь латинопольскими виршами величаютъ военные походы Самойловича и Мазепы. Въ странѣ, гдѣ было столько школъ и столько ученыхъ людей, учившихся въ заграничныхъ академіяхъ и университетахъ, въ теченіе вѣковъ упорно царитъ взглядъ на литературное искусство, какъ на пустую забаву, занятную потѣху, годную лишь на то, чтобы потѣшить людское тщеславіе или—въ лучшемъ случаѣ—служить украшеніемъ къ оффиціальной жизни,—и такой взглядъ поддерживаютъ сами патентованные magistri artium leberalium. Нужно ли говорить, какъ глубоко деморализовалъ подобный взглядъ и общество, и еще болѣе писателей! Если куріѳи учености и лавроносные поэты не стыдились тѣшить панское и старшинское тщеславіе, воспѣвая свѣже-сочиненные „гербы“ козацкой старшины и „шляхетную запность“ ихъ „рожаю“, то какою угодливостью и пресмыкательствомъ должны были прокладывать себѣ путь въ жизни менѣе даровитые писатели, научившіеся искусству слагать вирши и орацiи, дедикаціи и конклюзіи, и, слѣдуя духу времени, желавшіе пустить въ оборотъ этотъ убогій капиталъ! А такихъ литераторовъ развелось въ тѣ времена въ Малороссіи превеликое множество. Біографію одного изъ нихъ, въ видѣ иллюстраціи къ сказанному, мы и приводимъ здѣсь.

Въ первый годъ своего гетманства, 3 іюня 1688 г. Мазепа писалъ своему благодѣтелю и покровителю, ближнему боярину князю Василію Васильевичу Голицыну слѣдующее ходатайственное посланіе: „Аѳанасій Заруцкий, житель Глуховский, тщаніемъ своимъ, якъ змогъ подлугъ разума своего, составивши книжицу на похвалу превысокого імени пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великой государыни бла-

говѣрной царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества, и на розширеніе славы всего ихъ монаршого Россійского царствія, показалъ мнѣ оную и просилъ велце, абы была тутъ, въ Малой Россіи, напечатана и свѣту оказана. Прето (однако) я, якъ жадныхъ рѣчей тутъ без волѣ и позволеня монаршого ихъ царскихъ пресвѣтлыхъ величествъ не починаю, такъ и зъ тымъ составленнымъ дѣломъ его, Заруцкого, в царствующий градъ Москву до вашои княжой велможности посылаю, где изволь ваша княжая велможность росказать розумнымъ и в такихъ дѣлехъ искуснымъ людемъ пересмотрѣти и изслѣдовати тоеи написанои книжици, и если оная будетъ угодна премилостивой волѣ монаршой ихъ царского пресвѣтлого величества и вашой княжой велможности высокой увазѣ, то можетъ по томъ изслѣдованіи и напечатана быти, о що онъ своего приложитъ стараня. Тое до ознайменя и высокои уваги вашои княжои велможности подавши, полецаюся при томъ з унижонимъ моимъ поклономъ звыклой благодѣтелской вашой княжои велможности ласце.

„Вашой княжой велможности всего добра зычливий приятель и низкий слуга Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого“.

Къ письму была приложена на отдѣльныхъ листкахъ приписка: „Извѣстно вашой княжой велможности чиню, ижъ (что) оную его книжку читалъ и исправлялъ мужъ мудрости полний, преосвящений архіепископъ Лазарь Барановичь и велце залецалъ и хвалилъ и до мене о томъ писалъ, и инніе мудрие люде похвалили. Еднакъ же просилъ онъ мене, Аѳанасій Заруцкий, абы прежде вашой княжои велможности подалъ пункта, о чомъ тая книжка буде написана, котрие я до вашои княжои велможности одсылаю; а онъ тамъ имѣе воскорѣ лѣтописцовъ писанихъ изслѣдовати, жеби в чомъ у своей книжцѣ не погрѣшилъ. Прошу теды вашои княжои велможности, благоволи оному краткий часъ исслѣдовати лѣтописцѣ, а онъ тую свою книжицу якъ найскорѣй вашой княжой велможности подастъ, исправивши.

„Видячи я не малую працу Аѳанасія Заруцкого въ начертаню книжици ко прославлению маестату ихъ царского пресвѣтлого величества и вашои княжои велможности, теди, в награду тихъ его працъ, а до другихъ добрыхъ дѣлъ повабляючи, найменовалемъ ему дати село Чорторию [1]); еднакъ же просилъ онъ мене, абимъ до вашои княжои велможности причинилъся за нимъ, аби ему ко лучшей крѣпости грамота дана была государская на тое село, по милости государской и по ласцѣ вашей княжой велможности, б(ь)ю теди чоломъ вашой княжои велможности, покажи милосердие свое надъ нимъ, бо кгдыжъ любъ (хотя) онъ есть молодъ лѣтами, еднакъ же залѣцаю я оного вашои княжои велможности, ижъ барзо цнотливе и богоугодно живе и в науцѣ книжной есть досконалий; щобъ ему било з чого службу имъ великимъ государемъ служить. Умилосердися надъ нимъ!“ [2])

Кто же былъ этотъ многообѣщавшій ученый и авторъ, о которомъ такъ усердно ходатайствовалъ гетманъ предъ всесильнымъ тогда временщикомъ?

Родиной Аѳанасія Заруцкаго былъ г. Глуховъ; здѣсь въ 1675 г. мы находимъ его отца, Алексѣя, въ то время еще не принадлежавшаго къ духовному сословію [3]). Впослѣдствіи этотъ Алексѣй Заруцкій сдѣлался протопопомъ новгородсѣверскимъ и неизвѣстно, за какія заслуги, получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича жалованную грамоту на с. Бѣлокопытово, въ глуховскомъ повѣтѣ [4]). Сыну своему Аѳанасію онъ далъ хорошее образованіе, законченное, по всей вѣроятности, въ Кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, а можетъ быть и въ заграничныхъ (польскихъ) школахъ, что въ то время составляло обычное явленіе въ Малороссіи. Образованному и даровитому человѣку не трудно было тогда сдѣлать карьеру: такими людьми дорожили и имъ давали ходъ въ войсковой канцеляріи, при дворѣ гетмана и въ

[1]) Нынѣ с. Черториги, Глуховск. уѣзда.

[2]) Списано съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министр. Иностр. дѣлъ.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, стр. 203.

[4]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, стр. 840.

духовномъ вѣдомствѣ. Аѳанасій Заруцкій, прежде чѣмъ избрать себѣ опредѣленный родъ общественной дѣятельности, задумалъ пріобрѣсти славу на литературномъ поприщѣ: онъ сочинилъ какую то „книжицу“ и представилъ ее на одобреніе мѣстному архіепископу Лазарю Барановичу. Разсчетъ Заруцкаго оказался вѣрнымъ: нельзя было пожелать болѣе снисходительнаго цѣнителя и поощрителя въ такомъ дѣлѣ, чѣмъ этотъ ревностный служитель музъ и горячій поклонникъ artium liberalium. Глубокій богословъ, даровитый проповѣдникъ, природный поэтъ и искуснѣйшій стихослагатель, Барановичъ самъ въ теченіе своей долгой жизни никогда не покидалъ пера, находилъ высшее наслажденіе въ литературномъ трудѣ и съ великимъ сочувствіемъ и поощреніемъ относился ко всякому, кто желалъ трудиться на томъ же поприщѣ. Одобривъ первый опытъ начинающаго писателя, Барановичъ, безъ сомнѣнія, разгласилъ о немъ ученымъ друзьямъ своимъ, съ которыми велъ постоянную переписку, и такимъ-то путемъ о книжкѣ Заруцкаго увѣдали „иніи мудрые люди“ и тоже ее „похвалили“. Наконецъ, благодушный архипастырь-литераторъ оказалъ еще большую услугу молодому автору: онъ написалъ о немъ хвалебное рекомендательное письмо къ гетману и посовѣтовалъ Заруцкому лично представить свой трудъ его ясновельможности,—очевидно, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такъ какъ книга была составлена „на похвалу превысокаго царскаго имени и на розширеніе славы Россійскаго царствія“, то право цензуры такого важнаго сочиненія приличествовало не кому другому, какъ самому гетману. И здѣсь нашего автора ожидалъ необычайный успѣхъ: гетману такъ понравилось его сочиненіе, что онъ вызвался (а можетъ быть, только согласился по просьбѣ автора) обратить на него благосклонное вниманіе всесильнаго вельможи, послать ему программу книги, а затѣмъ отправить въ Москву и самого автора—опять таки подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ нуждается въ справкахъ съ „лѣтописцами“, какіе только можно найти въ столицѣ, и что гетманъ, хотя вполнѣ одобряетъ книгу и заранѣе ходатайствуетъ о награжденіи автора „селомъ“, но не рѣшается своею властью разрѣшить ея печатаніе, такъ какъ-де

привыкъ ничего важнаго „безъ воли и позволенія монаршого не починати".

Что же это было за талантливое произведеніе, такъ обворожившее гетмана? Конечно, Мазепа, какъ человѣкъ весьма образованный, въ состояніи былъ оцѣнить достоинства книги Заруцкаго, если и въ самомъ дѣлѣ она ими обладала; но это не былъ такой безкорыстный аматеръ литературы и поощритель талантовъ, какъ Лазарь Барановичъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ книгѣ Заруцкаго прославлялось не одно „монаршее имя", но также и имя его ясновельможности, и если Мазепа о томъ умалчиваетъ въ своемъ посланіи къ князю Голицыну, то единственно изъ скромности. Можетъ быть, это была громогласная поэма въ родѣ „Роксоланской Музы", которую во славу гетмана издалъ въ томъ же году черниговскій піита Орновскій, или громозвучнаго „Эха", составленнаго ему же въ честь въ слѣдующемъ году магистромъ философіи Симеономъ Яворскимъ, будущимъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго всероссійскаго престола. Во всякомъ случаѣ, если даже это была историко-лѣтописная компиляція (что всего вѣроятнѣе) или богословскій трактатъ,—все равно, тогдашніе малороссійскіе литераторы во всякой книгѣ, хотя бы и богослужебной, въ посвященіи, въ предисловіи и послѣсловіи умѣли воспѣть, кому хотѣли, такой панегирикъ, что онъ стоилъ торжественной оды или героической поэмы. Такъ какъ новоизбранный гетманъ не успѣлъ еще совершить никакихъ достославныхъ подвиговъ, такъ какъ малороссіяне его не любили, а изъ Москвы находили нужнымъ секретно провѣдывать о его вѣрности и о степени расположенія и довѣрія къ нему со стороны его подчиненныхъ [1]), то въ виду этого и литературный диѳирамбъ, хотя составленный молодымъ ученымъ, но одобренный такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Лазарь Барановичъ, и другими „мудрыми людьми", пріобрѣталъ для Мазепы не маловажную цѣну: изъ него въ Москвѣ должны были увидѣть, какъ смотрятъ на гетмана высшее духовенство и самые мудрые и ученые люди въ Малороссіи. А такъ какъ хит-

[1]) Въ октябрѣ 1688 г. съ этою именно цѣлью былъ присланъ въ Малороссію Шаковитый.

роумный авторъ догадался за одно уже „прославить“ въ своей книгѣ и любимца царевны Софьи, князя В. В. Голицына, то вопросъ о поѣздкѣ къ нему на поклонъ Заруцкаго рѣшался утвердительно столько же въ интересахъ послѣдняго, сколько и въ интересахъ гетмана: Мазепа надѣялся этимъ сдѣлать пріятное своему „благодѣтелю“, уже достаточно пріученному къ льстивымъ панегирикамъ со стороны малороссійскихъ писателей, а Заруцкій могъ быть увѣреннымъ, что при его посредствѣ онъ всего скорѣе получитъ царскую грамоту на жалуемое ему гетманомъ село.

Не знаемъ навѣрное, ѣздилъ ли тогда же, въ 1688 г., Заруцкій въ Москву, но то несомнѣнно, что, когда въ августѣ слѣдующаго года, по окончаніи второго Крымскаго похода, гетманъ Мазепа съ многочисленной свитой прибылъ въ столицу, то разомъ съ нимъ прибылъ туда же и Ав. Заруцкій съ своей книгой [1]). Онъ подавалъ князю Голицыну челобитную, въ которой изъявлялъ желаніе потрудиться и впредь „въ начертаніи книжномъ къ прославленію престола ихъ царскихъ величествъ“ и его, князя Голицына, „чтобъ испытно чиномъ весь лѣтописецъ о родствѣ ихъ царскихъ величествъ написанъ былъ, дабы и въ настоящее время мудрымъ людямъ было что прочитать“. Заявлялъ онъ и о томъ, что до сихъ поръ писалъ онъ кратко, но теперь хотѣлъ бы написать подробнѣе, и просилъ снабдить его „лѣтописцами“, потому что въ малороссійскомъ краѣ таковыхъ нельзя было найти [2]).

Едва ли этой просьбѣ и заявленіямъ малороссійскаго ученаго придано было какое-нибудь значеніе. Дѣло въ томъ, что князю Голицыну въ то время было не до панегириковъ: его собственная судьба висѣла на волоскѣ. То были тревожные дни, когда между царемъ Петромъ и его сестрой—правительницей пошла рѣшительная борьба. Еще малороссіяне не уѣхали изъ

[1]) Въ числѣ гетманской свиты находилось нѣсколько духовныхъ лицъ, и между ними мы встрѣчаемъ іеромонаха (неизвѣстно, какого монастыря) Іоанна Заруцкаго. Былъ ли это родственникъ нашего автора—не знаемъ.—Костомаровъ, „Мазепа“, стр. 34.

[2]) Ibidem, стр. 41.

Москвы, какъ царевна Софья была отстранена отъ соучастія въ правленіи государственномъ и заключена въ монастырь, а ея любимецъ и могущественный временщикъ былъ лишенъ чести боярства, вотчинъ и сосланъ въ Каргополь; ему поставлено было въ вину то, что онъ „сестру великихъ государей писалъ съ великими государями обще и въ книгахъ и на деньгахъ обще жъ съ великими государями ее печатать велѣлъ". Лишившись такъ неожиданно покровителя, самъ Мазепа едва не потерялъ булавы, купленной имъ у Голицына, и чтобы заслужить царское благоволеніе, подалъ извѣтъ на своего бывшаго „благодѣтеля". Разумѣется, послѣ всего этого Заруцкому нельзя было и помышлять о наградѣ за книгу, прославляющую павшую правительницу и ея фаворита; ему оставалось спрятать подальше эту опасную книгу и молить Бога о благополучномъ возвращеніи на родину. И впослѣдствіи онъ могъ опасаться издавать свое литературное дѣтище, въ особенности послѣ того, какъ въ Москвѣ извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ подвергся жестокому наказанію, между прочимъ за то, что подъ портретомъ царевны Софьи подписывалъ титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы" и составилъ въ ея честь похвальныя „вирши". Вотъ почему книга Заруцкаго, приготовленная къ печати, какъ мы видѣли, еще въ 1688 году, осталась не изданной, а тревожное съ нею приключеніе надолго отбило въ немъ охоту къ литературнымъ упражненіямъ.

Потерпѣвъ неудачу въ литературномъ искательствѣ, Аѳ. Заруцкій избралъ болѣе скромный путь къ матеріальному обезпеченію: онъ выбралъ себѣ въ жены дочь богатаго новгородсѣверскаго мѣщанина Константина Пригары, взялъ за нею въ приданое богатыя угодья въ нынѣшнемъ новгородсѣверскомъ уѣздѣ [1]), гдѣ въ лѣсахъ тесть его занимался чрезвычайно прибыльнымъ въ то время поташнымъ промысломъ,—заселилъ ихъ и скоро сдѣлался весьма состоятельнымъ человѣкомъ. Около

[1]) „Грунты Знобовскіе, между рѣчками Свигою, Знобовкою и Лютою лежачіе" Здѣсь, на мѣстѣ одной изъ „будъ", Заруцкій поселилъ слободу, названную впослѣдствіи, по его сану, Протопоповкою. А. М. Лазаревскій, „Описаніе Старой Малороссіи", I, 230.

этого времени умеръ его отецъ, протопопъ новгородсѣверскій, и нашъ неудачникъ-литераторъ заступилъ его мѣсто. Въ январѣ 1694 г. Аѳанасій Заруцкій, въ санѣ уже „протопопы новгородского", покупаетъ въ Новгородсѣверскѣ усадебное мѣсто, принадлежавшее раньше каѳедрѣ черниговской [1]), а въ ноябрѣ 1696 г. участвуетъ въ избраніи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича [2]). Всецѣло погруженный въ хозяйственныя и служебныя заботы, Заруцкій, повидимому, заглушилъ въ себѣ писательскіе порывы и только въ проповѣдничествѣ примѣнялъ свой талантъ и ученость. Ни о какой личной близости его къ гетману, когда-то обѣщавшему наградить его маетностью и не исполнившему этого обѣщанія, нѣтъ и помину; Мазепа какъ-будто разочаровался въ дарованіяхъ своего перваго панегириста и не нуждался болѣе въ его услугахъ, имѣя цѣлую плеяду піитовъ (Стефана Яворскаго, Іоанна Орновскаго, Петра Армашенка, Филиппа Орлика и др.), на всѣ лады славившихъ его доблести и величавшихъ его „Алкидомъ Россійскимъ". Что могъ значить въ этомъ хорѣ слабый и недостаточно обработанный голосъ новгородсѣверскаго протопопа!

Но этотъ голосъ не умолкъ навсегда: онъ зазвучалъ съ неожиданной силой и экспрессіей, когда понадобилось вдругъ не славить, а злословить и проклинать имя Мазепы. Измѣна гетмана, или, точнѣе, послѣдовавшее за нею его анаѳематствованіе поставило многихъ изъ его прежнихъ панегиристовъ въ нелегкую обязанность—позорить того, кто еще вчера былъ предметомъ славословій; но едва ли кому-нибудь изъ нихъ эта внезапная метаморфоза стоила душевной борьбы, тревогъ совѣсти, и всѣхъ менѣе—Заруцкому. 12-го ноября 1708 г. въ Глуховѣ, въ соборной церкви, въ присутствіи царя, вельможъ и новоизбраннаго гетмана Скоропадскаго, кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, въ сослуженіи съ другими архіереями, совершалъ обѣдню, молебенъ, а послѣ молебна торжественно провозглашена была анаѳема и вѣчное проклятіе вору и измѣннику Мазепѣ. Новго-

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, 821—822.

[2]) Лѣтопись Величка, III, 422.

родсѣверскій протопопъ Аѳанасій Заруцкій говорилъ при этомъ проповѣдь, въ которой пространно вспоминалъ прежде бывшихъ измѣнниковъ, краснорѣчиво изобразилъ измѣнническія дѣла Мазепы и оправдывалъ наложенное на него церковное проклятіе [1]). Проповѣдь, какъ видно, очень понравилась царю, потому что на другой же день выдана была проповѣднику слѣдующая грамота: „Пожаловали мы великій государь протопопа Аѳанасія Заруцкаго—повелѣли ему владѣть въ глуховскомъ уѣздѣ селцомъ Бѣлокопитовымъ, которое по указу отца нашего... дано отцу его, протопопу Алексѣю; да въ глуховскомъ же уѣздѣ грунтомъ и съ мельницею, на рѣкѣ Клевенѣ обрѣтающеюся, съ которой вмѣсто перевозу отъ проѣзжихъ торговыхъ людей збирать ему, протопопу, съ воза по двѣ денги; да въ новгородскомъ уѣздѣ слободкою Протопоповкою и Комаровкою съ прудами на рѣкѣ Смячѣ въ Мамѣкинѣ, въ Лютомъ, на Дубровкѣ, около Знобовки, Борщихою, Ожинками, Поножнимъ“ [2]). Собственно говоря, это было лишь царское подтвержденіе правъ Заруцкаго на такія земли, села и угодья, которыми онъ владѣлъ уже фактически, но вслѣдъ за тѣмъ кое-что было ему и вновь пожаловано: „Респектуючи (писалъ гетманъ Скоропадскій въ универсалѣ отъ 8 мая 1709 г.) на его, отца Заруцкого, протопопы новгородского, казнодѣйскія въ проповѣди слова Божого праци (труды), измѣнническую Быстрицкого слободу Ковпинку надалисьмо“ [3]).

Такъ исполнились наконецъ давнія желанія и мечты Заруцкаго: своими дарованіями онъ заслужилъ высокое вниманіе монарха и удостоился царской милости. Случись это двадцать лѣтъ назадъ, когда онъ пріѣзжалъ въ столицу, окрыляемый пылкимъ желаніемъ потрудиться „въ начертаніи книжномъ“, изъ него вышелъ бы плодовитый писатель; а теперь его молодость давно миновала, талантъ—если и былъ таковой—заглохъ безъ упражненія, писательская манера его сдѣлалась старомодной.

---

[1]) Чт. Моск. Общ. Исторіи и Древн., 1859 г., I, 181.

[2]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, 840.

[3]) Историко-Статистич. Описаніе Черниг. епархіи, архіеп. Филарета, книга 6-я, стр. 13—15.

Однако, по старой привычкѣ онъ и теперь задумалъ продолжить и поддержать царское къ себѣ благоволеніе именно литературнымъ трудомъ— и засѣлъ за работу. Цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ корпѣлъ надъ ней, и въ 1717 г. представилъ на царское воззрѣніе свою книгу съ витіеватымъ заглавіемъ: „*Хлѣбъ ангельскій, на крестномъ жертовницѣ испеченный*“. Это единственное дошедшее до насъ произведеніе пера Заруцкаго не было напечатано, но сохранилась подлинная рукопись, старательно исполненная, какъ кажется, рукою самаго автора и украшенная множествомъ рисунковъ и каллиграфическихъ орнаментовъ; она хранится въ С.-Петерб. духовной академіи. Объ этой книгѣ упоминалось многими изъ нашихъ библіографовъ [1]), но только не давно появилось въ трудѣ А. Родосскаго подробное ея описаніе, которымъ и мы пользуемся [2]).

„Хлѣбъ ангельскій“ есть не что иное, какъ богословское экзегетическое сочиненіе, заключающее въ себѣ толкованіе на евангеліе Іоанна; оно расположено по зачаламъ евангельскимъ: въ началѣ толкователь полагаетъ текстъ всего зачала, далѣе представляетъ главное содержаніе его (синопсисъ), за тѣмъ уже объясняетъ каждый стихъ. Объясненія его по преимуществу догматическаго характера, на основаніи толкованія отцевъ церкви; языкъ—тяжелый. Но цѣнность книги, по замыслу автора, заключалась не столько въ толкованіяхъ евангельскаго текста, сколько въ „дедикаціяхъ“, рисункахъ и виршахъ, какими онъ въ обиліи снабдилъ и украсилъ свой трудъ. Книга представляетъ рукопись въ листъ, на 775 листахъ, писанныхъ одною рукою полу-уставнымъ почеркомъ; переплетъ—крѣпкій кожаный, съ застежками; на исподней крышкѣ 4 мѣдныхъ жука. Заглавный листъ украшенъ изображеніями вверху Распятія, а по бокамъ—св. Іоанна Богослова и св. Аѳанасія Александрійскаго (очевидно, патрона автора); въ серединѣ помѣщено заглавіе (киноварью) въ 35 строкъ

---

[1]) Въ „Словарѣ“ митроп. Евгенія, I, 52; въ „Обзорѣ русск. дух. лит.“ преосвящ. Филарета, изд. 3-е, стр. 213; въ „Извѣстіяхъ“ Акад. Наукъ по отд. русск. яз., т. VI, вып. III, столб. 244; въ „Словарѣ“ Венгерова.

[2]) Описаніе 432-хъ рукописей С.-Петерб. дух. академіи, сост. А. Родосскій, 1893 г., № 57.

съ обозначеніемъ лицъ царской фамиліи, мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стеф. Яворскаго, кіевскаго митрополита (Іоасафа Кроковскаго), кіевскаго губернатора (князя Дм. Мих. Голицына), архіепископа черниговскаго и гетмана Скоропадскаго; внизу въ особой рамкѣ прописано: „Его царскому священнѣйшему величеству отъ церкве въ благочестіи сіяющей, трудолюбіемъ Аѳанасія Заруцкого, протопопы Новгородка Сѣверского, въ даръ принесенный, 1717". На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ Петръ I въ царской порфирѣ и съ андреевскимъ крестомъ; въ правой рукѣ у него мечъ, обвитый вѣтвью, а въ лѣвой держава; внизу слѣдующія вирши:

„Се образъ Царя Петра, Монархи Россійска
Славна, въ мирѣ прехвална, спразднителя Свійска [1]),
Иже турскихъ, татарскихъ странъ есть устрашитель,
Святоя въ Христа вѣры истинный блюститель.
Православію свято подъ симъ царемъ быти,
Царя Петра во вѣки достойно блажити.
Духъ Святый царя Петра главу осѣняе,
Онъ бо хулящыхъ крестну силу испразднѣе".

Лицевая сторона 2-го листа представляетъ изображеніе младшаго сына Петра 1-го, съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

„Петръ Петровичъ царевичъ з царскихъ нѣдръ рождае,
Духъ святъ споспѣшествуе, да преуспѣвае
Во крѣпости и силѣ въ царствѣ процвѣтати,
Въ родъ и родъ скипетръ царскій славно содержати".

На оборотѣ того же листа помѣщено изображеніе малолѣтняго внука Петра 1-го, также съ четверостишіемъ внизу:

„Петръ Алексіевичъ, внукъ царскій процвѣтае,
З прадѣда, з дѣда з ложеснъ родство царске мае;
По родствѣ царскомъ мужство имать прославляти,
Небо свыше скиптръ царскій обѣщае дати".

Съ 3-го по 18-й листы идутъ два предисловія или посвященія: одно царю Петру, другое митрополиту Стефану Яворскому. Въ первомъ изъ нихъ сочинитель, обращаясь къ лицу

[1]) Т. е. Шведовъ.

государя, говоритъ между прочимъ: „яко и ко мнѣ, рабу своему послѣднему, усты ко устомъ Ваше царское Священнѣйшее Величество провѣщевали милостиво монаршее свое слово“ [1]). Вѣроятно, Заруцкій удостоился личной бесѣды съ царемъ въ Глуховѣ, послѣ своей знаменитой проповѣди.

Среди текста посвященій въ рукописи опять продолжаются рисунки и вирши. На оборотѣ 11-го листа изображена царская фамилія: вверху—Петръ и Екатерина сидятъ на тронѣ; по бокамъ—царевичи: Алексѣй Петровичъ съ сыномъ и Петръ Петровичъ; между ними изображеніе Іоанна Богослова съ евангеліемъ въ рукахъ и церковью на головѣ; внизу слѣдующее восьмистишіе:

„Бозскій изволъ Царицу близъ Царя сажае,
Оба въ плоть едину Духъ Святый утверждае.
Лѣторасль царска окрестъ Царя предсѣдаютъ,
Царю, Царицѣ славы во вѣкъ умножаютъ.
Церковь Малороссійска Хлѣбъ ангельскъ дарствуе
Царскому Величеству, та же привѣтствуе:
Вивать Царю з Царицею на многіе лѣта!
Вивать з царскими сынми донѣлиже свѣта!“

На оборотѣ 13-го листа помѣщено изображеніе Стефана Яворскаго въ мантіи и съ посохомъ въ рукѣ; внизу четверостишіе:

„Ѳрону патріаршеска стражъ, блюститель росскій,
Митрополитъ рязанскій, сый Стефанъ Яворскій,
Даромъ Духа Святаго въ мудрость пребогатый,
З богословіи точитъ церкви потокъ златый“.

Съ 17-го листа начинается текстъ евангельскихъ толкованій, но рисунки все еще продолжаются, занимая лишь верхнія части страницъ; такъ, на 17 л. изображены пять вселенскихъ патріарховъ, а на 25 л. находится очень оригинальный рисунокъ, изображающій Бога Отца и Бога Сына (въ поясъ), а подъ

[1]) Заимствуемъ эту цитату изъ „Обзора русск. дух. лит.“ преосвящ. Филарета (изд. 1884 г., стр. 213); къ сожалѣнію, г. Родосскій въ своемъ „Описаніи“ не приводитъ выдержекъ изъ посвященій Заруцкаго, даже не передаетъ ихъ содержанія, между тѣмъ можно полагать, что въ нихъ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о личности автора.

ними двухъ царевичей съ надписью на полѣ: „Образъ Бога Отца и Бога Сына въ видѣ и образѣ царевѣ". Послѣ 45-го листа рисунки прекращаются, но для нихъ оставлены мѣста въ текстѣ. Листы въ рукописи — въ гранкахъ, съ особою графою сбоку, въ которой помѣщены разныя примѣчанія и цитаты; заглавіе и заглавныя буквы писаны киноварью.

Не знаемъ, была ли эта интересная рукопись поднесена царю лично авторомъ, или передана гетманомъ Скоропадскимъ, ѣздившимъ въ началѣ слѣдующаго года въ столицу, но отдаривать за нее сочинителя пришлось тому же гетману. Въ универсалѣ отъ 18 февраля 1718 года, выданномъ въ Москвѣ, Скоропадскій пишетъ: „Респектуючи на то, же (что) протопопъ Аѳанасій Заруцкій не тилько за достоинство царское у престола Божія при безкровныхъ офѣрахъ (жертвахъ) непрестаніе приноситъ моленія, лечъ (но) и на прославленіе превысочайшему его царскаго величества имени приписаніемъ конклюзіи многіе показалъ труды и знатное понесъ иждивеніе, надалемъ ему село Знобу з угодьями въ спокойное владѣніе [1]). Село это, принадлежавшее до того времени, кажется, новгородсѣверскому магистрату, какъ разъ прилегало къ владѣніямъ Заруцкаго, доставшимся ему за женой, и очевидно, было ему нужно для округленія границъ своихъ, теперь уже весьма значительныхъ маетностей. Въ гетманскомъ универсалѣ не приведено подлинное названіе книги Заруцкаго, а говорится лишь о какой-то „*конклюзіи*" съ прославленіемъ царскаго имени; но нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ именемъ разумѣется здѣсь посвятительная, собственно панегирическая часть сочиненія Заруцкаго, за которую только и было прилично наградить автора [2]).

Въ томъ же 1718 г. (21 марта) Аѳ. Заруцкій получилъ и царскую жалованную грамоту, по которой укрѣплялись за нимъ „въ вѣчное владѣніе" всѣ прежде пожалованныя ему и лично

---

[1]) Историко-Статист. Описаніе черниг. епархіи, преосвящ. Филарета, кн. 6-я, стр. 13—15.

[2]) Можетъ быть, что въ самой книгѣ посвященіе названо конклюзіей, хотя въ „Описаніи" г. Родосскаго объ этомъ не упоминается.

имъ пріобрѣтенныя села, земли и мельницы; въ числѣ ихъ упоминается и село Зноба, которое „гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадской, будучи въ Москвѣ, далъ ему, протопопу Аѳанасію, за труды ево въ составленіи печатной конклюзіи на прославленіе имени нашего царскаго величества [1]). Здѣсь, какъ видимъ, „конклюзія" Заруцкаго названа *печатной*; между тѣмъ ни въ одномъ изъ каталоговъ старопечатныхъ книгъ нѣтъ указанія на книгу „Хлѣбъ ангельскій", и всѣ библіографы, упоминающіе объ этомъ (единственномъ) сочиненіи Заруцкаго, ссылаются лишь на рукопись, хранящуюся въ библіотекѣ Петерб. духовной академіи, но никто не говоритъ о печатномъ ея изданіи. Для объясненія этого противорѣчія остается предположить, что подъ именемъ *конклюзіи* нужно въ данномъ случаѣ разумѣть что-нибудь въ родѣ позднѣйшихъ *тезисовъ*, представлявшихъ краткое резюме извѣстнаго сочиненія, написанное или напечатанное на отдѣльномъ листѣ. Такая „конклюзія" (печатная) была, вѣроятно, приложена и къ книгѣ Заруцкаго.

Кончину Заруцкаго относятъ къ 1720 году [2]). Онъ похороненъ въ Новгородсѣверскѣ, въ соборной успенской церкви, при которой священствовалъ; о мѣстѣ погребенія узнаемъ изъ завѣщанія его жены, умершей въ 1734 г. и завѣщавшей похоронить ее въ той же церкви, „при гробѣ отца и мужа" [3]).

Есть извѣстіе, что въ с. Протопоповкѣ (новгородсѣв. у.), основанномъ, какъ мы упоминали, самимъ Аѳ. Заруцкимъ, хранится и понынѣ въ церковномъ притворѣ писанный масляными красками, сильно потемнѣвшій отъ времени, портретъ его на этомъ портретѣ Заруцкій изображенъ во весь ростъ, въ рясѣ съ епитрахилью и съ крестомъ въ рукѣ. Тамъ же, среди старинной церковной утвари, сохраняется большая серебряная кружка, по преданію, подаренная ему царемъ Петромъ [4]).

---

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, 840.

[2]) Преосвящ. Филаретъ въ „Историко-Статист. Описаніи Черниг. Епархіи",

[3]) Записки Черниг. Статист. Комитета, 1868 г., статья А. Лазаревскаго о родѣ Валькевичей.

[4]) Историч. Вѣстникъ, 1895 г., декабрь, ст. С. Браиловскаго. Что касается пересказаннаго въ этой статьѣ преданія о какихъ-то важныхъ политическихъ услугахъ, оказанныхъ Заруцкимъ Петру I-му въ качествѣ „царева шпига", то мы

Изъ дѣтей Заруцкаго извѣстны: сынъ Андрей, бывшій священникомъ, и дочь Евфимія, въ замужествѣ Величковская, прославившаяся на всю Украину „пьянственнымъ и развратнымъ житіемъ", за что не разъ была судима въ консисторіи и наконецъ брошена мужемъ, женившимся на другой, за что пришлось ему претерпѣть великія злоключенія.

Вотъ и вся несложная біографія писателя, не оставившаго въ литературѣ никакого слѣда, а между тѣмъ добившагося именно путемъ сочинительства личной извѣстности гетманамъ, вельможамъ, даже государю, и составившаго тѣмъ же путемъ весьма значительное состояніе. Надо было обладать необыкновеннымъ талантомъ, чтобы написать такъ мало и получить за свой трудъ такъ много. Мы лишены возможности непосредственнаго знакомства съ произведеніями Заруцкаго въ полномъ ихъ объемѣ, но и по приведеннымъ выдержкамъ можно заключить, что его жалкое „риѳмичество" служитъ свидѣтельствомъ отсутствія въ немъ литературнаго дарованія. Своимъ ученымъ трудамъ онъ самъ не придавалъ серьезнаго значенія, ибо не позаботился объ ихъ изданіи, имѣя къ тому полную возможность: въ его время печать вовсе не была рѣдкостью въ Малороссіи, и не далѣе какъ въ Черниговѣ давно уже существовала типографія. Но дѣло въ томъ, что, при тогдашней дороговизнѣ печати и при отсутствіи широкаго рыночнаго сбыта ея издѣлій, къ услугамъ типографскаго станка прибѣгали или люди, смотрѣвшіе на литературный трудъ, какъ на серьезное служеніе церкви или обществу и потому не щадившіе средствъ на издательскіе расходы, или же, въ крайнемъ случаѣ, тщеславные писатели, искавшіе отъ сочинительства славы, извѣстности—но не прибытковъ. Аѳанасій Заруцкій не принадлежалъ ни къ той, ни

считаемъ его мало правдоподобнымъ. Видимо, среди потомковъ Заруцкаго сохранилась смутная память о томъ, что ихъ предокъ за что-то получилъ маетности по жалованью царя Петра; чтобы осмыслить это преданіе, и была придумана легенда, полная анахронизмовъ и историческихъ несообразностей.

къ другой категоріи: онъ смотрѣлъ на писательство лишь какъ на легчайшій для него путь добиться личной извѣстности и расположенія сильныхъ міра и извлечь изъ этого матеріальныя выгоды, и разъ ему удавалось достигать своей цѣли, онъ не былъ настолько тщеславенъ, чтобы тратиться на изданіе своего сочиненія, уже сослужившаго ему службу. Этому взгляду на литературный трудъ Заруцкій оставался вѣренъ до конца. Въ его лицѣ мы имѣемъ типичнаго представителя цѣлаго сонма тогдашнихъ писателей-карьеристовъ, литературныхъ искателей, своего рода „пресмыкающихся". Въ этомъ отношеніи личность Аѳанасія Заруцкаго только и заслуживаетъ вниманія историка.

Ор. Левицкій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирникъ Василій Морозъ родился въ д. Боковой, ананьевск. у. херсонской губ., приблизительно на 20 лѣтъ раньше освобожденія крестьянъ. Отецъ его былъ крѣпостнымъ г. Бокова и имѣлъ большую семью, хорошее хозяйство. Лѣтъ 8-ми Василій заболѣлъ оспою, послѣ которой лишился зрѣнія; но и слѣпому нашлась въ помѣщичьемъ дворѣ работа: на немъ лежала обязанность «пихать просо», т. е. дѣлать на ножной ступѣ пшено. Какой-то гость помѣщика посовѣтовалъ отдать Василія на обученіе какому-нибудь лирнику. И теперь еще Василій, при упоминаніи объ этомъ обстоятельствѣ, крестится и благодаритъ гостя помѣщика за то, что онъ далъ ему возможность честнымъ трудомъ добывать себѣ «шматокъ хлиба». Отвезли Василія учиться въ с. Коссы, подольской губ. балтскаго у. (?), къ лирнику Меѳодію Колесниченко. У Меѳодія въ то время было до 30 учениковъ разнаго возраста; во дворѣ была устроена большая изба-казарма, въ которой помѣщались ученики съ учителями, а содержатель школы Меѳодій жилъ съ семьею здѣсь-же, но въ отдѣльной хаткѣ. Старшіе, уже обученные Меѳодіемъ ученики, были учителями вновь поступающихъ; на двухъ учителей полагалось по пяти учениковъ, при чемъ учителя учили по очереди — недѣлю учитель занимается съ учениками, а недѣлю ходитъ по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ на заработки.

Затѣмъ уже сынъ Меѳодія отвозитъ домой пожертвованія, (главнымъ образомъ хлѣбъ), складываемый лирниками у довѣренныхъ людей.

Учениковъ обыкновенно отдавали Меѳодію на 6 лѣтъ, но «болванувати», т. е. неспособные, учились дольше, а «хытреньки» выучивались скорѣе и оставались до окончанія срока учителями и работниками у Меѳодія.

Впрочемъ, эти послѣдніе могли сдѣлаться самостоятельными лирниками, войдя въ соглашеніе съ хозяиномъ школы. Со смертію Меѳодія, еще до освобожденія крестьянъ, школа перестала существовать, и теперь Василій не знаетъ о существованіи гдѣ-нибудь подобной школы; теперь лирники имѣютъ обыкновенно только по одному, по два ученика. Теперь Морозъ живетъ въ м. Гуцуловой, ананьевск. у., съ семьею, которая занимается хлѣбопашествомъ.

Репертуаръ у него не большой, но поетъ онъ очень хорошо, а играетъ на самодѣльной лирѣ прекрасно, особенно «до танцю» козачки, «валець», польку.

Такъ какъ всѣ пѣснопѣнія его ничѣмъ не отличаются отъ псальмовъ Евдокима Мокровоза, помѣщенныхъ въ «Кіевск. Стар.» за 1894 г. № 9, то я привожу здѣсь только тѣ, которыя разнятся, а также и отсутствующія у Мокровоза.

«*Про Почаевську Божу Матиръ*» Морозъ поетъ точно такъ, какъ этотъ «псальмъ» помѣщенъ въ зборникѣ Н. В. Лысенко (I-й выпускъ).

«*Про панщыну*» мнѣ не удалось записать всѣхъ «пунктивъ», т. е. куплетовъ, не смотря на всѣ мои старанія.

Морозъ упорно отказывался ихъ пѣть, особенно тогда, когда узналъ, что я записываю.

1.

Охъ и горе, горе
На симъ свити жыты,
Не дай Богъ болѣзни,
Буде Богъ судыты.
Якъ чоловикъ здоровъ,
То всякъ его любытъ,
Пры лыхій годыни,
Родына отступытъ.
Кого Господь любытъ,
Того навиждае,
За отца за матиръ
Сынъ Божій карае.
Есть маты болезна
Диты годувала[1]),
Якъ погодувала,
То шаны не мала.

[1]) Или: (Зъ жалю умливае)
(Надъ своимы дитьмы)
(Та кровъ проливае).

Бо якъ тяжко, важко
Каминя лупаты,
А ще гирше тяжко
Диты годуваты.
Якъ каминь лупаты,
Можно видпочыты,
Диты годуваты
Горе въ свити жыты!
Якъ диты малыи
Отця матиръ знають,
Якъ повыростають,
Ни за що не мають.

2.

Теперъ же правды,
Въ свити не зискаты,
Тилько въ свити правды,
Що отець та маты.
Теперь уже правда,
У свити умерла,
А тая неправда
Увесь свитъ зажерла
Теперынькы правда,
Сыдыть у темныци,
А тая неправда,
Що дня у свитлыци.
Бо вже кинець свита
Ой вже прыблыжыся
Хоть рыдного брата
Теперь стережыся.
Теперъ братъ на брата
Здоровля чатуе,
А сестра на сестру
Все чары готуе.
Сосидъ изъ сосидомъ
Не по правди жые,
Бо сосидъ сосиди
Непрыязнь готуе.
Колыбъ мигъ его
Хоть четь заметыты,
Въ нещастя въ неславу,
Его провадыты.
Передъ временъ вику
Такее повстане,
Що жадныи души
На свити не стане.

Бо зарвутця витры
Та барзо буйныи
Позрывають горы
Хоць яки крутыи.
Вдарять посухы
Барзо сухыи
Тай высохнутъ рики
Хоць яки быстрыи.
Ты, гришныку лютый,
Вдайся до покуты,
Перестань гришыты,
Можешъ въ царстви жыты.

3.

Зашумилы лугы,
Забренилы рикы,
Помре отець маты 2
Сироты на викы. 2.
Котріи велыки
Ти пидутъ служыты,
Котріи маленьки 2
Ти будутъ бидыты. 2.
Нещасна годына
На свити настала
Не одна дытына 2.
Безъ мамы зистала. 2.
Охъ пишла сыритка
По свити блукаты
А своеи мамы 2
Ридноп шукаты. 2
Зостривъ іи Господь,
Тай почавъ пытаты,
Куды йдешъ, сыритко, 2
Йду мамы шукаты. 2.
Вернысь, сыротыно,
Ты далеко зайдешъ,
Вжежъ ты свои мамы 2
Та повикъ не найдешъ. 2.
Охъ бо твоя маты
На высокій го́ри
А вже іи тило 2
Спочывае въ гроби 2.
Ой прыйшла сыритка,
Тай плаче на гроби:
Серце-жъ мое мамо 2
Прыймить мене къ соби 2.

Рада-бъ я, сыритко,
До себе прияты,
Насыпалы земли, 2
Не можу пидняты 2.
Насыпалы земли,
Що вже я не встану
Заслонылы очи 2
Вже на свитъ не гляну 2.
Пишлабъ ты, сыритко,
Мачуси вклонылась,
Чы не змылуется
Хочь головку змыты.
Чы не обдумается
Хочь рубашку сшыты.
Ище злая мачуха
Головки не змыла,
Нещасну сыритку 2
На смерть спорядыла. 2.
Взялы сыритку
Миждо вси святыи,
За провыну мачуху 2
Миждо проклятыи 2.
Сказала мачуха
Якъ бы я була знала,
То я бъ ти сироты 2
По свити збырала 2.
Рече Господь
На що тоби, мачухо,
Сироты збырать,
Вручывъ Господь, 2
Було бъ шануваты 2.
Було бъ научаты,
Бо тыжъ называлась 2
Такъ якъ ридна маты 2.
Ой прыйде той часъ
И тая годына,
Що не порятуе 2
Въ нещасти родына 2.
Охъ якъ прыйде той часъ
Страшный судъ наступытъ
А хто добре вчыне, 2
Царствія доступытъ 2.

4.

Ой летила зазуленька
Черезъ горы—села

Чогось наша громадонька 2
Смутна невесела 2.
Ой летила зозуленька
Тай стала кувати
Ой сходьтеся, громадочко, 2
Щось буду казати 2.
Щось буду казати,
Буду говорыти,
Не будете, добри люде, 2
Панщыны робыти 2.
Ой настане, громадочко
Въ свити прекохана,
Сами соби зроблять 2
Изъ Ивана пана 2.
Тай будуть казати
И приповидати,
Що передъ панами 2
Шапокъ не здіймати 2.
Ой на яру посмитюха
Та стала тай кпытця,
Идуть паны комысары 2
Тай сталы дывытця 2.
Ходимо мы, пане брате,
Тую птыцю быты,
Нехай вона перестане 2
Изъ насъ панивъ кпытця 2.
Я кпылася, кпылася
И кпытыся буду,
Миждо вамы 2
Хтось робытъ облуду! 2
Ой летила дыка качка,
Впала въ очерети,
Утикала панщынонька 2
Видъ панивъ въ верети 2.
Не сама вона втикала,
Громадочка гнала,
Соломляный капелюшокъ
На головку вбрала,
А сиренькую свытыну
На спыну вдягала.

*
* *

Выйшла, выйшла стара пани
На затыльни двери
Ой вернися панщыноньку 2
Хоть нами до вечери! 2

Не вернуся, не вернуся
Немае до кого,
Я служыла, заробляла 2
Нагнивъ по много.

***

Ой не буде осаула
Пидъ викна гукаты
Бо не буде мужыкивъ 2
Рано избужаты. 2
Мужыцькыи хлопци
Теперь вже не быти,
Воны ходятъ по пидъ коршмы 2
Якъ-бы де напыты. 2
Мужыцькая дивка,
Якъ та (рожева) била квитка,
Вона ходыть поглядае, 2
Якъ ясная зирка 2
Ой надине теперь панъ
Билую манышку,
Тай нею гордуе,
Иде мужыкъ на базарь
Тай соби купуе.
Ой теперь паньська нагаечка
Высыть на гыляци
Выбачайте, добри люде, 2
Бо панщина въ с...! 2

5.

Про Хайку.

Ой у поли, поли
У чыстій диброви
Ой вей, виръ бомъ, бомъ
Виръ бомъ, виръ бомъ
Виръ бомъ, бомъ.
Новая корчомка
Муромъ мурована
Ой вей...
и т. д.
Муромъ мурована
Билемъ билевана.
Ой вей...
и т. д.

А въ тій корчомці
Жыдивочка Хайка
Ой ней...
Жыдивочка Хайка
Выномъ торгувала
Ой вей...
Выномъ торгувала
Набиръ роздавала.
Ой вей...
А въ тій корчомци
Пылы тры молодци.
Ой вей...
Пыды воны, пылы,
Грошей не платылы.
Ой вей...
Грошей не платылы,
Все Хаю манылы.
Ой вей...
Мандруй-же, ты Хаю,
Мандруй-же ты зъ намы
Ой вей...
Буде тоби лучче
Нижъ въ рыднои мамы.
Ой вей...
Прыжайте, хлопци,
У суботу вранци,
Будутъ жыды въ школи,
Хайка на выбори.
Ой вей...
Прыхалы хлопци
Трома повозкамы
Ой вей...
На одну повозку
Пырыны зъ пухамы
На другу повозку
Сундукы зъ грошыма
Ой вей...
На третю повозку
Сама Хая сида.
Ой вей...
Поижайте, хлопци,
Бытымы шляхамы,
Бытымы шляхамы
На быту дорижку
Ой вей...

На быту дорижку
Не дожене Ицько,
Не дожене Мошко
Ой вей...
Ой привезлы Хаю
Къ быстрому Дунаю
Ой вей...
Ой взялы Хаю
За рукы за ногы
Укынулы Хаю
У Дунай глыбокый
Ой вей...
Нехай твои рукы
Та зъидятъ гадюкы,
Нехай твои ногы
Та зъидятъ стоногы
Ой вей...
Нехай твои цыци
Та зъидятъ блощыци
Ой вей...

Сообщилъ **Е. Чикаленко.**

Записка о состояніи Подоліи въ 1843 году. Слѣдующій документъ отысканъ мною среди кучи стараго рукописнаго хлама у одного изъ евреевъ-антикваріевъ во Львовѣ. Это небольшая тетрадь въ листъ сѣрой писчей бумаги, состоящая изъ 16-ти страницъ, исписанныхъ красивымъ почеркомъ. Первая страница раздѣлена вдоль на два пальца, но на правой половинѣ имѣется только заглавіе документа; прочія страницы написаны спѣшно, безъ оставленія полей.

Рукопись эта—по всей вѣроятности черновая или современная копія записки, поданной въ 1843 году Императору Николаю Павловичу подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ о состояніи ввѣреннаго ему края и заключаетъ любопытныя свѣдѣнія о бытѣ крестьянъ, городовъ, евреевъ и дворянъ этого края, о планахъ правительства на счетъ просвѣщенія и управленія страной, поднесенія ея благосостоянія, торговли и промышленности. Особенно интересны соображенія автора записки о «западномъ» вліяніи, обнаруживающіе въ немъ поклонника русской или культурной «самобытности.» Не менѣе интересно извѣстіе о стремленіи шляхтичей—однодворцевъ къ

переселенію въ екатеринославскую губ. Донесеніе о чрезвычайно частыхъ самоубійствахъ, особенно среди помѣщичьихъ крестьянъ, освѣжаетъ въ нашей памяти ужасы крѣпостничества, среди которыхъ выросталъ не задолго до того времени Т. Г. Шевченко. Какъ видимъ, записка, хотя и составлена въ довольно общихъ выраженіяхъ, не приводитъ никакихъ частныхъ случаевъ, фамилій, но все же богата содержаніемъ и заслуживаетъ нѣкотораго вниманія при изученіи данной эпохи.

Въ запискѣ не выставлено ни года, ни фамиліи губернатора; только изъ ея содержанія мы убѣждаемся, что она составлена въ 1843 году. Списокъ нашъ при всей тщательности переписки не свободенъ отъ погрѣшностей, кромѣ нѣсколько устарѣлаго правописанія; нѣкоторыя погрѣшности въ самой рукописи исправлены другимъ почеркомъ и другими чернилами.

Миронъ.

Записка исправляющаго должность военнаго губернатора города Каменца и Подольскаго Гражданскаго Губернатора о состояніи Губерніи.

Страна, управленіе коею, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, ввѣрено мнѣ, представляетъ въ себѣ важнѣйшій и любопытнѣйшій предметъ для наблюденія.

Страну эту населяютъ полтора милліона жителей обоего пола. Природа щедро надѣлила ее многоразличными своими богатствами. Особенно земледѣліе, составляющее [1]) главную вѣтвь внутренней дѣятельности народа, съ избыткомъ здѣсь оплодотворяется. При всемъ томъ она не въ цвѣтущемъ состояніи.

Предместники (sic!) мои не разъ уже выражали мысли свои по этому предмету во всеподданнѣйшихъ отчетахъ. Они приписывали такое состояніе губерніи недостатку собственныхъ потребностей, неименію (sic!) удобныхъ пунктовъ и путей сообщенія для сбыта произведеній и отсутствію мѣстной промышленности. Я вполнѣ раздѣляю эти мысли, но вникнувъ со всею тщательностію въ столь важный предметъ, болѣе и болѣе убѣждаюсь, что означенныя причины второстепенныя и что главною причиною непроцвѣтанія губерніи служатъ несчастныя обстоятельства этого края, которыя предшествовали возвращенію его подъ благодѣтельную державу монарховъ россійскихъ.

---

[1]) Въ пис. ошибочно „составляющую.“

Съ XIV вѣка край этотъ былъ поприщемъ безпрерывныхъ смутъ: вторженія Литвы, анархія поляковъ, хищничество татаръ и турокъ, гоненіе на православную вѣру, возстанія, никогда почти не давали покоя жителямъ, постоянно препятствовали развитію внутренняго благосостоянія, и тогда какъ другія области нашего отечества быстрѣе достигали цѣли нынѣшняго ихъ значенія, Подолье закоснѣло въ злополучіяхъ и переродилось подъ вліяніемъ чуждаго духа. Правда, что въ этомъ перерожденіи не открылось новой самобытности, но между тѣмъ вліяніе протекшаго времени на долго и на всемъ составило (sic!) свой отпечатокъ. Вотъ уже полъ вѣка, какъ здѣшній край воссоединенъ къ намъ; однакожъ до сего времени нѣтъ въ немъ единства; еще броженіе разныхъ елементовъ сильно—отъ того при всѣхъ естественныхъ богатствахъ края главные двигатели, ведущіе къ полному благосостоянію,—мѣстная промышленность, мѣстное потребленіе еще слабы. Удобнѣйшіе пункты и пути сообщенія для сбыта произведеній [1]), безъ сомненія (sic!) сами собою открылись бы, если бы только промышленность возвысилась. Въ такомъ положеніи края желательно одно—благопріятнѣйшая будущность. Мудрыя предначертанія Вашего Императорскаго Величества въ отношеніи здѣшняго края, обезпечивая жителямъ его вѣрнѣйшее спокойствіе, возстановляя здѣсь русскую народность, могутъ быть порукою, что эта будущность недалека.

Предмѣстники мои столько разъ столь подробно описывали нравственность жителей Подолья въ представленныхъ Вашему Императорскому Величеству отчетахъ, что мнѣ остается упомянуть единственно объ измѣненіяхъ, происшедшихъ отъ мѣръ правительства. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, первое мѣсто занимаютъ дворяне. На нихъ болѣе всѣхъ сословій отражается вліяніе послѣдняго владычества. Въ нихъ только проявляется духъ Польши. Нельзя сказать, чтобы образъ ихъ мыслей былъ исключительно въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ они живутъ тихо. Но преимущество ихъ предъ прочими сословіями состоитъ въ томъ, что они владѣютъ недвижимыми населенными имѣніями. Но и это преимущество теперь безсильно, потому что крестьяне ихъ исповѣдуютъ православную вѣру, говорятъ русскимъ языкомъ и преданы теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, русскому правительству. Къ тому же духовенство наше взяло важный перевесъ (sic!) надъ духовенствомъ римско-католическимъ,

[1]) Въ ошибочно „сообщенія“ и „произведенія.“

которое, хотя недовольно отобраніемъ бывшихъ въ его пользованіи недвижимыхъ имѣній, однако видя свое безсиліе, покоряется этой необходимости. Оно требуетъ еще ближайшаго надзора, и я не упускаю никакого къ тому случая. Впрочемъ, политическое состояніе края, кажется, не представляетъ въ настоящее время, никакихъ опасеній. Духовенство наше подъ наблюденіемъ дѣятельнаго своего пастыря преуспѣваетъ въ распространеніи господствующаго исповѣданія. Болѣе двухъ лѣтъ ежетретныя (sic!) вѣдомости указываютъ, что сотни иновѣрныхъ принимаютъ православіе по одному внутреннему убѣжденію о преимуществѣ нашей вѣры, и внушенія этого убѣжденія слѣдуетъ приписать одному духовенству.

Купцы по прежнему, почти всѣ евреи, занимаются незначительными только подрядами и перекупами. Вся мѣстная торговля въ ихъ рукахъ, и потому они препятствуютъ русскимъ развить ее на правильныхъ основаніяхъ. Другой уже годъ проходитъ со времени обнародованія Высочайшаго Указа Вашего Императорскаго Величества отъ 24-го декабря 1841 года о представленіи русскимъ льготъ при переселеніи въ здѣшній край, но еще не пожелалъ никто воспользоваться этимъ преимуществомъ. Совмѣстничество съ евреями, которыхъ число здѣсь весьма велико, а козни еще больше, отнимаетъ у русскихъ охоту рисковать своими капиталами въ новомъ для нихъ краѣ.

Мещане (sic!) по прежнему не отличаются ни въ ремеслахъ, ни въ торговой промышленности, но христіане по крайней мѣрѣ начинаютъ отвыкать отъ общей страсти къ нетрезвой жизни, чему немало содѣйствуетъ возвышеніе цѣнъ на горячіе напитки на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1842 г. Что касается мѣщанъ евреевъ, то все (sic!) мѣры мѣстнаго начальства объ исправленіи нравственнаго состоянія этого племени безуспѣшны; отклонить ихъ отъ всевозможныхъ пороковъ, заставить исполнять точно государственныя повинности столь же трудно, какъ и вовсе искоренить ихъ.

Состояніе однодворцевъ вскорѣ должно улучшиться новою переписью: отъ приведенія въ извѣстность дѣйствительнаго ихъ числа облегчится бремя, тяготящее теперь на тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на лицо и должны платить подымный сборъ и отдавать людей въ военную службу не только за себя, но и за отсутствующихъ или неправильно внесенныхъ въ первую перепись, но оказавшихся послѣ принадлежащими къ другимъ сословіямъ. Впрочемъ, многіе изъ

однодворцевъ охотно переселяются въ екатеринославскую губернію. Они большею частію принадлежатъ къ польскому населенію, и это можетъ служить новымъ фактомъ, какъ съ одной стороны довѣріе къ русскому правительству усиливается и какъ съ другой стороны вліяніе польскихъ дворянъ, опиравшихся на мелкой шляхтѣ, нынѣшнихъ однодворцахъ, слабѣетъ.

Крестьяне болѣе и болѣе достигаютъ благосостоянія, что должно отнести къ попечительности новаго управленія. Крестьяне помѣщичьи не вышли еще изъ грубаго состоянія; но по крайней мѣрѣ при постоянной бдительности мѣстнаго начальства не испытываютъ уже отъ своихъ владѣльцевъ тѣхъ притѣсненій, которыя прежде, при отсутствіи иныхъ понятій о религіи и нравственности, не дозволяли имъ возвыситься до того состоянія, въ коемъ Вашему Императорскому Величеству желательно видѣть своихъ подданныхъ, даже находящихся на послѣдней степени въ ряду сословій государства.

Народная нравственность вообще опредѣляется числомъ и качествомъ преступленій. Въ этомъ отношеніи наблюденія мои открыли слѣдующіе результаты. Преступленія, нарушающія общественное спокойствіе и безопасность, здѣсь рѣдки. Но зато преобладаютъ слишкомъ сильно пороки, нарушающіе права собственности, и пороки, вредящіе самимъ совершителямъ ихъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ частыя воровства, къ числу послѣднихъ—пьянство и порождаемыя имъ покушенія на собственную жизнь. Тѣ и другія, какъ обыкновенно, проявляются въ низшемъ классѣ народонаселенія. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе самоубійства. Изъ двухнедѣльныхъ вѣдомостей о происшествіяхъ Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что нѣтъ почти дня, въ которомъ бы не было въ губерніи самоубійства, особенно между помѣщичьими крестьянами. При постоянныхъ мѣрахъ правительства, открывающихъ, что зло это происходитъ не рѣдко отъ притесненій (sic!) помѣщиковъ и наиболѣе отъ недостатка попечительности ихъ о своихъ крестьянахъ, можно надѣяться, что оно уменьшиться (sic!).

Утѣшительную надежду какъ въ семъ отношеніи, такъ и вообще представляетъ образованіе юношества въ духѣ русскомъ. Заимствованныя родителями отъ запада начала часто ложнаго ученія уступаютъ прочному воспитанію дѣтей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Настало уже время, въ которомъ сыновья дворянъ не соглашаются въ образѣ мыслей съ своими отцами, и отцы убѣждаются въ истинѣ; послѣдствія этой перемены (sic!) будутъ благодѣтельны

Желательно для ускоренія ихъ сколь можно поощрять и возвышать растущее поколеніе (sic!), которое образованіемъ своимъ связываетъ крѣпче недавно возвращенный край. Въ особенности было бы это полезно въ отношеніи молодыхъ людей, оканчивающихъ воспитаніе въ университетахъ. Между тѣмъ и въ другихъ сословіяхъ народное просвѣщеніе довольно быстро распространяется. Но ощутителенъ недостатокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ болѣе, что средства средняго класса жителей дѣлаютъ недоступными высшія заведенія. Еслибы можно было учредить болѣе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ разныхъ пунктахъ губерніи, то это принесло бы величайшую пользу, ускоряя обрусѣніе края и проливая свѣтъ на низшіе слои общества. Я уже коснулся отчасти этого предмета во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, вмѣстѣ съ симъ подносимомъ, здѣсь присовокупляю, что означенными пунктами могли бы быть для уѣздныхъ училищъ города: Винница, изъ коего переводится гимназія въ другое мѣсто, Летичевъ, Балта и Могилевъ, для приходскихъ училищъ всѣ прочіе уѣздные города, кромѣ Проскурова и Брацлава, въ уѣздахъ коихъ есть уже подобныя заведенія.

При общемъ взглядѣ на разныя части ввѣреннаго управленію моему края разительную черту представляютъ города. Внутреннѣе (sic!) и внѣшнѣе (sic!) состояніе ихъ такъ жалко, что не можетъ не обращать на себя вниманія, не вести къ соображеніямъ объ улучшеніи ихъ. Общія причины такого состоянія городовъ упомянуты уже выше. Но въ частности, кажется, можно безошибочно сказать, что тамъ, гдѣ найболѣе сосредоточивается внутренняя дѣятельность, другія обстоятельства должны имѣть мѣсто. Ближайшее удостовѣреніе убѣждаетъ, что онѣ заключаются въ шаткомъ управленіи городскими сословіями и доходами городовъ. И въ самомъ дѣлѣ. Думы, магистраты и ратуши здѣшней губерніи составлены изъ самыхъ необразованныхъ, даже неграмотныхъ людей. При ревизіи я имѣлъ весьма многіе случаи удостовѣриться, что люди эти рѣшительно не понимаютъ своихъ обязанностей. Все основаніе въ означенныхъ присутственныхъ мѣстахъ лежитъ на секретаряхъ, но и тѣ или неопытны, или ненадежны, а главное, не имѣютъ своего голоса. Городскія земли отдаются въ содержаніе лицъ по произволу тѣхъ, кто умѣетъ извлекать свою пользу изъ невѣжества членовъ. Другія статьи доходовъ остаются безъ надлежащаго надзора. Объ увеличеніи ихъ нечего и говорить. Тоже бросается въ глаза по устройству городскихъ зданій вообще по внешнему (sic!) виду городовъ. Торговая полиція, реме-

сленныя управленія, общественные сборы, исполненіе городскими сословіями разныхъ повинностей не представляютъ никакого порядка, часто обнаруживаютъ злоупотребленія. Между тѣмъ близкое сосѣдство съ союзною державою, по слухамъ, даетъ пріѣзжающимъ сюда иностранцамъ болѣе или менѣе справедливый поводъ выводить невыгодныя заключенія о общемъ благоустройствѣ края потому только, что города, представители провинціи, не возрастаютъ. И все это, какъ я осмѣлился уже сказать, происходитъ отъ несоотвѣтственнаго мѣстнымъ потребностямъ состава думъ, магистратовъ и ратушъ. Чтобы прекратить это, по моему мнѣнію, нѣтъ иного средства, какъ только усилить составъ сихъ мѣстъ коронными чиновниками, возложивъ на ихъ обязанность и отвѣтственность преимущественно завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Назначеніе по одному такому чиновнику съ правами чина, съ небольшимъ жалованьемъ несомненно (sic!) принесетъ большую пользу и много будетъ содѣйствовать возвышенію благоустройства городовъ. Я уже представилъ подробнѣйшія соображенія по сему предмету генералъ губернатору.

Въ числѣ городовъ заштатные города Старая Ушица и Сальница не обѣщаютъ никакой надежды, чтобы когда-нибудь достигли надлежащаго устройства. Они теперь не что иное, какъ деревни и то въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Нѣтъ въ нихъ, особенно въ Сальницѣ, никакой торговли или другаго рода промышленности. Между тѣмъ они имѣютъ довольно много земли, а въ Ушицѣ и другія обратныя статьи. На счетъ завѣдыванія этими статьями преимущественно должно сказать то, что уже замѣчено мною выше въ описаніи думъ и ратушъ. Здѣсь мѣста эти рѣшительно безполезны. Я осмѣливаюсь полагать, что въ такомъ положеніи и существованіе ихъ ненужно. Если бы ратуши въ городахъ Сальницѣ и Старой Ушицѣ были упразднены, мѣщане оныхъ были подчинены общему завѣдыванію подобныхъ мѣстъ въ уѣздныхъ городахъ, а статьи городскихъ доходовъ были подъ надзоромъ Государственныхъ Имуществъ, отдавались въ содержаніе съ публичныхъ торговъ и поступали въ кассу доходовъ уѣздныхъ городовъ, то это много могло бы содѣйствовать улучшенію состоянія послѣднихъ, безъ всякой обиды для первыхъ, потому что тѣ никогда не могутъ возвыситься. Объ этомъ внесено отъ меня представленіе генералъ губернатору.

Не могу пройти молчаніемъ еще одной частности, которая затрудняетъ губернское начальство: это недоимки. Въ отношеніи мѣ-

щанъ, казенныхъ крестьянъ, гражданъ и однодворцевъ установленныя законами мѣры, основанныя на правилахъ взаимнаго обезпеченія пока хоть съ трудомъ достигаютъ цѣли. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ этотъ предметъ требуетъ новаго соображенія. Изъ частныхъ примѣровъ оказывается, что въ сихъ имѣніяхъ, при отдачѣ ихъ въ опеку за недоимки, недоимки не только не пополняются, но еще болѣе копятся. Причиною тому—неудобства въ назначеніи къ нимъ опекуновъ: многіе дворяне не соглашаются быть опекунами, а на принужденіе ихъ нѣтъ положительныхъ правилъ; другіе, соглашаясь, безпечно завѣдываютъ такими имѣніями, иные позволяютъ себѣ подъ своимъ именемъ закрывать казенныхъ должниковъ, представляя въ полное ихъ распоряженіе имѣнія, поступившія въ опеку. Переписка объ избраніи опекуновъ, повѣрка ихъ дѣйствій, разсмотрѣніе отчетовъ поглащаютъ напрасно время. Между тѣмъ недоимки не очищаются. Для отвращенія этого представляется полезнымъ подобныя имѣнія вмѣсто опеки отдавать въ арендное содержаніе съ публичныхъ торговъ, смотря по количеству недоимковъ на три года и болѣе. По сему предмету и также сдѣлалъ представленіе генералъ губернатору.

Повергая все это на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотреніе, долгомъ считаю присовокупить, что всѣ силы мои устремлены къ тому, чтобы вверенное (sic!) мнѣ Вашимъ Величествомъ управленіе болѣе и болѣе улучшалось. Исполненіе ожиданій Вашего Величества составляетъ единственную всегдашнюю цѣль моихъ дѣйствій, моего рвенія. Если цѣль эта еще не такъ близка, да будетъ мнѣ оправданіемъ въ великодушномъ снисхожденіи Вашего Величества недавнее управленіе столь многозаботливымъ краемъ.

Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. Въ первомъ томѣ недавно изданной «Переписки П. А. Плетнева съ Я. К. Гротомъ» (Спб. 1896. 8°), между множествомъ интересныхъ свѣдѣній о русской литературѣ начала сороковыхъ годовъ, находится немало извѣстій и о Квиткѣ-Основьяненкѣ, какъ сотрудникѣ Современника, влачившаго въ это время, подъ редакціей Плетнева, бѣдное свое существованіе. Эти извѣстія, какъ дополненіе къ литературной біографіи Квитки, приводимъ здѣсь.

1840 г. 24 сент. Возвратясь домой, нашелъ у себя письмо отъ Квитки. На будущій годъ онъ отказывается отъ поставки повѣстей

въ Современникъ, потому что дворянство, при выборахъ, намѣрено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мнѣ будетъ и дѣлать безъ него. Откуда взять повѣстей?... Но вотъ что досаднѣе: Квитка у меня проситъ позволенія напечатать въ Маякѣ отрывки изъ своего новаго романа: «Маякъ де исправно платитъ, а деньги вещь хорошая!» Какъ это вамъ покажется?

— *4 окт.* Государыня любитъ читать Квитку, только сожалѣетъ, что много мудреныхъ словъ.

— *8 окт.* Квиткѣ я написалъ, что онъ можетъ дать въ Маякъ все, что хочетъ, но я отказываюсь быть посредникомъ и отослалъ его въ типографію Фишера, гдѣ лежатъ оригиналы Халявскаго и Столбикова (новый романъ его). Отъ Современника не откажусь (т. е. не перестану его издавать) и безъ Квитки.

— *8 ноября.* Я получилъ письмо отъ Квитки съ III-ю частью «Столбикова» (романъ его). Кажется, мои отзывы на счетъ журнальной братіи подѣйствовали на него. Онъ навсегда и рѣшительно отказался отъ всякаго сношенія съ этими господами, желая видѣть себя или въ отдѣльномъ изданіи, или въ Современникѣ. Впрочемъ, избранный въ предсѣдатели уголовной палаты, онъ не можетъ писать много.

— *13 ноября.* У великой княжны Ольги Николаевны читалъ прелестную «Ярмарку» Квитки [1]).

— *19 ноября.* Чтеніе «Ярмарки» у в. кн. Ольги Николаевны. Тутъ присутствовала и Государыня. Я ее смѣшилъ, разсказывая про Квитку, какъ онъ окривѣлъ (ему нянька вздумала выдавить ячмень на глазу); какъ заставили его отказаться отъ 1.000 душъ крестьянъ въ пользу старшаго брата, который продулъ обѣ тысячи; какъ съ горя кривой пошелъ въ монахи и, какъ послушникъ, принужденъ былъ привезти монастырскія бочки на рынокъ для продажи; какъ его всѣ узнали и заукали, (sic) а онъ со стыда бросилъ бочки и монастырь; какъ онъ основалъ Харьковскій дѣвичій институтъ и женился на классной его дамѣ и проч. Чтеніе шло очень весело.

— *19 ноября.* Этотъ день началъ я чтеніемъ съ великой княжной Ольгой Николаевной не въ ея комнатѣ, а въ императрицыной, которая желала слушать ярмарку.

— *10 декабря.* Вторникъ. Кончилъ чтеніе «Ярмарки». Государыня была очень довольна. Я спросилъ читала ли она «Марусю». И когда

---

[1]) Плетневъ преподавалъ въ это время великой княжнѣ русскую словесность.

узналъ, что нѣтъ, то предложилъ со слѣдующаго раза ею заняться. Мнѣ хочется разнѣжить ея вкусъ чтеніемъ русскихъ книгъ и сдѣлать для нея выборъ изъ всего, что у насъ есть лучшаго.

— *17 декабря.* Гоголь не печатаетъ совсѣмъ не потому, что не увѣренъ въ сбытѣ или не догадается на это пуститься, а потому, что онъ упрямъ, какъ малороссійскій быкъ и самолюбивъ, яко сатана. Ему померещилось, что для довершенія славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вотъ онъ и умираетъ съ голоду, а *черезъ законъ свой* не переступаетъ подобно Матренѣ Семеновнѣ въ «Ярмаркѣ».—У великой княжны Ольги Николаевны, гдѣ присутствовала императрица, началъ чтеніе «Маруси».

— *25 декабря.* Выписка изъ письма великой княгини Маріи Николаевны, изъ Мюнхена: «Читала я съ истиннымъ наслажденіемъ повѣсть «Панна Сотниковна». Какъ это мило, просто, трогательно разсказано. Ну ужъ—ура Основьяненко.—Другая повѣсть Основьяненки—«Ложныя Понятія» едва ли не лучше первой. Я смѣялась во все горло».

1841 г., 18 февраля. Мнѣ очень странно, но вы нашли толкъ въ критикѣ Сенковскаго на Квитку. Я еще прощаю Сенковскому, что онъ не смыслитъ различить въ авторѣ слогъ отъ языка. Но какъ же увѣрять, что черты смѣшного потому не смѣшны, что ихъ авторъ подмѣтилъ не въ столицѣ, а въ провинціи? Что касается до вашего замѣчанія, будто Квитка позволяетъ себѣ многое въ письмѣ, чего и въ разговорѣ не всегда удается слышать, то вы говорите, о Квиткѣ, какъ объ авторѣ журнальной статьи. А онъ написалъ огромныхъ двѣнадцать томовъ и въ нихъ не отъ себя говоритъ, а заставляетъ дѣйствовать другія лица. Какъ же вамъ не стыдно подмѣчать въ немъ то, о чемъ и не говорится при оцѣнкѣ столь оригинальнаго и неистощимаго писателя? Если онъ создалъ столько сценъ, если онъ раскрылъ передъ нами столько разнообразныхъ, незаимствованныхъ, самыхъ неподдѣльныхъ красотъ въ жизни человѣка и въ его душѣ,—тамъ можно ли критиковать, зачѣмъ онъ въ одной повѣсти началъ фразу словомъ *тьфу*! Вѣдь вы знаете причину, по которой Сенковскій напалъ съ такимъ остервененіемъ на Квитку. Во 1-хъ, что Квитка со мной друженъ. А этого для Сенковскаго достаточно, чтобы ругать автора. Такъ онъ ругалъ «Исторію» Ал. Ос. (Ишимовой); во 2-хъ, Квитка никому не посылаетъ повѣстей, кромѣ редактора Современника; въ 3-хъ, Сенковскій ду-

маетъ, что въ «Званныхъ Гостяхъ» Квитка вывелъ его такъ вѣрно и до зарѣзу остро.

— *21 февраля.* Дома нашелъ я твое письмо и еще отъ Квитки. Онъ такъ малодушенъ, что, пораженный злобнымъ отзывомъ Сенковскаго, велѣлъ прекратить совершенно отдѣльное изданіе своихъ сочиненій и уничтожить все, что до сихъ поръ напечатали изъ «Столбикова». Вотъ, что значитъ великій талантъ, но безъ полнаго сознанія своей дестинаціи. Онъ привыкъ думать, что за сочиненія надобно ждать только или похвалъ, или денегъ. А о высокой цѣли творчества и не помыслилъ. Онъ прислалъ для Современника еще повѣсть: „Герой Очаковскихъ временъ". Это родъ Донъ Кихота Малороссіи. Вечеромъ съ Александрой Осиповной мы начали чтеніе его. Это смѣшно до умору.

— *14 марта.* Читали письмо Квитки, который, наконецъ, одумался. Онъ, какъ я тебѣ сказалъ, не хотѣлъ было совсѣмъ писать для публики, развѣ только изрѣдка въ Современникѣ. Я въ трехъ къ нему письмахъ былъ истиннымъ его бичемъ... Онъ не сознается, что мои убѣжденія подѣйствовали. Онъ говоритъ, что былъ боленъ— и всѣ его мрачныя мысли произошли отъ болѣзни. Даже прибавляетъ онъ, что если бы мои письма застали его въ этомъ страдательномъ положеніи, они бы уморили его. Но это онъ вылѣчился и теперь ясно видитъ справедливость моихъ настояній. Опять согласился онъ на продолженіе своихъ сочиненій, ихъ изданіе и участіе въ Современникѣ.

1842 г., 7 марта. Мой главный сотрудникъ Квитка, повидимому, оставляетъ меня. Я не въ состояніи былъ исполнить всѣхъ его комиссій—и это его охладило. Пускай попробуетъ имѣть дѣло съ другими журналистами. Можетъ быть, и возвратиться ко мнѣ. Кажется, онъ не убѣжденъ, что я жертвовалъ ему до нельзя по одному капризу продолжать Современникъ.

Приведенныя мѣста изъ писемъ Плетнева дополняютъ литературную біографію Квитки, указывая, какъ цѣнились его русскія повѣсти на тогдашнемъ литературномъ рынкѣ. Въ заключеніе приводимъ отзывъ Плетнева, въ тѣхъ же письмахъ, о Сковородѣ.—«Сковорода былъ въ XVIII ст. у малороссіянъ родъ юродиваго или философа, какъ называетъ простой народъ такихъ людей. Онъ подражалъ ученикамъ Пифагора: не ѣлъ мяса, говорилъ таинственными загадками, катался на поляхъ голый по росѣ, бродяжническую велъ жизнь по помѣщикамъ и распустилъ по Малороссіи нѣсколько писанныхъ

имъ философскихъ диссертацій. Подобныхъ оригиналовъ тамъ бывало не рѣдко». (стр. 515).

О русской литературѣ и наукѣ въ письмахъ Плетнева—множество преинтересныхъ замѣтокъ. Напр., и Сегодня у насъ въ университетѣ (Плетневъ былъ ректоромъ его) былъ министръ (Уваровъ). Мы просидѣли цѣлую лекцію у Устрялова за Дмитріемъ Самозванцемъ... Устрялова преподаваніе совершенно мужицкое. Ни слогу, ни одушевленія [1])... (Стр. 494).

А. Л.

Списокъ докторовъ медицины изъ малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Въ извѣстной книгѣ профессора Як. Чистовича—«Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», (Спб. 1883 г),—напечатанъ между прочимъ «алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи», (стр. LXVI—CCCLXVI), въ которомъ названо 523 медика, причемъ 42 изъ нихъ были малороссы. Вотъ ихъ списокъ. *Базилевичъ* Григорій Ивановичъ, сынъ священника бѣлгородской губ., учился сперва въ кіевской духовной академіи, а потомъ учился медицинѣ въ училищѣ при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и за границей, въ Страсбургѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ; въ Россіи повторилъ докторскій экзаменъ и былъ назначенъ профессоромъ патологіи спб. медико-хирургической академіи, а потомъ—и ученымъ секретаремъ медицинской коллегіи. *Барсукъ-Мойсеевъ* Фома Ивановичъ. Точное происхожденіе его и званіе не обозначено. Учился сперва въ кіевской духовной академіи, потомъ окончилъ московскій университетъ по медицинскому факультету и сдалъ экзаменъ на доктора медицины. Былъ профессоромъ физіологіи въ московскомъ университетѣ. *Гнѣдичъ* Петръ Петровичъ, уроженецъ г. Полтавы, обучался заграницей, въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ, въ которомъ и получилъ докторскій дипломъ. *Гороховскій* Маркъ Ивановичъ, родомъ изъ Кіева, учился сначала въ кіевской

---

[1]) Устряловъ продолжалъ читать лекціи въ Спб. университетѣ до конца пятидесятыхъ годовъ. Заглядывая иногда въ это время въ двери аудиторіи Устрялова, мы больше двухъ слушателей у него не видали, а курсъ филологовъ, которому въ это время онъ, читалъ состоялъ изъ 12-ти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ и разу не были на лекціяхъ Устрялова, но онъ благодушно всѣмъ ставилъ полные балы. А. Л.

духовной академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ опредѣленъ главнымъ докторомъ балтійскихъ флотовъ, затѣмъ былъ переведенъ инспекторомъ слободско-украинской врачебной управы. *Загорскій* Петръ Андреевичъ, сынъ священника новгородсѣверскаго уѣзда, сперва воспитывался въ черниговскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Сдавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ прозекторомъ анатоміи при с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, затѣмъ былъ назначенъ, тамъ же, адъюнктомъ анатоміи, экстраординарнымъ профессоромъ и наконецъ, ординарнымъ. *Звѣрака* Евстафій Федоровичъ, сынъ священника полтавскаго полка, учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, потомъ заграницей, преимущественно, въ шотландскомъ университетѣ св. Андрея, гдѣ получилъ и докторскій дипломъ. Былъ докторомъ при николаевскомъ госпиталѣ. *Каменецкій* Осипъ Кирилловичъ, сынъ мѣщанина стародубскаго полка, сперва воспитывался въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Былъ инспекторомъ спб. физиката и первый изъ русскихъ достигъ званія лейбъ-медика императора Александра I-го. *Карпинскій* Никонъ Карповичъ, сынъ козака лубенскаго полка, сперва воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Для довершенія образованія уволенъ былъ заграницу, причемъ въ Страсбургѣ получилъ дипломъ. Въ Россіи былъ назначенъ профессоромъ анатоміи и физіологіи. *Квятковскій* Несторъ Григорьевичъ, уроженецъ кіевской губерніи, учился 4 года въ Кенигсбергѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. *Крутень* Матвѣй Самсоновичъ, сынъ черниговскаго магистратскаго бурмистра, первоначально учился въ кіевской академіи, а потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ. Для пополненія образованія 5 лѣтъ занимался въ Лейденѣ, гдѣ получилъ дипломъ. Затѣмъ былъ дивизіоннымъ докторомъ. *Леонтовичъ* Савва Алексѣевичъ, сынъ мѣщанина миргородскаго полка, учился въ кіевской духовной академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Былъ командированъ заграницу; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ и былъ назначенъ дивизіоннымъ докторомъ. *Логиновъ* Петръ Романовичъ, сынъ священника екатеринославскаго намѣстничества, учился сперва въ екатеринославской семинаріи, а потомъ въ спб. медицинской школѣ; выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ хирургіи. *Максимовичъ-Амбодикъ* Несторъ Максимовичъ, сынъ священника га-

дяцкаго полка, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; затѣмъ продолжалъ образованіе въ университетѣ въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Отъ медицинской коллегіи получилъ званіе профессора повивальнаго искусства; былъ профессоромъ акушерства при повивальномъ институтѣ. *Максимовичъ* Иванъ Петровичъ, сынъ козака миргородскаго полка, учился сперва въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; окончилъ медицинское образованіе въ Кенигсбергѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Мироновичъ* Василій Емельяновичъ, сынъ мѣщанина изъ г. Полтавы, учился въ екатеринославской семинаріи, затѣмъ въ спб. госпитальной школѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ утвержденъ адъюнктомъ хирургіи и «матеріи медики». *Митрофановъ* Сила Митрофановичъ, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ; командированъ на казенный счетъ заграницу и въ Лейденѣ получилъ дипломъ. *Оіевскій* Дмитрій Максимовичъ, сынъ сотника нѣжинскаго полка, учился въ кіевской духовной академіи, затѣмъ въ спб. госпиталѣ, отправленъ былъ заграницу, учился въ Страсбургѣ и въ Геттингенѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Оршава-Чижевскій* Семенъ Ивановичъ, сынъ отставнаго маіора стародубскаго уѣзда, сперва учился въ московскомъ университетѣ, потомъ былъ отправленъ заграницу въ Лейденъ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Погорецкій* Петръ Ивановичъ, сынъ священника кіевской губерніи, учился въ кіевской академіи; затѣмъ поступилъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь; оканчивалъ образованіе въ Лейденѣ. *Полетика* Иванъ Андреевичъ, надворный совѣтникъ, родился въ г. Ромнахъ, учился въ кіевской академіи, былъ два раза заграницей; въ Лейденѣ получилъ дипломъ, послѣ чего кильская медицинская академія избрала его въ профессоры, гдѣ онъ занималъ кафедру два года, а потомъ служилъ въ Россіи [1]). *Политковскій* Федоръ Герасимовичъ, сынъ протоіерея черниговскаго полка, учился сперва въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ въ московскомъ университетѣ; на счетъ университета былъ отправленъ заграницу, въ Лейденѣ получилъ дипломъ, а затѣтъ былъ профессоромъ практической медицины въ московскомъ университетѣ. *Понырка* Денисъ Васильевичъ, сынъ

[1]) Былъ и другой медикъ *Полетика*, Тимофей Ивановичъ, тоже родомъ изъ Ромна, учившійся въ троицко-сергіевской семинаріи, а потомъ въ с.-петербурскомъ госпиталѣ.

козака глуховскаго повѣта, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ московскомъ госпиталѣ и въ Страсбургѣ. *Поповъ* Гавріилъ Петровичъ, сынъ священника полтавской губерніи, учился въ екатеринославской семинаріи, потомъ въ медицинской московской школѣ, гдѣ былъ адъюнктъ-профессоромъ акушерства и «судной науки». *Рожалинъ* Козьма Федоровичъ, сынъ козака лубенскаго полка, окончивъ кіевскую, академію, учился въ спб. госпиталѣ; въ Лейденѣ получилъ дипломъ и затѣмъ былъ докторомъ украинской дивизіи. *Руцкій* Илья Васильевичъ, уроженецъ кіевскаго намѣстничества, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ и былъ профессоромъ московской акушерской школы. *Саполовичъ* Яковъ Осиповичъ, сына посполитаго прилуцкаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ кронштадскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ профессоромъ хирургіи и завѣдущимъ спб. хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ. *Сидоровичъ* Алексѣй, сынъ мѣщанина изъ гор. Конотопа, учился сначала въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ, а для дальнѣйшаго образованія отправленъ былъ заграницу. *Смѣловскій* Тимофей Андреевичъ, родомъ изъ Малороссіи, сперва учился въ харьковской семинаріи, потомъ въ спб. медико-хирургической школѣ и былъ профессоромъ ботаники. *Смѣловскій* Иванъ Андреевичъ, учился въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ патологіи и терапіи. *Соболевскій* Григорій Федоровичъ, сынъ глуховскаго значковаго товарища, первоначально былъ придворнымъ пѣвчимъ, потомъ учился въ тройце-сергіевской семинаріи и въ спб. генеральномъ госпиталѣ. Въ Лейденѣ получилъ докторскій дипломъ, а потомъ, отъ медицинской коллегіи, званіе профессора ботаники. Былъ назначенъ докторомъ гвардейскихъ полковъ. *Сандуль-Стурдза* Яковъ Тимофеевичъ, сынъ священника переяславскаго уѣзда, учился въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ; былъ назначенъ инспекторомъ слободско-украинской врачебной управы. *Терѣховскій* Мартынъ Матвѣевичъ, сынъ священника гадяцкаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; былъ профессоромъ химіи въ московскомъ госпиталѣ и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Тимковскій* Осипъ Тимофеевичъ, сынъ козака миргородскаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ; былъ вра-

чемъ смоленской дивизіи и штадтъ-физикомъ въ Москвѣ. *Тимковскій* Иванъ Осиповичъ, сынъ доктора, учился въ московскомъ университетѣ и служилъ при физикатѣ въ медицинской коллегіи докторомъ. *Тимченко* Григорій Павловичъ, обучался сперва въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; въ Килѣ получилъ докторскій дипломъ и былъ профессоромъ повивальнаго искусства въ Москвѣ. *Тихорскій* Фома Трофимовичъ, сынъ козака переяславскаго полка, учился въ кіевской академіи и въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ, докторскій дипломъ получилъ въ Страсбургѣ. *Федоровскій* Андрей Ивановичъ, сынъ священника бѣлогородской губерніи, первоначально учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ въ кронштадскомъ госпиталѣ; сдавъ докторскій экзаменъ, былъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи. *Фіалковскій* Степанъ, учился въ спб. госпиталѣ, потомъ заграницей, въ Страсбургѣ получилъ дипломъ. *Шафонскій* Афанасій Филимоновичъ, сынъ сотника черниговскаго полка, учился медицинѣ въ Галле, въ Страсбургѣ получилъ дипломъ, былъ штадтъ-физикомъ и управляющимъ медицинской конторой въ Москвѣ [1]). *Шумлянскій* Александръ Михайловичъ, сынъ значковаго товарища полтавскаго полка, учился въ кіевской академіи и въ спб. адмиралтейскомъ хирургическомъ институтѣ и почетнымъ членомъ медицинсской коллегіи. *Шумлянскій* Павелъ Михайловичъ, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ, получилъ въ Страсбургѣ дипломъ, былъ ординарнымъ профессоромъ хирургіи и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Яцельскій* Касьянъ Осиповичъ, первонально учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. госпиталѣ, получилъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ.

Къ этому списку можно добавить, что изъ остальныхъ 481-го медика, 431—были по происхожденію иностранцы, а остальные—уроженцы Россіи, причемъ изъ нихъ 19 человѣкъ имѣютъ русскія фамиліи, а остальные (изъ 50-ти) носили фамиліи иностранныя. Такимъ образомъ, громадное большинство докторовъ (82%) приходилось на долю иностранцевъ, съ иностранными фамиліями—6% и великороссовъ—4%; малороссовъ значитъ было 8%. Если принять во вниманіе, что изъ этихъ малороссовъ большинство происходило изъ духовнаго и податнаго сословія, то можно сдѣлать заключеніе, что и въ концѣ XVIII в. стремленіе къ просвѣщенію въ Малороссіи было

[1]) Авторъ „Описанія Черниговскаго намѣстничества".

очень значительно, причемъ шли учиться нетолько дѣти дворянъ, но также сыновья священниковъ, мѣщанъ и козаковъ; учились медицинѣ сначала въ Россіи, затѣмъ ѣхали заграницу и получали докторскіе тамъ дипломы. По сословіямъ доктора изъ малороссовъ были: изъ духовнаго званія—11, козаковъ—9, мѣщанъ—4, крестьянъ—2, старшинскихъ дѣтей—2, дворянъ—3, 1 сынъ бурмистра и неизвѣстнаго происхожденія—10. Большинство изъ нихъ (23) образованіемъ своимъ обязаны кіевской духовной академіи, 5 училось въ семинаріяхъ, 5 въ московскомъ университетѣ, 6 въ коллегіумахъ и 3 – заграницей. Многіе изъ нихъ достигали извѣстности, таковы, напр., знаменитости своего времени—Загорскій, Максимовичъ-Амбодикъ, Полетика Иванъ (первый русскій профессоръ въ заграничномъ университетѣ), Шафонскій, Каменецкій...

Гл. Л.

По поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ.—Въ номерѣ отъ 10 февраля 1896 года «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая редакціонная статья, сообщающая намъ о ходѣ дѣла съ постановкой памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго и еще разъ призывающая общество откликнуться своими пожертвованіями на то, чтобы достойнымъ образомъ украсить могилу начинателя малорусской литературы.

«Въ прошломъ году, на страницахъ «Полт. Губ. Вѣдомостей», мы сообщали, говоритъ редакція о предстоящемъ чествованіи памяти начинателя новаго періода украинской литературы, *Ивана Петровича Котляревскаго*, отмѣчая, между прочимъ, проявленіе мѣстной иниціативы по устройству надгробнаго памятника на могилѣ поэта, въ чертѣ стараго городского кладбища, а также по изысканію средствъ для сооруженія памятника поэту на Петровской площади противъ зданія губернскаго земства.

Теперь своевременно сообщить нашимъ читателямъ о дальнѣйшемъ движеніи дѣла по устройству памятниковъ И. П. Котляревскому. Сооружаемый на средства Полтавскаго губернскаго земства надмогильный памятникъ въ настоящее время изготовляется въ Табурищенской мастерской г. Певнаго (въ александр. у. херс. губ.) изъ гранита помодели художниковъ—полтавцевъ гг. Позена и Волкова. Памятникъ этотъ въ непродолжительномъ времени будетъ изготовленъ

и весною настоящаго года, по всей вѣроятности, будетъ праздноваться постановка его на могилѣ поэта.

Что касается сооруженія памятника на Петровской площади, то это дѣло проходитъ пока первыя стадіи: въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года начатъ сборъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, послѣ того какъ ходатайство Полтавскаго городскаго управленія о разрѣшеніи всеобщей подписки на это дѣло по полтавской и черниговской губерніяхъ въ чертѣ «Старой Малороссіи», — удовлетворено правительствомъ въ смыслѣ разрѣшенія подписки въ предѣлахъ лишь полтавской губерніи. Къ половинѣ декабря истекшаго года пожертвованія на это дѣло выразились пока скромной суммой, около тысячи рублей, не считая 400 съ лишнимъ рублей, пожертвованныхъ на памятникъ Котляревскаго въ прежнее время.

Сравнительно слабое до настоящаго времени поступленіе пожертвованій приходится объяснить обычною малоподвижностью въ нашей общественности, тѣмъ болѣе, что сооруженіе памятника мѣстному дѣятелю осуществляется впервые въ «сегобочной» Украинѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ поступленіи пожертвованій на памятникъ Котляревскому останавливаетъ вниманіе одно отрадное обстоятельство — мы говоримъ о широкомъ кругѣ пожертвователей изъ селянъ хлѣборобовъ, густо покрывшихъ своими подписями разосланные Полтав. городской управой подписные листы, съ обозначеніемъ посильныхъ пожертвованій, наичаще въ 2, 3 и 5 копѣекъ. Сотни, а можетъ быть и тысячи именъ козаковъ и крестьянъ полтавской губерніи, откликнувшихся изъ разныхъ мѣстъ на краевое по своему существу дѣло, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что память И. П. Котляревскаго, неразрывно связанная съ его литературной дѣятельностью, глубоко почитается украинскимъ народомъ.

Слѣдуетъ отмѣтить также, что видное мѣсто въ ряду пожертвованій занимаютъ доброхотныя пожертвованія, присланныя по газетнымъ замѣткамъ о предстоящемъ сооруженіи памятника, изъ городовъ внѣ предѣловъ полтавской губерніи, (преимущественно, изъ Петербуга и Одессы) съ изъявленіемъ признательности представителямъ городского управленія, выдвинувшимъ вопросъ о сооруженіи памятника И. П. Котляревскому.

Небезъинтересно прослѣдить, какъ назрѣвала мысль въ мѣстномъ обществѣ о выраженіи почитанія памяти поэта устройствомъ памятника, соотвѣтствующаго его національному значенію. Первоначально отчетливо выражалось пожеланіе возобновить надмогильный

памятникъ поэта. Еще въ январѣ 1881 года гласный А. И. Алексенко въ думскомъ засѣданіи возбудилъ вопросъ о поновленіи надмогильнаго памятника; въ непродолжительномъ времени послѣ того гласный Таранушенко изъявилъ готовность принять на свой счетъ штукатурку и побѣлку прежняго памятника, а дума ассигновала 100 рублей на потребные для поновленія памятника матеріалы и устройство ограды; въ августѣ того же 1881 года артистъ С. Н. Новиковъ «для возобновленія» памятника предложилъ устроить два спектакля и гулянье въ городскомъ саду, каковое предложеніе и осуществлено было, давъ чистаго сбора около 190 рублей. Результатомъ этихъ первыхъ начинаній было поновленіе памятника гл. Таранушенко и постановка деревянной ограды съ расходомъ въ 53 рубля. Послѣ того мысль о возобновленіи надгробнаго памятника, соотвѣтствующаго достоинству поэта, затемнилась, а памятникъ, поновленный слишкомъ экономно, въ непродолжительномъ времени пришелъ въ прежнее состояніе. Въ ноябрѣ 1891 г. М. И. Климовичъ изъ Одессы, узнавъ изъ газетной замѣтки о жалкомъ состояніи памятника, прислалъ 80 рублей, прося пріобщить ихъ къ имѣющимся въ кассѣ городской управы 350 рубл. на возобновленіе памятника; въ 1892 году прислано пожертвованіе на это дѣло отъ кружка любителей драматическаго искусства подъ управленіемъ Далматова. Могила Котляревскаго оставалась, однако, въ прежнемъ видѣ. Губернскому собранію 1893 года Полтавская губернская земская управа докладывала, что памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго пришелъ въ негодность, штукатурка обвалилась, кирпичъ подъ вліяніемъ сырости началъ осыпаться, и мѣдная доска съ надписью, указывавшею, кто похороненъ въ этой могилѣ, исчезла.

Всѣ эти подробности, свидѣтельствующія о неотзывчивости и неподвижности *нашего* общества въ кровномъ своемъ дѣлѣ, приведены здѣсь въ видѣ посылки для заключенія, что на нашемъ обществѣ тяготѣетъ упрекъ въ бездѣятельномъ отношеніи къ памяти писателя, первое произведеніе котораго (Энеида) въ 1898 году будетъ ознаменовано столѣтнимъ юбилеемъ. Теперь пришло время снять съ себя нашему обществу заслуженный упрекъ не только предъ современниками, но еще въ большей мѣрѣ предъ будущими поколѣніями, которыя не могутъ не оцѣнить заслугъ народнаго писателя, положившаго первое основаніе украинской литературы на народномъ языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, какъ могила поэта пришла въ крайнее разореніе, произошелъ поворотъ въ отношеніи мѣстнаго общества къ

его памяти. Губернское собаніе 1893 г. ассигновало достаточную сумму на возобновленіе памятника на могилѣ, а въ 1894 г. Полтавская городская дума, по докладу городской управы, постановила возбудить отмѣченное выше ходатайство о разрѣшеніи всеобщей подписки на сооруженіе памятника Котляревскому на Петровской площади.

Подписка разрѣшена, и пожертвованія на сооруженіе памятника собираются. Умѣстно припомнить здѣсь высказанное нами раньше мнѣніе, что имѣющій быть сооруженнымъ памятникъ Котляревскому въ одномъ изъ областныхъ культурныхъ центровъ, какимъ является съ давняго времени городъ Полтава, имѣетъ значеніе выразительнаго показателя одного изъ моментовъ въ исторіи развитія нашего края и народа, такъ какъ каждый народъ, по мѣрѣ своего культурнаго развитія, чтитъ своихъ выдающихся дѣятелей на различныхъ поприщахъ, а почитаніе дѣятелей интеллектуальнаго прогресса имѣетъ особенно важное значеніе въ исторической жизни народа, являясь залогомъ его жизнеспособности активно выступать и въ дальнѣйшемъ теченіи событій. Для интеллигентной *части* населенія Полтавской губерніи, въ предѣлахъ которой собираются средства для сооруженія памятника Котляревскому, этотъ моментъ представляется весьма важнымъ, потому что открыто можетъ смотрѣть въ будущее только тотъ народъ и то общество, которые въ своемъ прошломъ знаютъ прочные опорные пункты. Сооруженіе памятника народному поэту—несомнѣнно актъ общественнаго самосознанія, и мы надѣемся, что дѣло это осуществится при широкомъ сочувствіи и дѣятельномъ отношеніи къ нему мѣстнаго общества».

Объявленіе о подпискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому.

Помѣстивъ выше перепечатку статьи о памятникѣ *И. П. Котляревскому*, редакція Кіевской Старины объявляетъ своимъ читателямъ, что она открываетъ у себя сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, при чемъ жертвуемыя деньги будетъ направлять въ Полтаву.

Библіографія.

В. А. Мякотинъ. Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира, подъ редакціей профессоровъ И. В. Лучицкаго и Н. И. Карѣева, Спб. 1895 г.).

Матеріаломъ для труда В. А. Мякотина послужила часть Румянцевской Описи, хранящаяся въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ и обнимающая *четыре* сотни бывшаго Полтавскаго полка—двѣ полковыхъ, Рѣшетиловскую и Великобудисскую. Авторъ пользовался, впрочемъ, «не самою описью или точнѣе говоря, не самыми черновыми и бѣловыми «вѣдомостями», составлявшимися мѣстной администраціей, владѣльцами и «ревизорами», а сдѣланной послѣдними по вѣдомостямъ сводкой статистическаго матеріала или въ видѣ таблицъ, или, какъ она названа, «подворной табелью», которая довольно точно передаетъ содержаніе вѣдомостей» [1]). Въ табели есть свѣдѣнія о возрастномъ составѣ населенія, о земельномъ его владѣніи, скотѣ, повинностяхъ и т. п., хотя изъ данныхъ этихъ не всегда возможно сдѣлать опредѣленный выводъ, благодаря неполнотѣ и неточности практиковавшихся тогда статистическихъ пріемовъ. Нѣкоторые такіе недостатки авторъ и указываетъ въ характеристикѣ, которую онъ посвящаетъ «табели»: площадь лѣса, напримѣръ, подчасъ оказывается, совсѣмъ невозможно вычислить, потому что она измѣрялась не квадратными единицами, а пространство указывалось по окружности. Есть и другія неточности: при дворѣ иногда, напримѣръ, не показывается пахатная земля, но не потому что ея не было, а потому что она состояла въ общемъ, нераздѣльномъ вла-

[1]) Сборникъ, стр. 153—154.

дѣніи нѣсколькихъ дворовъ и показана при одномъ изъ нихъ и т. п.[1]). Для пользованія такимъ не всегда точнымъ матеріаломъ требуется особенная осторожность, а она то и составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ особенностей изслѣдованія В. А. Мякотина. Дѣлая извѣстный выводъ, авторъ дѣлаетъ, можетъ быть, ужъ и черезчуръ часто, соотвѣтствующія предостереженія читателю, чтобы онъ не принималъ вывода, безъ извѣстныхъ оговорокъ.

Румянцевская Опись является драгоцѣннымъ, по богатству и разнообразію своихъ данныхъ, источникомъ для изученія хозяйственной жизни лѣвобережной Малороссіи въ прошломъ столѣтіи. Не смотря на это, она почти до сихъ поръ не затронута изслѣдователями. Правда, ею пользовался А. М. Лазаревскій, но, по направленію своихъ работъ, онъ обращалъ главное свое вниманіе не на хозяйственную жизнь страны, а на тѣ юридическія и бытовыя отношенія, которыя возникали въ Малороссіи XVIII вѣка, а потому пользуясь Описью, онъ оставилъ безъ вниманія ея статистическую часть и ограничился документами. Тоже можно сказать и про И. В. Лучицкаго, если не считать изданныхъ имъ таблицъ по казачьему землевладѣнію золотоношскаго уѣзда [2]). И его работы о сябрахъ, общинномъ землевладѣніи [3]) основаны исключительно на документахъ Румянцевской Описи, равно какъ и работа проф. Д. И. Багалѣя «Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ» [4]).

Черниговскіе статистики Е. С. Филимоновъ, П. П. Червинскій и А. П. Шликевичъ обращались тоже къ Румянцевской Описи. Въ Вяткѣ въ 1888 году г. Филимоновъ издалъ таблицы, составленныя имъ въ бытность въ Черниговѣ и основанныя на Румянцевской Описи: «Румянцевская генеральная Опись суражскаго уѣзда 1767 года». Подобную же опись приложилъ и П. П. Червинскій къ «Матеріаламъ для оцѣнки угодій по кролевецкому уѣзду черниговской губерніи», причемъ сдѣлалъ и попытку сравнительно-историческаго изученія, сопоставляя данныя по описи 1767

---

[1]) Сборникъ стр. 155.

[2]) Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства.

[3]) О сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи въ Малороссіи въ Сѣв. Вѣстникѣ 1889 г. № 1 и 2; Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. От. Зам. 1882 г. кн. 11.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 1883 г. декабрь.

и 1883 годовъ. Выводы касались всѣхъ сторонъ экономической жизни мѣстности и получились довольно неожиданные. П. П. Червинскій старался доказать, что въ прошломъ столѣтіи, несмотря на земельный просторъ, на одного жителя приходилось почти столько же земли, сколько и теперь, а скота даже меньше; что количество безземельныхъ въ наше время даже уменьшилось сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ и въ землевладѣніи замѣчается даже большая равномѣрность, такъ какъ количество крупныхъ владѣній сравнительно уменьшилось, а количество среднихъ (1—15 дес.) возросло; что вообще въ прошломъ столѣтіи не только крестьянству, но даже козачеству жилось хуже, чѣмъ теперь.

Эти заключенія, сдѣланныя притомъ безъ всякихъ оговорокъ, могли имѣть силу, пожалуй, для данной только мѣстности, но уже самъ г. Червинскій, а за нимъ и русская печать, отнесшаяся вообще съ большимъ интересомъ къ труду г. Червинскаго, обобщили его выводы на всю Малороссію. Въ особенности широко проведено это обобщеніе въ статьѣ А. П. Шликевича: «Лучше ли жилось въ Малороссіи за сто лѣтъ назадъ?», помѣщенной въ № 11—12 «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» за 1890 годъ.

Пользуясь таблицами, изданными Е. С. Филимоновымъ и «Матеріалами для оцѣнки земельныхъ угодій по суражскому уѣзду» проф. И. В. Лучицкій взялся провѣрить обобщенія, сдѣланныя отъ кролевецкаго уѣзда ко всей Малороссіи [1]). Результаты получились другіе. Выводы П. П. Червинскаго не только не подтвердились, но, напротивъ, оказалось, что въ суражскомъ уѣздѣ замѣтно пониженіе уровня земельной обезпеченности крестьянства и козачества въ настоящее время сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ; въ настоящее время не только не замѣтно большей равномѣрности въ дѣлѣ распредѣленія земли, а скорѣй можно наблюдать явленіе какъ разъ обратное—зарождающее стремленіе къ скопленію земли въ большемъ и большемъ количествѣ въ рукахъ одного хозяйства. Относительно количества скота можно сказать тоже самое. Эти данныя показали, что заключеніе относительно всей Малороссіи на основаніи данныхъ только по кролевецкому уѣзду какъ П. П. Червинскимъ, такъ и его критиками сдѣланы слишкомъ поспѣшно. Проф. И. В. Лучицкій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что ихъ можно было бы допустить только

---

[1]) Крестьянское землевладѣніе въ суражскомъ уѣздѣ черниговской губерніи въ 1667 и 1882 годахъ. *Юридическій Вѣстникъ* 1889 г. кн. 12.

при одномъ условіи, «а именно, когда намъ точно извѣстны тѣ факторы экономическіе и общественные, подъ вліяніемъ которыхъ происходило установленіе поземельныхъ порядковъ въ данный историческій моментъ, когда извѣстно и то, что они тождественны и для каждой отдѣльной мѣстности, и для цѣлой страны»... Разъ этого нѣтъ, «разъ условія дѣйствія и самое дѣйствіе общественныхъ и экономическихъ вліяній намъ неизвѣстны—остается одинъ путь изслѣдованія: изученіе сравнительно—историческое каждой мѣстности отдѣльно. Только тогда, когда изучены будутъ всѣ или большинство мѣстностей, можно будетъ сдѣлать общій выводъ для всей мѣстности, для всей лѣвобережной Украйны» [1]).

Необходимость подобнаго рода детальныхъ изслѣдованій, прежде чѣмъ получится возможность дѣлать общіе выводы—высказываетъ и В. А. Мякотинъ [2]), и его изслѣдованіе является первой попыткой въ этомъ родѣ. Авторъ не задается, впрочемъ, такой задачей, какъ П. И. Червинскій: онъ не хочетъ сравнивать данныя прошлаго вѣка съ данными конца настоящаго, хотя и признаетъ весь интересъ подобныхъ сравненій. Матеріалъ только, которымъ онъ располагалъ, слишкомъ недостаточенъ былъ для того, чтобы взяться за подобную работу. «То обстоятельство, говоритъ онъ, что сравненіе 18 вѣка съ 19-мъ не могло быть не только исчерпывающимъ, но даже полнымъ, тогда какъ при подчиненіи матеріала интересамъ этого сравненія неизбѣжно должны были исчезнуть нѣкоторыя характерныя особенности старой жизни, воспроизводимой нашимъ источникомъ, побудило меня рѣшиться выбрать изъ двухъ представлявшихся задачъ на этотъ разъ одну—изображенія положенія крестьянства въ 1767 г. безотносительно къ современнымъ порядкамъ» [3]). Авторъ ограничивается, такимъ образомъ, только воспроизведеніемъ картины *крестьянскаго* (опуская другія состоянія) землевладѣнія, какой она представлялась въ 1767 году, указаніемъ количества скота которымъ располагало хозяйство, а также отчасти указаніемъ платежей и повинностей, которые несли и платили крестьяне въ пользу своихъ владѣльцевъ. Онъ хочетъ воспроизвести только «конечный итогъ процесса, предшествовавшаго (1767 году), длившагося около вѣка» [4]).

---

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1889 г. кн. 12, стр. 601—602.

[2]) Сборникъ, стр. 185.

[3]) Сборникъ, стр. 153.

[4]) Сборникъ, стр. 153.

Мы уже говорили, что В. А. Мякотинъ далекъ отъ какихъ бы то ни было широкихъ обобщеній. Его выводы, какъ онъ самъ это нѣсколько разъ подчеркиваетъ, касаются только небольшаго уголка Полтавщины, всего 13-ти волостей изъ 20, составляющихъ теперешній полтавскій уѣздъ. На этомъ пространствѣ во всѣхъ селахъ, деревняхъ и хуторахъ насчитывалось 4,585 посполитскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, въ которыхъ жило 34,403 души обоего пола. Изъ нихъ немного больше половины (16,936 д.) приходилось на долю взрослыхъ мущинъ и женщинъ (отъ 15—60 лѣтъ); немного меньше половины (15,528 душъ)—на долю дѣтей и подростковъ (до 15 лѣтъ), а около $^1/_{17}$ (1,946 чел.) составляли увѣчные, больные, старые и вообще люди, къ работѣ неспособные. Во владѣніи ихъ находилось 24,453 десятины 910 кв. саж. пахатной, сѣнокосной и впустѣ лежащей земли, изъ которой 12,307 дес. 1,629 кв. саж. было пахатной, 8667 дес. 680 кв. саж. сѣнокосной и 3,478 дес. 1001 кв. саж.—лежащей впустѣ земли. Сюда вошла, впрочемъ, только земля, находившаяся въ подворномъ пользованіи; общинная же земля, которая, судя по актамъ, существовала въ Полтавщинѣ, въ расчетъ взята не была. Земля распредѣлялась между населеніемъ такимъ образомъ, что землю имѣло 2400 дворовъ, или 52,32%, безземельныхъ же было 2185, или 47,68%, при чемъ

имѣющихъ пахатную, сѣнокосную и лѣсную землю было	12,04%
пахатную и сѣнокосную	11,45%
пахатную и лѣсную	11,12%
сѣнокосную и лѣсную	0,67%
только пахатную	13,45%
сѣнокосную	1,39%
лѣсную.	2,20%

На одинъ дворъ среднимъ числомъ приходилось 5,31 дес. земли всѣхъ разрядовъ, причемъ было 2,68 дес. пахоти и 1,88 дес. сѣнокосу. Что касается скота, то, по вычисленію В. А. Мякотина, на каждое хозяйство, въ среднемъ, приходилось 2,15 тогдашняго рабочаго скота и 3 нерабочаго.

Цифры эти не даютъ точнаго представленія о положеніи крестьянства въ 1767 году. На пространствѣ тѣхъ волостей Полтавскаго уѣзда, которыя подверглись изслѣдованію В. А. Мякотина, жило четыре разряда крестьянъ: ранговыя, магистратскія, монастырскія и частновладѣльческія, и всѣ они не представляли вполнѣ однороднаго цѣлаго. Авторъ, поэтому, изслѣдуетъ положеніе каждаго раз-

ряда отдѣльно. Мы не можемъ, конечно, слѣдить за всѣми пріемами, къ какимъ прибѣгаетъ онъ для того, чтобы опредѣлить экономическое положеніе различныхъ крестьянъ. Это значило бы перепечатывать все изслѣдованіе В. А. Мякотина. Мы ограничимся сообщеніемъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Напередъ только познакомимся съ общимъ планомъ, по которому произведено его изслѣдованіе.

Авторъ начинаетъ его съ крестьянъ ранговыхъ, переходитъ затѣмъ къ магистратскимъ, монастырскимъ и, наконецъ, частновладѣльческимъ. Сначала онъ указываетъ общее количество дворовъ и живущихъ въ нихъ крестьянъ одного разряда; затѣмъ—количество десятинъ земли, находившейся въ ихъ владѣніи вообще, и количество отдѣльныхъ угодій—пахати, сѣнокоса и земли, лежащей впустѣ; далѣе слѣдуетъ вычисленіе средняго числа десятинъ земли, приходящейся на одинъ дворъ, съ подраздѣленіями затѣмъ по угодіямъ. Желая точнѣе опредѣлить земельную состоятельность отдѣльныхъ группъ, авторъ не ограничивается средними цифрами, которыя, по его словамъ, «способны выражать только самое грубое представленіе объ явленіи» [1]). Онъ составляетъ особыя таблицы, въ которыхъ въ процентныхъ отношеніяхъ указываетъ количество дворовъ, имѣющихъ пахать, сѣнокосъ и лѣсъ; пахать и сѣнокосъ; пахать и лѣсъ; лѣсъ и сѣнокосъ; только пахать; только сѣнокосъ и только лѣсъ. Затѣмъ въ процентныхъ отношеніяхъ опредѣлятся количество всѣхъ дворовъ, имѣющихъ землю и безземельныхъ. Таблицы авторъ сопровождаетъ своими поясненіями.

Желая дать возможность произвести сравненіе прошлаго съ настоящимъ—работу, за которую не могъ взяться В. А. Мякотинъ, онъ комбинируетъ цифры, касающіяся крестьянскаго землевладѣнія, въ таблицы, принятыя въ полтавской земельной статистикѣ, т. е. старается опредѣлить количество разнаго вида угодій на дворъ имѣющій меньше десятины земли, затѣмъ имѣющій земли до 1 дес., отъ 1—2, отъ 2—3, отъ 3—6, отъ 6—9, отъ 9 до 16, отъ 16 до 20; отъ 20 до 60 и отъ 60 и болѣе.

Количество скота у каждаго разряда крестьянъ вычисляется по такой программѣ. Опредѣляется сначала общее количество рабочаго скота и отдѣльныхъ его видовъ; затѣмъ такимъ же образомъ—скота нерабочаго, причемъ указывается, сколько среднимъ числомъ

[1]) Сборникъ, стр. 160.

приходится на одинъ дворъ какъ общаго количества скота, такъ и отдѣльныхъ его видовъ. Всѣ данныя относительно рабочаго скота скомбинированы затѣмъ въ двѣ таблицы, одна изъ которыхъ «представляетъ отношеніе между собой хозяйствъ по числу дѣйствительнаго рабочаго скота въ эпоху Румянцевской Описи, т. е. воловъ и лошадей; вторая составлена по образцу современныхъ таблицъ, гдѣ въ рабочій скотъ зачислены и коровы, которыя въ 18 вѣкѣ не принадлежали къ таковому» [1]). Первая таблица, такимъ образомъ, указываетъ количество дворовъ въ %, не имѣющихъ совсѣмъ рабочаго скота; имѣющихъ 1 штуку, 2, 3, 4—5, 6—1», 11 и болѣе штукъ. Вторая подраздѣляется на три части. Сначала указанъ % безъ всякаго скота; только съ овцами, козами и свиньями; съ рабочимъ скотомъ. Затѣмъ—съ 1 лошадью, воломъ и коровой. Наконецъ съ 2, 3, 4—8, 6—10, 11 и болѣе штукъ.

Въ заключеніе обзора цифръ, касающихся отдѣльнаго разряда крестьянъ, даются свѣдѣнія и объ ихъ повинностяхъ, по сколько они содержатся въ «табели». Свѣдѣнія эти, впрочемъ, далеко не полны, такъ какъ о повинностяхъ, напримѣръ, частновладѣльческихъ крестьянъ въ «табели» никакихъ данныхъ не содержится [2]).

Изслѣдуя цифры, относящіяся къ различнымъ разрядамъ крестьянъ, В. А. Мякотинъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Количество безземельныхъ и имѣющихъ землю у разныхъ разрядовъ крестьянъ было далеко не одинаково и постоянно колебалось. У ранговыхъ безземельныхъ было 31,85%; и имѣющихъ землю 68,15% у магистратскихъ—43,85 и 56,15 у монастырскихъ 62,86 и 37,14; наконецъ у частновладѣльческихъ [3]) въ крупныхъ имѣніяхъ—38,96 и 61,04 и въ мелкихъ 85,57 и 14,63. Что касается количества скота, то у ранговыхъ крестьянъ $^1/_7$ лишена всѣхъ орудій самостоятельнаго хозяйства, земли и скота: почти $^1/_3$ не имѣетъ рабочаго скота и $^1/_5$ обходится безъ крупнаго скота, хотя изъ всѣхъ группъ выдѣляется все таки средне-состоятельная, владѣющая отъ 2—5 штукъ скота; на долю ея выпадаетъ около 48% [4]). У магистратскихъ крестьянъ отношенія складываются уже менѣе благопрі-

[1]) Сборникъ, стр. 162.

[2]) Сборникъ, стр. 179.

[3]) Частновладѣльческихъ крестьянъ В. А. Мякотинъ разсматриваетъ отдѣльно въ крупныхъ и мелкихъ владѣніяхъ, потому что положеніе ихъ далеко не было одинаковымъ.

[4]) Сборникъ, стр. 163.

ятно, и хотя средняя группа продолжаетъ сохранять свой перевѣсъ но онъ уже не великъ; группа многоскотныхъ едва меньше группы вовсе не имѣющихъ скота [1]). Къ положенію магистратскихъ въ отношеніи скота близки и крестьяне монастырскіе. И у нихъ хотя группа съ среднимъ количествомъ скота преобладаетъ (49%), но зато «мы наблюдаемъ увеличеніе группы хозяйствъ безъ рабочаго скота и уменьшеніе многоскотной группы, не перевѣшиваемое уменьшеніемъ числа хозяйствъ съ малымъ количествомъ скота» [2]). У частновладѣльческихъ крестьянъ, жившихъ въ крупныхъ имѣніяхъ. группа средне-состоятельныхъ немного болѣе 51%, около 1/6 дворовъ не имѣетъ вовсе скота, равно какъ и земли, слѣдовательно, не могутъ вести самостоятельнаго хозяйства; немного болѣе 1/4 дворовъ не имѣетъ рабочаго скота [3]). Что касается крестьянъ въ мелкихъ владѣніяхъ, то 1/4 общаго числа не имѣла никакого скота, болѣе половины не имѣла ни земли, ни рабочаго скота. Положеніе ихъ, такимъ образомъ, стояло на самой шаткой ступени благосостоянія, такъ какъ почти 3/4 изъ крестьянъ не имѣло скота, слѣдовательно, не могло вести и самостоятельнаго хозяйства [4]).

Сравнивая данныя, относящіяся ко всѣмъ четыремъ группамъ крестьянства, жившаго на изслѣдуемой территоріи, В. А. Мякотинъ приходитъ къ тому заключенію, что «положеніе полтавскаго крестьянства, судя по «табели», далеко не было во второй половинѣ прошлаго вѣка, вполнѣ обезпеченнымъ, скорѣе напротивъ» [5]). «Мы будемъ весьма не далеки отъ истины, говоритъ онъ далѣе, если выразимъ послѣдній итогъ въ такой грубо отчетливой формѣ: треть крестьянскаго населенія не располагала средствами самостоятельнаго хозяйства, половина его въ смыслѣ размѣра этихъ средствъ составляла среднюю группу, а остальная часть распредѣлялась между бѣдными и богатыми хозяйствами съ рѣшительными преобладаніями первыхъ; въ самой средней группѣ наиболѣе видную часть ея представляли, наконецъ, хозяйства съ наименьшими средствами».

«Эта общая картина значительно, впрочемъ, разнообразится, смотря по тому, съ какого рода владѣніями имѣемъ дѣло. Въ по-

---

[1]) Ibid., 166.

[2]) Ibid, 170.

[3]) Сборникъ стр. 178.

[4]) Ibidem, стр. 183.

[5]) Ibid., стр. 183 Выводъ, такимъ образомъ, говорящій противъ обобщенія П. П. Червинскаго и его критиковъ и подтверждающій мнѣніе проф. И. В. Лучицкаго.

рядкѣ постепеннаго уменьшенія хозяйственныхъ средствъ крестьянъ владѣнія эти могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто займутъ ранговыя имѣнія, гдѣ хозяйство посполитыхъ стояло на наиболѣе высокой ступени обезпеченности, затѣмъ частновладѣльческія крупныя имѣнія, потомъ магистратскія, за ними монастырскія и, наконецъ, мелкія частновладѣльческія, въ которыхъ положеніе посполитыхъ представлялось въ наиболѣе мрачномъ свѣтѣ» [1]).

Таковы общіе выводы. Обращаемся къ ихъ оцѣнкѣ. Самъ В. А. Мякотинъ придаетъ имъ только весьма узкое значеніе. «Не только наше изслѣдованіе, говоритъ онъ, носило чисто описательный характеръ, но и описаніе это захватывало въ свои предѣлы лишь нѣкоторыя стороны хозяйственной группы населенія: въ него не вошелъ цѣлый рядъ другихъ сторонъ, въ видѣ различнаго рода промысловъ, ремеслъ и т. д., обслѣдованіе которыхъ было бы, однако, необходимо для полученія полнаго вывода». Выводы касались затѣмъ только $^1/_{40}$ части гетманской Малороссіи, а потому обобщать ихъ на всю Малороссію «является совершенно невозможнымъ». Тѣмъ не менѣе «значеніе собранныхъ фактовъ врядъ ли ограничивается простымъ констатированіемъ ряда явленій. Эти факты все же бросаютъ нѣкоторый, хотя слабый, и далеко еще недостаточный, ретроспективный свѣтъ на предшествовавшую исторію, они хоть немного разъясняютъ смыслъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ процессовъ въ исторіи малорусскаго землевладѣнія за 18 вѣкъ, въ родѣ перехода ранговыхъ селъ въ частное владѣнія или скупки владѣльцами казацкихъ и посполитскихъ земель, выражая отчасти тѣ реальныя измѣненія народной жизни, какія связаны были съ этими процессами» [2]).

Вполнѣ соглашаясь съ В. А. Мякотинымъ относительно значенія произведеннаго имъ описанія и находя даже, что онъ нѣсколько съузилъ это значеніе, мы въ тоже время не можемъ обойти молчаніемъ важнаго вопроса о качествѣ цифровыхъ данныхъ, которыми располагалъ авторъ. Вѣроятно, условія появленія его статьи въ «Сборникѣ», назначенномъ для распространенія въ большомъ, а не спеціальномъ кругу, было причиной тому, что авторъ не затронулъ этого вопроса, а между тѣмъ выслушать его мнѣніе по этому поводу было бы въ высшей степени интересно: В. А. Мякотинъ въ

[1]) Сборникъ, стр. 185.

[2]) Сборникъ, стр. 185.

настоящее время является, несомнѣнно, лучшимъ знатокомъ Румянцевской Описи, ея достоинствъ и недостатковъ; онъ лучше, чѣмъ кто другой, можетъ и оцѣнить этотъ источникъ для изученія прошлой жизни малорусскаго народа. Если мы, поэтому, возбуждаемъ вопросъ о качествѣ цифровыхъ данныхъ, то только потому, чтобы вызвать автора дать отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, въ виду, во первыхъ, правильной оцѣнки читателями фактическаго матеріала, легшаго въ основу статьи «Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 г.» и выводовъ изъ этого матеріала; во вторыхъ, въ виду вообще болѣе правильнаго, критическаго и осторожнаго отношенія къ даннымъ Румянцевской Описи при дальнѣйшей ея разработкѣ лицами, менѣе подготовленными къ этому дѣлу, не изучившими, какъ В. А. Мякотинъ, всей Описи съ ея характерными особенностями. Нельзя, вѣдь, глубоко не сочувствовать призыву В. А. Мякотина, обращенному къ кіевской университетской молодежи, взяться за разработку громаднаго и разнообразнаго матеріала, относящагося къ прошлымъ судьбамъ Малороссіи а среди этого матеріала Румянцевскя Опись занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ.

Большая или меньшая точность цифръ зависитъ прежде всего отъ тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ описаніе. Румянцевская Опись была составлена по слѣдующему поводу. Съ увольненіемъ въ ноябрѣ 1764 года Разумовскаго, управленіе Малороссіею поручено П. А. Румянцеву. Весною 1765 года новый администраторъ прибылъ въ Малороссію и прежде всего лѣтомъ того же года занялся личнымъ осмотромъ края, чтобы выяснить его положеніе [1]). Результатомъ этого осмотра явилось распоряженіе о производствѣ ревизіи, съ цѣлью привести въ извѣстность экономическое состояніе края. 7 сентября малороссійская коллегія получила предложеніе, какъ пишетъ въ своихъ запискахъ Як. Марковичъ: «описать всѣ земли и перемѣрить ихъ во всей Малой Россіи квадратными саженями; также магистраты и составить списокъ вписавшихся въ оныхъ (съ имѣній, имъ на рангъ принадлежавшихъ) въ козаки и чиновники, и сверхъ того составить списки козаковъ и всѣхъ вообще мужеска и женска пола, и первыхъ, т. е. козаковъ, съ показаніемъ возраста, лѣтъ и болѣзней» [2]). «Графъ Румянцевъ, пишетъ тотъ же Як. Марковичъ

[1]) Записки Як. Марковича (1-е изданіе) т. II, стр. 397.

[2]) Записки Якова Марковича т. II, стр. 398.

подъ 7 октября, предложилъ коллегіи послать по штабъ-офицеру и одного изъ старшины полковой, или бунчуковаго товарища, во всякій полкъ, переписать всѣхъ мужеска и женска пола, а козаковъ съ лѣтами и примѣтами, равно и для перемѣра всѣхъ земель. Другое же предложеніе: описать всѣ дворы и бездворныя хаты и со всякой хаты брать по рублю для консистентовъ, а фуражемъ и провіантомъ уже не брать» [1]). 7-же октября была издана и инструкція для ревизоровъ, въ которой излагалось, что и какъ переписывать [2]).

Перепись эта, говоритъ «Исторія Руссовъ» «какъ въ своемъ родѣ, такъ и способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, необходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ ширенгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммиссіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачъ младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммиссіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались и за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями» [3]). Такимъ образомъ происходила Румянцевская перепись, если только авторъ, вообще относящійся неблагосклонно къ новымъ румянцевскимъ порядкамъ, не слишкомъ сгустилъ краски.

Вопросъ теперь въ томъ, на сколько принимаемыя при переписи мѣры гарантировали правильность собираемыхъ свѣдѣній? Отвѣтъ на это должно, конечно, дать ближайшее критическое изученіе Румянцевской описи, какъ историческаго источника. Здѣсь мы

---

[1]) Ibidem стр. 399.

[2]) *Ал. М. Лазаревскій* Обозрѣніе Румянцевской Описи вып. 1-й стр., 4—12 *его-же* Малороссійскіе посполитые крестьяне стр. 123—129.

[3]) Исторія Руссовъ М. 1846 г., стр. 256—257.

отмѣтимъ одинъ фактъ, заставляющій насъ съ большою осторожностью относиться къ точности цифръ Описи.

Русскій, а затѣмъ и малорусскій народъ всегда съ большой подозрительностью относился къ ревизіямъ. Причины этому вполнѣ понятны. Ревизіи въ Россіи предпринимались съ фискальными цѣлями, и разъ начиналась ревизія, народъ напередъ ждалъ уже и новаго обложенія, новыхъ налоговъ и, поэтому, боялся ревизіи. Отголосокъ такой боязни въ Малороссіи при Румянцевской описи мы видимъ уже въ инструкціи ревизорамъ, въ одномъ изъ пунктовъ которой требуется, чтобы всѣ «все то объявляли, что ведать при семъ отъ нихъ требуется, *безъ всякаго и всѣхъ лживыхъ воображеній какова либо отягощенія*» [1]). Того же числа, когда была издана инструкція ревизорамъ, былъ данъ и «ордеръ нижегородскаго карабинернаго полку господину примеръ—маіору Голенищеву—Кутузову,» командированному въ нѣжинскій полкъ для производства переписи. Въ ордерѣ этомъ Румянцевъ писалъ, между прочимъ: «изволите сами всемъ и всякому, а особо простова народу людямъ, толковать что сие все дѣлается единственно, дабы освободить ихъ отъ неумѣренныхъ, по вернымъ, дошедшимъ и сказавшимся справедливымъ жалобамъ, отъ старшинъ отягощеній» [2]). Если требовались эти разъясненія, если употреблялись затѣмъ угрозы—значитъ, были и причины къ этому, лежавшія въ недовѣріи народа къ ревизіямъ вообще. Трудно думать, чтобы ревизорамъ удалось побѣдить это недовѣріе, а если имъ удавалось, то, конечно, не вездѣ. Народъ могъ скрывать точныя свѣдѣнія, а потому цифровыя данныя могутъ быть, думается намъ, приняты только съ извѣстнымъ приближеніемъ къ истиннымъ даннымъ, различаясь, конечно, по мѣстностямъ. Такъ думаемъ мы, по крайней мѣрѣ, a priori. Если наши соображенія вѣрны, то можно пожалѣть, что В. А. Мякотинъ не высказалъ, какъ онъ склоненъ смотрѣть на достовѣрность цифръ, легшихъ въ основу его изслѣдованія?

Затѣмъ возникаетъ вопросъ относительно количества земли, указаннаго въ «табели,» которой пользовался авторъ. Земля указана тамъ въ десятинахъ и квадратныхъ сажняхъ. Какимъ образомъ добыты эти свѣдѣнія? Трудно думать, чтобы земля перемѣри-

---

[1]) *Ал. Лазаревскій* Малороссійскіе посполитые крестьяне стр. 128 *его же* Обозрѣніе Румянцевской Описи, вып. 1-й стр. 10.

[2]. *Ал. Лазаревскій* Малорос. посполит. крестьяне стр. 129—120.

валась [1]), хотя Румянцевъ, повидимому, и хотѣлъ этого [2]). Вѣроятно, площадь вычислялась или приблизительно, или по количеству посѣва. Насколько можно довѣрять этимъ вычисленіямъ? На сколько затѣмъ можно вѣрить свѣдѣніямъ Описи вообще и «табели» въ частности относительно скота, повинностей? Относительно послѣднихъ В. А. Мякотинъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: имѣющее, впрочемъ, болѣе широкое значеніе: «частные владѣльцы въ дѣлѣ доставленія свѣдѣній о своихъ имѣніяхъ не были такъ упрямы, какъ монастыри, которые въ первое время составленія описи навлекали было на себя даже кары за упорные отказы сообщить требуемыя свѣдѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они оказались и болѣе стойкими, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одному пункту программы, почти ничего не передавъ ревизорамъ насчетъ повинностей, отбывавшихся крестьянами въ пользу помѣщиковъ» [3]). Если дѣло обстояло такимъ образомъ, то этимъ только лишній разъ подтверждаесся необходимость указать *степень* достовѣрности какъ цифръ «табели,» такъ и выводовъ изъ нихъ.

Надѣемся, В. А. Мякотинъ не посѣтуетъ на насъ за наши замѣчанія, которыя ничуть не уменьшаетъ достоинства его замѣчательнаго труда. Изслѣдованіе г. Мякотина является первой попыткой серьезнаго изслѣдованія статистической части Румянцевской Описи, притомъ попыткой, сопровождающейся всѣми строго-научными пріемами, а потому могущей служить образцемъ, *какъ* нужно производить подобнаго рода изслѣдованія. Отъ всей души желаемъ автору дальнѣйшаго продолженія его работъ.

Въ заключеніе два слова относительно одного важнаго вопроса, затронутаго В. А. Мякотинымъ какъ бы мимоходомъ, вопроса о скуплѣ козачьихъ и посполитскихъ земель малороссійской старшиной. Говоря о способахъ образованія крупныхъ владѣній, авторъ указываетъ, между прочимъ, и на скуплю, отводя ей видное мѣсто въ этомъ процессѣ. «Всѣ мѣры, принимавшіяся центральнымъ правительствомъ для остановки этого процесса, не приносили съ собой никакого прочнаго результата.» Авторъ не склоненъ видѣть «единственную причину безплодности этихъ мѣропріятій правительства

---

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 68 стр. 140 § 8.

[2]) *Ал. Лазаревскій.* Обозрѣніе Румянц. Описи вып. 1-й стр. 7 § 7 *его-же* Малор. посполитые крестьяне стр. 125 и 130.

[3]) Сборникъ стр. 179.

въ томъ обстоятельствѣ, что заботиться объ ихъ исполненіи должны были люди, заинтересованные какъ разъ въ противоположномъ (мнѣніе А. М. Лазаревскаго)[1]). Факты подсказываютъ другую причину—экономическую; они «довольно недвусмысленно намекаютъ на отсутствіе соотвѣтствія между средствами крестьянскихъ хозяйствъ и лежавшими на ней платежами». Если бы получилась возможность установить такое несотвѣтствіе, сущность процесса была бы уяснена; было бы и понятно, почему старшина, какъ классъ капиталистовъ, сыгралъ такую крупную роль въ малорусской исторіи.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ, высказаннымъ В. А. Мякотинымъ, и могли бы, съ своей стороны, привести массу указаній въ актахъ, гдѣ земля продавалась или находившаяся въ залогѣ, «въ заставѣ», или «по причинѣ крайняго нынѣ въ хлѣбѣ недороду» или «за крайнимъ убожествомъ». Намъ кажется, что вопросъ о скуплѣ тѣсно связанъ съ двумя другими центральными, если такъ можно выразиться, вопросами малорусской исторіи—вопросомъ о причинахъ обѣднѣнія малорусскаго народа вообще и затѣмъ образованія группы капиталистовъ въ Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ. Борьбою этихъ группъ на почвѣ экономической и политической, борьбою часто не кровавою, а «мирною», можетъ быть, въ значительной мѣрѣ, былъ бы объясненъ характеръ и ходъ малорусской исторіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Правда, вопросъ этотъ очень сложенъ, какъ и всѣ, впрочемъ, центральные важные вопросы и требуетъ еще много предварительныхъ изысканій; но въ виду-то его важности и желательно, чтобы онъ привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Наблюдателю надъ малорусской исторіей XVII и XVIII в. бросаются въ глаза нѣкоторыя причины, которыя должны были неизбѣжно вліять на обѣднѣніе, напр., малорусскаго народа. На однѣ изъ нихъ—постоянныя войны, опустошавшія Малороссію и не дававшія возможности установиться извѣстному нормальному порядку въ ней,—и затѣмъ на переселенія съ праваго берега Днѣпра бездомнаго, неспособнаго вести самостоятельное хозяйство люда—указалъ В. А. Мякотинъ въ другомъ мѣстѣ[2]). Желательно было бы точнѣе выяснить вліяніе этихъ причинъ на увеличеніе числа лицъ слабыхъ экономически; равно какъ влія-

---

[1]) Сборникъ стр. 173.

[2]) *В. А. Мякотинъ.* Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи Рус. Богат. 1895 г. февраль, стр. 37.

ніе и неравномѣрности распредѣленія платежей и повинностей особенно въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи, повинностей, на которыя сыпалось столько жалобъ, и тяжесть которыхъ косвенно констатировало и русское правительство. Стихійныя условія—памятные голодные годы, на которые указываютъ документы, также повидимому, не оставались безъ соотвѣтствующаго вліянія на уменьшеніе экономической обезпеченности малорусскаго народа. На этой почвѣ матеріальной необезпеченности, думается намъ, и могло только развиться явленіе «скупли» и вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребленій старшины. Если бы подтвердились наши соображенія, тогда злоупотребленія эти въ экономической и политической жизни малорусскаго народа явились, можетъ быть, явленіемъ производнымъ, но ужъ никакъ не кореннымъ. Пока, конечно, нельзя дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ выводовъ; можно только желать, чтобы малорусская исторія привлекала къ себѣ больше изслѣдователей и чтобы многіе вопросы детальнаго свойства, касающіеся экономической, юридической и бытовой жизни малорусскаго народа, обратили на себя вниманіе большаго лицъ, желающихъ посвятить себя научной дѣятельности. Мы, поэтому, еще разъ искренно присоединяемсъ къ призыву В. А. Мякотина, обращенному къ студентамъ того университета, въ пользу недостаточныхъ питомцевъ котораго изданъ «Сборникъ»—посвятить свои научныя силы разработкѣ исторической жизни малорусскаго народа, гдѣ «еще цѣлая область представляется намъ въ неясныхъ и случайныхъ очертаніяхъ» (Сборникъ стр. 185).

Ник. Василенко.

Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году. Священника Н. Стеллецкаго. Харьковъ 1895 года. Ц. 1 руб. съ пер.

Харьковскій коллегіумъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ учебныхъ заведеній Россіи въ теченіи большей половины прошлаго столѣтія, когда онъ по-истинѣ служилъ высшимъ просвѣтительнымъ центромъ для всей обширной Слободской Украины. Основанный въ 1726 году бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ (1722—1731 г.), при содѣйствіи извѣстнаго мецената, правителя бѣлгородской провинціи, князя М. М. Голицына, Харьковскій коллегіумъ, пользуясь общими симпатіями

слободского дворянства, весьма быстро пошелъ по пути развитія и совершенствованія. Устроенныя по образцу кіевской академіи, харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ назывался въ началѣ своего существованія Харьковскій коллегіумъ, не больше, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ своего основанія, сдѣлались извѣстными далеко за предѣлами Слободской Украйны и удостоились получить одобреніе за свою просвѣтительную дѣятельность на пользу не только мѣстнаго края, но и всего вообще русскаго государства съ высоты императорскаго престола. Грамотою отъ 16 марта 1731 года императрица Анна Іоанновна утвердила харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ училище *всесословное, русское и православное.* «Учить», говорилось въ этой граммотѣ, *«всякаго народа и званія дѣтей православныхъ,* не только піитики, риторики, но и философіи, и богословія славяно-греческимъ и латинскимъ языки, также стараться, чтобы такія науки вводить *на собственномъ россійскомъ языкѣ* и преподавать ученіе съ усердіемъ и тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, *отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя церкви исповѣданія».* Такимъ образомъ, правительство возлагало на харьковскія славяно-греко-литовскія школы высокую и отвѣтственную задачу—быть разсадникомъ просвѣщенія для людей всѣхъ званій и сословій, на русскомъ языкѣ и въ духѣ православной церкви. Соотвѣтственно такому своему назначенію, харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ общеобразовательное и общесословное учебное заведеніе, усвоили себѣ скоро имя коллегіума и внесли нѣкоторыя перемѣны въ самую учебную программу свою. При архіеп. Петрѣ Смѣличѣ (1736—1742 г.) въ Харьковскомъ коллегіумѣ было введено преподаваніе математики и исторіи, а также французскаго и нѣмецкаго языка, для чего нарочито были вызваны изъ-за границы особые учители и были выписаны необходимые французскіе инструменты и книги. Введеніе преподаванія сейчасъ означенныхъ наукъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ придавало реальный характеръ коллегіумскому образованію, что сдѣлало коллегіумъ еще болѣе симпатичнымъ въ глазахъ начальства и слободскаго дворянства. Теперь Харьковскій коллегіумъ получилъ характеръ, дѣйствительно, общеобразовательнаго учебнаго заведенія, а не спеціально духовной семинаріи, и потому мѣстные дворяне съ великою охотою отдавали сюда своихъ дѣтей для обученія. Какъ высоко стоялъ тогда Харьковскій коллегіумъ въ глазахъ высшаго начальства, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Когда въ 1739 году архіеп. Петръ переведъ, вслѣдствіе свирѣпство-

вавшей тогда въ Харьковѣ холерной эпидеміи, коллегіумъ въ свою архіерейскую слободу Грайворонъ и выражалъ намѣреніе оставить его на-всегда, то св. Синодъ безусловно запретилъ ему это, причемъ въ синодальномъ указѣ на имя преосв. Петра говорилось: «таковымъ *знатнымъ училищамъ* въ селахъ быть весьма неприлично, а наипаче *внѣшнихъ странъ* имѣетъ быть не безъ зазрѣнія». Изъ послѣднихъ словъ синодальнаго указа видно, что Харьковскій коллегіумъ уже въ то время былъ хорошо извѣстенъ за границей. Вскорѣ послѣ того высшее начальство, вѣроятно, для того, чтобы еще болѣе возвысить значеніе Харьковскаго коллегіума и усилить его просвѣтительное вліяніе на окружное населеніе, подчинило ему всѣ остальныя духовно-учебныя заведенія бѣлгородско-обоянской епархіи и строжайше предписало (19 ноября 1742 г.) епархіальному начальству внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанники этихъ заведеній непремѣнно поступали въ Харьковскій коллегіумъ для довершенія своего образованія. Теперь Харьковскій коллегіумъ сдѣлался высшимъ центральнымъ учебнымъ заведеніемъ бѣлгородско-обоянской епархіи, своимъ объемомъ значительно превосходившей Слободскую Украйну,— своего рода академіею обширной епархіи. И, дѣйствительно, Харьковскому коллегіуму въ это время было усвоено названіе академіи, которое едва-ли было простымъ почетнымъ титуломъ, а, должно думать, соотвѣтствовало дѣйствительному положенію коллегіума въ ряду другихъ учебныхъ заведеній и означало нѣкоторыя перемѣны въ самомъ устройствѣ его. Харьковская, или, какъ она иногда называлась, Тихорѣціанская академія вполнѣ оправдывала то вниманіе и тѣ надежды, какія возлагались на нее высшимъ правительствомъ. Въ глазахъ этого послѣдняго Харьковскій коллегіумъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ учебныхъ заведеній во всей Россіи. Даже такая просвѣщенная государыня, какъ императрица Екатерина II, весьма высоко цѣнила заслуги Харьковскаго коллегіума на пользу русскаго просвѣщенія. Она сдѣлала распоряженіе еще болѣе расширить кругъ коллегіумскаго образованія введеніемъ въ учебный курсъ коллегіума, геометріи, рисованія, инженерства, артиллеріи и геодезіи на что въ 1765 г было ассигновано ею 3000 руб. А черезъ три года послѣ того, по ея же приказанію, были открыты при коллегіумѣ особые «прибавочные классы» для спеціальнаго преподаванія сейчасъ означенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ (напр., итальянскаго языка) свѣтскихъ предметовъ. Въ это же время при Харьковскомъ коллегіумѣ была открыта особая кафедра «россійской элоквенціи и поэзіи» и

выработана опредѣленная программа для преподаванія всѣхъ вообще предметовъ. Это была пора высшаго процвѣтанія Харьковскаго коллегіума. Вскорѣ послѣ того онъ начинаетъ постепенно падать и терять свое прежнее значеніе общеобразовательнаго высшаго учебнаго заведенія. Къ концу прошедшаго столѣтія Харьковскій коллегіумъ совершенно лишился своего прежняго высшаго положенія и сдѣлался обыкновенною епархіальною семинаріею. Поэтому, архіеп. Ѳеоктистъ распорядился (25 мая 1790 года) замѣнить прежнее названіе Харьковскаго коллегіума скромнымъ именемъ Харьковской семинаріи. И хотя вскорѣ затѣмъ Харьковская семинарія снова присвоила себѣ прежнее почетное названіе коллегіума, но это послѣднее названіе ничего не выражало: Харьковскій коллегіумъ окончательно и на-всегда сдѣлался обыкновенною среднею школою духовно-учебнаго вѣдомства. Главною причиною упадка Харьковскаго коллегіума было сокращеніе матеріальныхъ средствъ его. Съ самаго начала своего существованія Харьковскій коллегіумъ владѣлъ весьма значительными матеріальными средствами—такими, какихъ не имѣла ни одна изъ существовавшихъ тогда русскихъ школъ. Кромѣ обыкновенныхъ сборовъ съ доходовъ церквей и монастырей, Харковскій коллегіумъ владѣлъ весьма значительными вотчинами, какія отчасти были приписаны къ нему фундаторомъ его, епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ, а отчасти были пожертвованы кн. М. М. Голицынымъ и другими дворянами Слободской Украйны. Но въ 70-хъ годахъ и особенно въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія эти значительныя средства Харьковскаго коллегіума сократились. Наконецъ, въ 1787 г. всѣ вотчины Харьковскаго коллегіума, не исключая и пожертвованныхъ кн. Голицынымъ, были отобраны въ вѣдѣніе Государственнаго Казначейства, при чемъ на всѣ духовныя школы бѣлградско-обоянской епархіи была ассигнована штатная сумма въ количествѣ 2000 руб., изъ коихъ только половина должна была употребляться на содержаніе Харьковскаго коллегіума. Это и было причиною упадка Харьковскаго коллегіума.

Такова исторія Харьковскаго коллегіума и таково значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и, въ частности, въ исторіи просвѣщенія Слободской Украйны. Такому-то важному предмету посвящено сочиненіе священника Н. Стеллецкаго, заглавіе котораго мы выписали выше и которое вышло въ самомъ концѣ прошедшаго года. Сочиненіе это не первый трудъ, посвященный исторіи Харьковскаго коллегіума. Исторія этого послѣдняго имѣетъ уже сравнительно широкую литературу. Кромѣ многихъ журнальныхъ статей,

имѣются уже спеціальныя монографіи по исторіи Харьковскаго коллегіума, каковы: 1) Очеркъ исторіи Харьковскаго коллегіума прот. Н. А. Солнцева. (Хар. 1881 г.) и 2) Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета, проф. А. С. Лебедева (М. 1886 г.). Правду сказать, намъ показался очень сдержаннымъ отзывъ священника Н. Стеллецкаго объ этихъ трудахъ. Произведенія проф. Лебедева и прот. Солнцева имѣютъ высшую цѣну. Особенная цѣнность ихъ заключается въ томъ, что они составлены исключительно на основаніи архивнаго матеріала, собраны по мелкимъ крупицамъ. Послѣ указанія литературы предмета, священникъ Н. Стеллецкій говоритъ: «авторъ предлагаемаго труда одушевленъ желаніемъ восполнить указанный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ о харьковскомъ коллегіумѣ (стр. 3)». Весьма жаль, что авторъ не объясняетъ, какъ онъ понимаетъ то «восполненіе пробѣла въ исторической литературѣ о Харьковскомъ коллегіумѣ», какое онъ поставляетъ цѣлію своего труда. Судя по тому, что раньше (стр. 2) онъ скорбитъ отъ отсутствія у насъ «полнаго и обстоятельнаго изученія исторіи» Харьковскаго коллегіума, онъ свое восполненіе понимаетъ не въ смыслѣ простого систематическаго свода всего того, что извѣстно въ нашей печатной литературѣ о Харьковскомъ коллегіумѣ, а въ смыслѣ именно «полнаго и обстоятельнаго изученія его исторіи». Но тогда рѣшительно необходимо было объяснить, какими новыми матеріалами пользовался авторъ «полнаго и обстоятельнаго» изученія, равно какъ справедливость требовала объяснить, въ чемъ именно авторъ новаго труда дополнилъ прежнія сочиненія по тому же предмету, признаныя имъ имѣющими «крупные нелочеты» (стр. 2). Изъ самаго сочиненія правда, видно, что священникъ Н. Стеллецкій въ видахъ составленія «полнаго и обстоятельнаго» очерка исторіи Харьковскаго коллегіума занимался въ архивахъ св. Синода, Харьковской духовной Консисторіи, Курской духовной Консисторіи, Харьковскаго Покровскаго монастыря и Курскаго Знаменскаго монастыря и Харьковскаго коллегіума на дѣла и документы которыхъ онъ весьма часто ссылается въ своемъ сочиненіи. Кстати скажемъ здѣсь о нѣкоторыхъ весьма оригинальныхъ особенностяхъ цитаціи, употребляемой авторомъ. У него встрѣчаются напр., подобныя цитаты: Архивъ духовной консисторіи (см. соч. стр. 103 прим. 1; стр. 111 прим. 2; стр. 128 прим. 1; стр. 150 прим. 1; стр. 157 прим. 3; стр. 192 прим. 2 и мн. др.), архивъ Курской духовной консисторіи (см. соч. стр. 135 прим. 1;

стр. 142 прим, 1; стр. 147 прим. 1), архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря (стр. 166 прим. 1 и др.). Спрашивается: что можетъ означать общая ссылка на архивъ Харьковской или Курской духовной консисторіи, гдѣ находится нѣсколько сотъ тысячъ дѣлъ и гдѣ имѣется даже по нѣскольку описей этихъ дѣлъ? Сознаемся, что мы рѣшительно не понимаемъ ни цѣли, ни значенія подобныхъ цитатъ. Мы признаемъ даже совершенно безцѣльными, излишними и неточными цитаты автора въ родѣ, напр., слѣдующихъ: архивъ Харьковской духовной консисторіи 1806 г. (соч. стр. 27 прим. 1 ср. стр. 81 прим. 1; стр. 109 прим. 2 и весьма мн. др.), архивъ Харьковскаго Покровскаго монастыря 1807 г. (см. соч. стр. 65 прим. 1 и др.). Въ сочиненіи есть даже ссылки на несуществующіе архивы. Напр., въ нѣсколькихъ случаяхъ авторъ въ подтвержденіе своихъ положеній ссылается на архивъ Харьковскаго коллегіума (см. соч. стр. 95 прим. 1, стр. 85 прим. 1, гдѣ упоминается даже архивъ Харьковскаго *духовнаго* коллегіума). Было бы въ высшей степени любопытно слышать отъ автора, гдѣ помѣщается нынѣ архивъ харьковскаго коллегіума. Въ архивѣ харьковскаго семинарскаго правленія въ настоящее время имѣется только самая маленькая связка бумажекъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго коллегіума.

Кромѣ краткаго введенія, посвященнаго указанію литературы предмета, сочиненіе автора состоитъ изъ шести главъ, изъ коихъ въ первой (стр. 4—23) говорится объ основаніи и помѣщеніи Харьковскаго коллегіума, во второй (стр. 23—52) объ *управленіи* Харьковскаго коллегіума, начальникахъ, наставникахъ и *питомцахъ* его, въ третьей (стр. 52—84)—о средствахъ содержанія Харьковскаго коллегіума, въ четвертой (стр. 84—119)—о средствахъ содержанія учителей и учениковъ коллегіума, въ пятой (стр. 119—164)—о всесословномъ характерѣ Харьковскаго коллегіума и обязательности образованія въ немъ для дѣтей духовенства и въ шестой (стр. 164—219) объ учебно-воспитательной части въ харьковскомъ коллегіумѣ. Не споримъ, что распредѣленіе матеріала по главахъ зависитъ отъ усмотрѣнія самаго автора и само по себѣ это распредѣленіе есть дѣло не важное. Однако же не скроемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній нашихъ по поводу этого распредѣленія. Намъ напр., не понятно, почему авторъ отнесъ рѣчь о помѣщеніяхъ коллегіума къ первой главѣ, гдѣ говоритъ онъ объ основаніи коллегіума. Еще бы ничего, если бы авторъ говорилъ здѣсь о томъ именно помѣщеніи, какое было пріобрѣтено для коллегіума при самомъ основаніи его. Но совершенно неумѣстно,

по нашему мнѣнію, здѣсь излагать исторію помѣщеній коллегіума до 1817 года, тѣмъ болѣе, что о ремонтѣ и содержаніи помѣщеній коллегіума авторъ говоритъ въ четвертой главѣ своего сочиненія (см. стр. 103—105). Затѣмъ намъ осталось совершенно непонятнымъ, почему авторъ отдѣлилъ четвертую главу отъ третьей. Съ нашей точки зрѣнія, эти главы должны составить одинъ трактатъ, такъ какъ въ обѣихъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ. Кромѣ того, заглавіе четвертой главы («средства содержанія учителей и учениковъ Харьковскаго коллегіума») намъ кажется и непонятнымъ, и не соотвѣтствующимъ содержанію главы, въ которой говорится собственно о бытѣ учителей и учениковъ коллегіума (стр. 83—102), ремонтѣ зданій, прислугѣ, о церкви и больницѣ коллегіума (стр. 102—105) о бытѣ квартирныхъ учениковъ коллегіума, о надзорѣ за ихъ поведеніемъ, зачисленіи за ними мѣстъ по епархіальной службѣ, репетиторства и отпускѣ коллегіумистовъ на кондиціи (стр. 105—119), между тѣмъ какъ вопросъ о средствахъ (собственно объ источникахъ) содержанія учащихъ и учащихся былъ обстоятельно разсмотрѣнъ авторомъ въ предыдущей главѣ.

Въ сочиненіи священника Н. Стеллецкаго есть еще нѣкоторыя частности, могущія въ читателѣ, знакомомъ съ предметомъ изслѣдованія, вызывать сомнѣнія, или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія и неудовлетворенность. Напр., авторъ признаетъ *категорически*, что помѣщеніе для Харьковскаго коллегіума въ видѣ каменнаго двухъэтажнаго дома было куплено преосвящ. Епифаніемъ Тихорскимъ и кн. М. М. Голицынымъ у полковника Шидловскаго. Въ свое время мы сами склонились въ пользу такого рѣшенія настоящаго вопроса (см. Духовныя Школы Курско-бѣлоградской епархіи, вып. I и П. К. 1895 г. стр. 4), но въ дѣйствительности едва ли это рѣшеніе вопроса можетъ быть признано категорически вѣрнымъ. Данилевскій въ извѣстной своей статьѣ «Харьковскія народныя школы» приводитъ, между прочимъ, отрывокъ изъ рукописной замѣтки г. Кеппена, находящейся въ дѣлахъ Харьковскаго университета подъ заглавіемъ. «училища въ Харьковѣ», гдѣ прямо утверждается, что «*Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ*» (см. Украинская Старина Г. П. Данилевскаго X. 1866 г. стр. 302). Да и подлинное дѣло объ основаніи Харьковскаго коллегіума, хранящееся въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи, также не располагаетъ къ принятію мнѣнія г. Кеппена. Затѣмъ авторъ сочиненія признаетъ случайнымъ явле-

ніемъ то, что Харьковскій коллегіумъ нѣкоторое время назывался въ *оффиціальныхъ* бумагахъ академіею. Намъ же думается, что это не было случайностію, которая была обусловленна, по мнѣнію автора (см. стр. 1—2), знатностію училища. Высшее начальство не могло случайно раздавать титулы подчиненнымъ учебнымъ заведеніямъ. Можно думать, что названіе коллегіума академіею было обусловлено другими, болѣе важными и существенными причинами, напр., перемѣною въ самомъ устройствѣ коллегіума, или особеннымъ положеніемъ его въ отношеніи къ низшимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи, которыя также въ это именно время мѣняетъ свои названія: бѣлгородская семинарія называется теперь въ оффиціальныхъ актахъ гимназіею, а курскія историческія славяно-латинскія школы—семинаріями. Напримѣръ, авторъ оставляетъ совершенно неразъясненнымъ весьма интересный вопросъ о т. н. «прибавочныхъ классахъ», учрежденыхъ при Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1768 г., вѣроятно, потому, что остался неразъясненнымъ и у прежнихъ изслѣдователей исторіи Харьковскаго коллегіума. Авторъ ограничивается самыми краткими замѣчаніями по этому важному вопросы (стр. 123—124). При этомъ мы позволяемъ себѣ не согласиться съ принимаемымъ имъ объясненіемъ причины учрежденія прибавочныхъ классовъ при Харьковскомъ коллегіумѣ. Не «приливъ дѣтей свѣтскаго званія въ коллегіумъ» послужилъ этою причиною, а, вѣроятнѣе всего, положительное желаніе правительства расширить сферу просвѣтительнаго вліянія такого заведенія, какъ Харьковскій коллегіумъ.

Такія мысли и такія соображенія вызвало въ насъ чтеніе сочиненія священника Н. Стеллецкаго. Да не посѣтуетъ же насъ почтенный авторъ за нихъ. Предметъ, какимъ онъ занимался, дорогъ и близокъ и намъ, дорогъ онъ, думаемъ, и для многихъ другихъ. Многіе, надѣемся, съ интересомъ прочтутъ трудъ автора. Въ предѣлахъ поставленныхъ авторомъ себѣ задачъ—свести въ одно цѣлое все то, что доселѣ сдѣлалось достояніемъ печатной литературы касательно Харьковскаго коллегіума—трудъ автора обладаетъ солидными достоинствами. Онъ составленъ на основаніи тщательнаго знакомства съ печатною литературою предмета и съ видимою любовью къ предмету изслѣдованія. Рѣчь автора—живая, ясная и ровная. Есть въ сочиненіи и нѣчто новое сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно уже въ печати. Таковы, напр. цѣнныя указанія автора на нѣкоторые рукописные сборники учебниковъ и лекцій, продававшихъ-

ся въ Харьковскомъ коллегіумѣ (см. стр. 172 прим. 1, стр. 176 прим. 1 и 2, стр. 181 прим. 2) и на рукописные же сборники ученическихъ упражненій (см. стр. 186 прим. 1 и стр. 205 прим. 1).

Ѳ. Титовъ.

Кіевъ, 1896 года 27 января.

В. Антоновичъ, „Археологическая карта Кіевской губерніи“ (приложеніе къ XV т. „Древности“). изд. Имп. Московск. Археологич. Общ. М. 1895 г. Карта+139+20 стр. in 4⁰.

Давно ожидаемая археологическая карта кіевской губ. наконецъ появилась въ свѣтъ. Мы говоримъ «давно ожидаемая» на томъ основаніи, что слухи о составленіи такой карты существовали уже лѣтъ пять тому назадъ, если не больше; на это указываетъ напр. и то обстоятельство, что газеты, изъ которыхъ брались, между прочимъ, свѣдѣнія для карты, просмотрѣны только по 1889 годъ. Конечно жаль, что изданіе карты такъ затянулось, но сожалѣнія теперь неумѣстны—фактъ совершился, обратимся къ нему. Большой недостатокъ русской археологіи, чувствующійся въ настоящее время все больше и больше,—отсутствіе объединяющихъ работъ, гдѣ бы накопившійся уже въ достаточной мѣрѣ сырой матеріалъ получилъ должную обработку, гдѣ бы были сведены воедино результаты отдѣльныхъ изслѣдованій; безъ такихъ работъ русская археологія будетъ оставаться въ томъ хаотическомъ положеніи, въ какомъ она находится теперь, когда, при отсутствіи общаго плана, изслѣдованія зачастую производятся, если можно такъ выразиться, по вдохновенію. Недостатокъ этотъ могутъ отчасти пополнить археологическія карты, которыя, соединяя, хотя бы даже чисто механически, разъединенныя данныя, даютъ возможность наглядно представить себѣ распространеніе того или другого вида памятниковъ на извѣстной территоріи, тѣ пути, по которымъ шло это распространеніе, количество памятниковъ, ихъ взаимную связь. Всему этому отвѣчаетъ настоящая карта кіевской губ.; она даетъ даже больше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ такого рода работъ. Составлена она ученымъ, которому многимъ обязана русская археологія юга, въ изслѣдованіяхъ котораго мы и раньше встрѣчали обобщенія сырого матеріала, какъ напр.

въ вопросахъ о классификаціи кургановъ, о бронзовомъ вѣкѣ и т. п. Начнемъ съ текста, предшествующаго картѣ. Прежде всего мы находимъ объясненіе графическихъ знаковъ; особыми знаками нанесены на карту курганы--неизслѣдованные, съ погребеніемъ, съ сожженіемъ; курганы въ городищахъ; могилы—съ погребеніемъ и сожженіемъ; городища—майданы; валы; искусственныя пещеры,—изслѣдованныя и неизслѣдованныя; каменныя бабы; монеты; особымъ цвѣтомъ обозначается принадлежность предметовъ къ каменному, бронзовому или желѣзному вѣку; кромѣ того, есть особые знаки для обозначенія единичныхъ находокъ или находокъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ предметовъ, затѣмъ, мастерскихъ и стоянокъ—селищъ, при монетахъ буквами обозначается принадлежность монетъ тому или другому государству; наконецъ, цифры показываютъ количества обнаруженныхъ памятниковъ. Какъ видимъ, свѣдѣнія по своей полнотѣ не требуютъ никакихъ дополненій. За объясненіемъ знаковъ идетъ перечисленіе источниковъ, послужившихъ для составленія карты, здѣсь, кромѣ печатныхъ, находимъ и рукописные, напр.—замѣтки самого автора, отличающіяся особенной цѣнностью, вымѣтки Д. Айналова изъ дѣлъ Импер. Археолог. Коммиссіи, замѣтки гр. Уварова, Гошкевича, донесенія волостей и исправниковъ; пользовался авторъ также и коллекціями, какъ общественными, такъ и частными: музеями кіевскаго университета и церковно-археолог. общества при Кіевской академіи, собраніями—автора, Волошинскаго, Бѣляшевскаго, Зносько-Боровскаго, Поля, Хойновскаго, гр. Уварова, Краковской академіи. Что касается системы, которой придерживался авторъ, при распредѣленіи матеріала, то ее нужно признать найболѣе удачной и вполнѣ научной. Въ основу ея положены тѣ естественные пути, по которымъ въ древности главнымъ образомъ распространялась та или другая культура; пути эти—рѣки; авторъ и распредѣляетъ матеріалы по системамъ рѣкъ и водораздѣламъ между ними; начинаетъ описаніе съ сѣвера, съ радомысльскаго у., и постепенно проходитъ уѣзды кіевскій, васильковскій, сквирскій, бердичевскій, липовецкій, таращанскій, каневскій, черкасскій, звенигородскій и уманскій. Отдѣльно описаны валы кіевской губ. Послѣднія 20 страницъ занимаютъ указатели именъ географическихъ и предметный. Въ виду того, что при перечисленіи находокъ каждой мѣстности обозначаются всѣ вообще найденные предметы, относящіеся зачастую къ разнымъ эпохамъ, предметный указатель является необходимымъ;

составленіе его представляетъ большія трудности, поэтому нужно быть благодарнымъ автору, подѣлившемуся такимъ путемъ тѣми наблюденіями, которыя явились результатомъ знанія и долгаго опыта. Предметы распредѣлены такимъ образомъ: каменный вѣкъ—стоянки палеолитической эпохи, стоянки неолитической эпохи, каменныя отбивныя орудія, камен. полированныя орудія. пещеры, рисунки на камняхъ, костяныя орудія; бронзовый вѣкъ: орудія и оружіе; желѣзный вѣкъ: оружіе, украшенія и орудія, глиняные сосуды, амфоры, греческія издѣлія, судна и якоря, каменныя бабы; курганы (свѣдѣнія о 13200 к., изъ нихъ 842 вскрытыхъ): свѣдѣнія вообще, типы—каменнаго вѣка, каменныя кисты съ жженными костями и каменными орудіями, кург. съ костями, окрашенными охрой, кург. скифскаго типа, к. желѣзнаго вѣка съ неопредѣленнымъ погребальнымъ типомъ, древлянскаго типа, съ сожженными костями и содержащіе погребеніе людей съ оружіемъ и конемъ; городища (435 ; городища—майданы; древности исторической эпохи: селища, развалины построекъ, золотые эмалированные предметы княжескаго періода, печати, церковныя принадлежности, колокола, кресты, панагіи, христіанскія гробницы, огнестрѣльное оружіе; монетные клады.

Карта составлена въ масштабѣ 10 верстъ въ англ. дюймѣ; кромѣ того, есть отдѣльный планъ г. Кіева въ гораздо большемъ масштабѣ. Исполненіе карты вполнѣ удовлетворительно, хотя вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія; такъ напр., на картѣ очень слабо представленъ рельефъ мѣстности, для изученія-же распредѣленія древностей, особенно доисторическихъ, это обстоятельство имѣетъ громадное значеніе. Затѣмъ, намъ представляется излишнимъ нанесеніе на карту тѣхъ мѣстностей, при которыхъ не было найдено никакихъ древностей; еще больше пестнитъ карту и затрудняетъ пользованіе ею обозначевіе дорогъ, особенно проселочныхъ,—никакого значенія ни историческаго, ни тѣмъ болѣе археологическаго онѣ не имѣютъ; можно было-бы ограничиться обозначеніемъ, насколько это возможно, старыхъ сухопутныхъ дорогъ.

Археологическая карта кіевской губ. заключаетъ собою рядъ предшествовавшихъ работъ о древностяхъ этой губерніи, работъ такихъ было не мало, и въ этомъ отношеніи кіевская губ. находится въ сравнительно счастливомъ положеніи. Въ иномъ положеніи находятся другія губерніи хотя-бы того-же юго-западнаго края обработка и группировка археологическаго матеріала здѣсь почти со-

всѣмъ не тронута; будемъ надѣяться, что почтенный авторъ, которому такъ хорошо извѣстны прошлыя судьбы края, пополнитъ со временемъ и этотъ пробѣлъ...

Н. Б.

В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древностей".) Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1895 г. [1]).

Императорское Московское Археологическое Общество оказало уже не мало услугъ развитію у насъ археологическихъ знаній и интереса къ занятіямъ археологіей среди русскаго общества. Достаточно вспомнить только, что столь прочно установившіеся въ настоящее время археологическіе съѣзды обязаны своимъ возникновеніемъ тому-же Обществу. Въ послѣднее время оно задалось весьма важною цѣлью—собрать свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихся въ Россіи археологическихъ памятникахъ, какъ курганы, городища, еще не обслѣдованные, такъ и обслѣдованные съ указаніями на всѣ открытые въ нихъ предметы, древности, о случайныхъ находкахъ такихъ предметовъ съ приблизительнымъ хотя-бы указаніемъ мѣстности ихъ открытія. Предположено для достиженія намѣченной цѣли составить археологическія карты отдѣльныхъ губерній, что и поручено выполнить членамъ Общества. Желательно, конечно, при этомъ, чтобы взявшійся составлять такую карту былъ въ одно и то-же время и вмѣстѣ съ тѣмъ давній мѣстный житель, хорошо знакомый съ географіей и топографіей своей губерніи. Оба эти условія вполнѣ удовлетворяетъ В. Б. Антоновичъ. Вотъ почему всякій интересующійся археологіей почти увѣренно можетъ положиться на археологическую карту Кіевской губерніи, зная, что показанія такихъ, все таки болѣе или менѣе сомнительныхъ источниковъ, какъ «донесенія волостей о сохранившихся памятникахъ древности, собранные центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1873 году», какъ «Матеріалъ, сообщенный Московскому Археологическому Обществу г. кіевскимъ губернаторомъ изъ донесеній исправ-

---

[1]) Въ виду особенной научной цѣнности этого труда В. Б. Антоновича, считаемъ умѣстнымъ помѣстить и вторую рецензію, являющуюся дополненіемъ къ первой.—*Ред.*

никовъ въ 1888 году», какъ даже «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи», Фундуклея, который тоже собиралъ свои свѣдѣнія, по всей вѣроятности, отъ волостей и исправниковъ, зная, что показанія этихъ источниковъ въ большей части провѣренно личнымъ наблюденіемъ составителя карты, изъѣздившаго и даже исходившаго кіевскую губернію вдоль и поперекъ и производившаго на ея территоріи многочисленныя раскопки. Этотъ новый трудъ Б. Б. Антоновича распадается собственно на двѣ части: 1) источники, послужившіе для составленія карты и 2) самая карта, Первая часть заключаетъ въ себѣ перечень источниковъ, которыми пользовался составитель, и затѣмъ обозначеніе всѣхъ археологическихъ памятниковъ, существующихъ, существовавшихъ и когда-либо открытыхъ на территоріи Кіевской губерніи. Система принята такая. Весь матеріалъ разбитъ на уѣзды; въ каждомъ уѣздѣ составлены группы населенныхъ мѣстностей, занимающія какую-нибудь естественно ограниченную территорію; населенныя мѣстности каждой группы размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ и при каждой указаны открытые около нихъ предметы древности или существующіе археологическіе памятники. Такъ радомысльскій уѣздъ разбитъ на такія части: 1) група поселеній между р. р. Припятью и Ушью, 2) между р. р. Ушью и Тетеревомъ, 3) между рѣкою Тетеревомъ и границей кіевскаго уѣзда, 4) между рѣкою Тетеревомъ и границею сквирскаго уѣзда. Для обозначенія на картѣ археологическихъ памятниковъ принято 23 условныхъ знака. Намъ кажется, что является необходимымъ еще одинъ условный знакъ. Для обозначенія городищъ принято два знака: городище—четыреугольникъ и городище—майданъ—два соединенныхъ конуса. Но самыя городища бываютъ двухъ главныхъ типовъ: круглыя и угольныя четырехъ и многоугольныя). На сколько намъ извѣстно, круглыя городища археологи признаютъ за древнѣйшія. Слѣдовательно, не лишнее было-бы отмѣтить на картѣ эти два типа и обозначать круглыя городища какимъ-нибудь особымъ знакомъ. Если признать, что городища суть слѣды древнѣйшихъ поселеній, то особый знакъ для круглыхъ городищъ давалъ-бы намъ возможность сразу видѣть на картѣ районъ древнѣйшихъ поселеній и укрѣпленныхъ линій земель и княжествъ. Самая карта выполнена превосходно, какъ по внѣшнему изяществу, такъ и по точности иногда сложныхъ обозначеній.

Въ концѣ карта снабжена указателемъ именъ географическихъ и указателемъ предметнымъ. Послѣдній разбитъ на слѣдующія части;

1) каменный вѣкъ, 2) бронзовый вѣкъ, 3) желѣзный вѣкъ, 4) курганы, 5) городища, 6) древности исторической эпохи, 7) монетные клады. Городища и въ указателѣ разбиты только на двѣ группы. Нужно еще сказать, что части указателя—древности исторической эпохи и монетные клады,—частнѣе заключаютъ въ себѣ указанія въ алфавитномъ порядкѣ отдѣльныхъ открытыхъ предметовъ и памятниковъ, и монетъ. Несомнѣнно, археологическая карта, составленная В. Б. Антоновичемъ, представляетъ крупное явленіе въ русской наукѣ и окажетъ важную услугу и археологу и историку.

П. Г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «Русской Старины» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1896 ГОДЪ

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„Одесскія Новости“

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отно-

шеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной подержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новыя затраты для улучшенія нашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношеніи.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики литературы искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, разсказы и т. п. На праздникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій Нумеръ», содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтскаго чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристическій отдѣлъ, для участія въ которомъ нами приглашены нѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣлъ городского хозяйства и на областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 68 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Сознавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество спеціалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золоторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будутъ помѣщать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственныя письма и знакомить съ сельско-хозяйственною литературою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Но недовольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣст-

ныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, наукъ и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд).. А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, профессоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Наake, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Нилусъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), профессоръ Ѳ. И. Успенскій, профессоръ П. Ѳ. Федоровъ, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшенно съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложенными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзнодорожныя станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

	Безъ доставки.	Съ достанкой.
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	9 » — »

Съ пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	1 р. 10 к.
» 3 »	3 » — »
» 6 »	5 » 50 »
На годъ	10 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногородныхъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія

5 руб.; для городскихъ—при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 руб.

Подписка принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й годъ изданія. **„СѢВЕРЪ“.** IX-й годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Сѣверъ» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первоклассным европейскимъ журналамъ, какъ «The Graphic», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ «Сѣвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ *и на 1896 годъ ту-же подписную цѣну, а именно:*

НА ГОДЪ (БЕЗЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРЕМІИ):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**; безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской **6 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 р.** Съ пересылкою за-границу **11 р.**

НА ГОДЪ (СЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРЕМІЕЙ):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **7 р.**; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской **7 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **8 р.**; съ пересылкою за-границу **12 р.**

Разсрочка подписной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ **„СѢВЕРЪ“** дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: «Умирающій Левъ», историческій романъ изъ временъ Кав

казской войны, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко; «Похожденія Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологическій этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Потерянный день», повѣсть І. І. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Саліаса. Кромѣ того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ. А. П. Чеховъ, И. Н. Потапенко, П. П. Гнѣдичъ, Н. Кочетовъ, А. Коринфскій, О Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фоафновъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то есть 12 томовъ, объемомъ около 2 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложеній къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся:

«Лазурный Край» — Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками.

«Іерусалимъ» Пьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галилея» — того же автора.

«За кулисами у художниковъ» очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Келлера-Виліанди, Л. Лагоріо, Лаверецкаго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО"

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначеннаго, въ 1896 г. подписчики журнала «Сѣверъ» получатъ:

отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ,

исполненный олеографическимъ способомъ, того же размѣра и художественнаго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИКОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора *Н. А. Александровъ.* Издатель *Н. Ѳ. Мертцъ.*

Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ"—СПБ., Екатерининская ул., № 4.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ изданія. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ изданія.

„Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“.

(24-й годъ изданія).

Подписчики получатъ 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировки и натаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридическій отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственныя распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библіографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты“.

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничьихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышленниковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографическіе снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничьихъ

подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ. «Альбомъ охоты» представитъ въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычею, проводниками, псковичами и пр.). и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничьихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничьихъ приваловъ, охотничьихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть присланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографіи не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи **15** р., на полгода **7** р. **50** к. За границу **20** р. На пересылку преміи высылается *добавочный рубль.*

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

Издатели-редакторы: (*Л. П. Сабанѣевъ.*
(*Н. В. Туркинъ.*

3—3

НОВОСТИ ПЕЧАТИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й г *Подъ редакціей В. А. Гатцука.* **2-й г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждаго мѣсяца книгами большого журнальнаго формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интереснымъ, что появляется въ русской и иностранной періодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати“ будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ“, въ которомъ не только будутъ даваться характеристики

разсматриваемыхъ изданій съ точки зрѣнія добросовѣстности исполненія данныхъ подписчикамъ обѣщаній, направленія и пр., но также—критическіе разборы отдѣльныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ разсматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнымъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и безпристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящикѣ“ на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаціи лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати“.

Для борьбы съ недобросовѣстной аферой въ издательскомъ дѣлѣ—журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на $^1/_2$ года 3 р., на $^1/_4$ года 1 р. 50 к. (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта—2 р. и 1-го Іюня—1 р.) Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ 4 руб. на $^1/_2$ года 2 р. и $^1/_4$ года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати“ Москва, Пречистенка, Дурновъ пер. домъ Паренаго.

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торговляхъ столицъ и главныхъ провинціальныхъ городовъ. Съ разсрочкой—только въ редакціи.

3—3

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

III-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,

съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ

картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу	для членовъ Кружка	4 р.
„ 1 „	„ подписчиковъ на журналъ	6 „
„ 1 „	„ всѣхъ остальныхъ	10 „
„ 1 „	въ годъ для членовъ и подписчиковъ . . .	35 „
„ 1 „	„ „ „ всѣхъ остальныхъ	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $^1/_4$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Тѣпоревъ*

3—3

Принимается подписка въ 1896 году на „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Въ 1896 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ„ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта,

мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахменовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулгинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понамаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета: профессора Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ, Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ѳ. Катановъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

3—3

Годъ въ 1896 году второй

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами не менѣе 15 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1896 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ, Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжныя магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающія гонораръ можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтеній состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. Церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Ѳ. А. Богданова (Никольская) и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся каталогѣ, безплатно доставляемомъ желающимъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» — еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»—двухмѣсячный журналъ, органъ богословскій и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50., считая въ томъ и пересылку.

Въ 1896 г. будетъ изданъ ВТОРОЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, съ приложеніемъ художественно исполненнаго красками снимка съ древнѣшаго изображенія лика св. Іоана Златоуста.

Новые подписчики, желающіе получить и ПЕРВЫЙ ТОМЪ, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ два рубля, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—8 р. (б) отдѣльно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) р.; съ приложеніемъ «ТВОР. СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—6 р. 50 к. за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

2—2

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LII, 1896 г. Январь, Февраль и Мартъ.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1—9, 152—176 . . . . . 263—288

II. ИЗЪ ЛЬВОВА ВЪ КОЛОМЫЮ. (Изъ путевыхъ записокъ фр. Рѣгоря). . . . . 10—31

III. ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. **Д. Вишневскаго.** 32—57, 177—208 . . . . . 309—334

IV. АВТОБІОГРАФІЯ СВЯЩЕННИКА АПОЛЛОНІЯ СЕНДУЛЬСКАГО. **Льва Мацѣевича.** . . . . . 58—77

V. СТРАНСТВУЮЩІЙ АРХІЕРЕЙ (1777—1778 гг). Протоіерея **П. Орловскаго.** . . . . . 78—100

VI. ВОСПОМИНАНІЯ О ФИРМѢ БРАТЬЕВЪ ЯХНЕНКО И СИМИРЕНКО. 101—114, 251—262 . . . . . 358—377

VII. ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ. **Ал. Лазаревскаго.** 115—127, 209—229 . . . . . 334—357

VIII. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. **Н. Васильева.** . . . 129—151

СТР.

IX. ЭПИЗОДЪ НА МОГИЛѢ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА. (Записка художника Честаховскаго). . . . . 230—241

X. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ НЕБЫЛИЦА. **О. Левицкаго.** . . . . 242—250

XI. СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ. **И. Стрижевскаго.** . . . . . 289—308

XII. АФАНАСІЙ ЗАРУЦКІЙ, МАЛОРУССКІЙ ПАНЕГИРИСТЪ КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII СТ. **Ор. Левицкаго.** . . . 378—398

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрья и примѣты, пріуроченные къ «Риздвянымъ Святамъ». **Ив. Бѣньковскаго.** б) Рождественская вирша. Сообщ. **В. Науменко.** в) Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи. Сообщ. графъ **Г. А. Милорадовичъ.** г) Черты изъ быта духовенства XVIII в. **И. Каманина.** д) Стихотвореніе П. П. Гулака-Артемовскаго. е) Мелкія извѣстія. ж) Шевченко въ народныхъ разсказахъ **А. Крымскаго.** з) Поминки по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 году. и) Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. Сообщилъ **М. Довнаръ-Запольскій** і) Къ исторіи Люблинской уніи. Сообщилъ **М. Довнаръ-Запольскій** к) Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII в. **Н. Б.** л) Нѣсколько данныхъ объ альманахѣ „Gwiazda“ (1846—49 г. г.) **В. Науменка.** м) Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie słowian. Сообщилъ **В. Науменко.** н) Лирникъ Василій Морозъ. Сообщилъ **Е. Чикаленко.** о) Записка о состояніи Подоліи въ 1843 году. **Мирона.** п) Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. **А. Л.** р) Списокъ докторовъ медицины изъ малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. **Гл. Л.** с) По поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. т) Объявленіе о подпискѣ на памятникѣ И. П. Котляревскому. 1—29, 51—65 . . . . . 79—106

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ.

СТР.

Вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣверной части уѣзда и статьи о говорѣ. **А. Крымскаго.** б) Евг. Ляцкій: Рецензія на «Бѣлорусское Полѣсье» М. Довнаръ-Запольскаго («Этнографич. Обозрѣніе» кн. XXVI, стр. 153—160). **А. Крымскаго.** в) Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. Н. А. Лащенко. **А. Л.** г) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Д. Тихомірова. д) Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись). Приготовилъ къ изданію дѣйств. членъ Орловск. учен. архив. коммиссіи А. Н. Лебедевъ по рукописи, ему принадлежащей. **Е. К.** е) П. В. Голубовскій Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. **В. А.** ж) П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка. **В. А.** з) Одесса 1794—1894 г. Изданіе Городскаго общественнаго управленія. 1895 г. **А. С—ча** и) Записки наукового товариства імени Шевченка. Видавництво присвячене науці і письменству украиньско-руского народу. Впорядкував Мих. Грушевскій т. VIII (1895, кн. 4). **Н. М.** і) Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. проф. Н. И. Петрова. К. 1895 г. **Ѳ. Титова.** к) В. А. Мякотинъ Крестьянское землевладѣніе въ полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра, подъ редакціей профессоровъ И. В. Лучицкаго и Н. Н. Карѣева. **Ник. Василенка.** л) Харьковскій Коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году. Священника Н. Стеллецкаго. **Ѳ. Титова.** м) В. Антоновичъ, «Археологическая карта кіевской губерніи» (приложеніе къ XV т. «Древности»), изд. Имп. Московск. Археологич. Общ. **Н. Б.** н) В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. «Древности»). Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общ. П. Г. 30—50, 66—78 . . . . . 107—134

КЪ РИСУНКУ. 79

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ концѣ книги)*. 1—6 . . . . . 1—6

стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1) о журналахъ 1896 2) о конкурсѣ, назначаемомъ редакціей «Кіевской Старины» 3) программа «Очерковъ исторіи Малороссіи». *(въ началѣ книги)* 1—54, 1—40 . 1—14

Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (209—224 225—240 241—256).

2) Любецкій Архивъ. (129—144).

3) «КАТЕРЫНА». (Рис. Т. Г. Шевченка).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповиданнія. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданнѣ С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Білорусія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Иванов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський. **Мыхайло.** Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Украінський Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ премія гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбецъ. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

и Лисенко и зъ дамъ гетманова, Радищева, Паскова, Борзниха и проч. и до вечора просидѣли.

Вовтор. 14. День былъ и ночъ подобніе, толко въ ночѣ зверхъ сходства въ воздухѣ, снѣжокъ маленкій припалъ. Сегодня у столу гетманского старшина енер. и я обѣдали, а вечерали и заговляли у насъ Кондзеровскій зъ женою.

Середа. 15. День былъ и ночъ зъ отлигою мокрою, и сегодня показалась перемѣна воздуха сухого на влgотній. Сегодня обѣдали у насъ асаулъ енер. Мануйловичъ зъ женою, протопопиха и п. Кондзеровская, а по обѣдѣ ходилъ до енерала и позабавивши тамъ, повернулся домой. Николай Товкаченко отпущенъ домой и велено ему и Прокопу Гончаренку готоватись въ дорогу Кролевецкую, а писано черезъ его до стар. 1) о Тимоху Степанченку, чтобъ ему житъ въ селѣ и возвратить ему забранное, опрочъ жита и сѣна половини; 2) посланъ къ нему пакетъ до архіерея чернѣг. и пункта на попа объ изслѣдованіи, когда грунтами завладѣлъ; 3) на Товкачу 1 р. 90 к. доправить, якіе онъ удержалъ отъ поборцовъ, взявши и отъ роздачи на жито удержавши.

Четвер. 16. День и ночъ были туманніе, зъ нѣкоторимъ малимъ дощикомъ, отъ чего начала вся земля мяктѣти и грязко становитись. На службѣ Божой были у Веригинской церквѣ, а по службѣ обѣдали у себе зъ родителми и съ нами ігуменія Глуховская и Худолѣй, по обѣдѣ заездилъ ко мнѣ п. Михайло и посидя отехалъ. Господарь, повернувшись зъ Сваркова, обявилъ, что зъ млина нового сварковского 2 четверти самого жита взялъ онъ и далъ Задулу (?).

Пятокъ. 17. День былъ хмарній, зъ густимъ дощемъ до вечора, а у вечеру снѣгъ и къ ночѣ пересталъ, а въ ночѣ морозъ и къ свѣту силній, что все померзло очинь. Матка отехала зъ Глухова до Туліголовъ, куда и жена поехала опроводить оную.

Субота. 18. День хмарний, холодний, воздуха знову сухого, а потомъ ажъ до вечора свѣтлій, ночъ свѣтла, вѣтряна и холодна воздуха сухого зъ крѣпкою стужею. Жестянку наклали другую модового сахару; для памяти запис. Составлена вѣдомость новая дачи

годовой отъ Крисковцовъ, зъ которой видно, что пахарей 60 и зъ онихъ приходитъ 77 р. 50 к., а жита и овса четверть. по 50 понурницкой мѣри, а бобилей 37, зь которихъ приходитъ 12 р. и съ тою вѣдомостю отправлени Климъ Прокопенко да Іванъ Товкачъ къ старостѣ, до котораго писано: 1) о присилкѣ сюда вѣдомости завладѣнних грунтовъ крисковскихъ посторонними; 2) о зборѣ по сей вѣдомости, 3) о виключкѣ отъ збору тихъ, которіи службою обовязани; 4) о присилкѣ сюда невода; 5) о разсмотреніи его надъ тими, что хлѣба на ихъ опредѣлить, зъ которихъ брать хлѣбъ не написано увѣдомити; 6) о доправкѣ прежнихъ зборовъ 1730-го году 1 р. 75 к., а за 1731 годъ 39 р. 47 к., итого за обидва 41 р. 22 к. Да жита за розданніе прошлого году, 30 р. и за нинѣшніе зъ 20 р. на 17 четвериковъ и денегъ 13 р. и 20 к. зъ людей.

Неделя. 19. День хмарній, вѣтряний, холодний велми, ночъ такъже хмарна и холодна. Сегодня у енерала обѣдалъ и дновалъ, ажъ до поздной ночи. Жена, опроводивши матку до Туліголовъ, повернулась.

Понедел. 20. День былъ также сухій, холодний велми и вѣтряний, ночъ еще холоднѣйшая Богоявленскихъ морозовъ. Сегодни дома обѣдалисмо и я нигде не бивалъ, а былъ у мене п. Михайло, а посидѣвши отехалъ. Козакъ зъ писмомъ отъ Клима пріехалъ, въ якомъ пишетъ, что по челобитной моей Лаврѣнъ Кодинець, вмѣсто брата своего, билъ въ допросѣ.

Вовтор. 21. День сей былъ подобний во всемъ вчорайшому, а ночъ такъже холодна, воздуха сухого, толкожъ до свѣта зъ полночи началъ ити снѣжокъ спорній и покрилъ до свѣта землю. Былъ я рано въ городѣ и по службѣ обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ билъ званъ до енерала, у которого долго въ ночъ просидѣлъ, у шахмати играючи. Жена на уплави свои женскіе силно заболѣла. Япѣшевскій посиланъ въ Есмань и привезлъ вѣдомость, что тамъ въ млинѣ розмѣрного, опрочъ мѣрочниковихъ мѣрокъ, жита четвертей 13 и 5 мѣрокъ, гречки четвертей 4, ячменю четвертей 2, мѣрокъ 2 (а гуменной гречки четвертей 7, овса

четвертей 7 и зъ того числа въ яму всипанъ овесъ увесь и гречка вся гуменная и розмѣрная). Такъже пшеницѣ у млинѣ мѣрокъ 6.

Середа. 22. День былъ хмаренъ, зъ ранку ажъ до вечора снѣгъ густий ишолъ и сегодня первая стала дорога санная. Рано жъ и до полдня било велми холодно, а зъ полдня до вечора отлигло. Ночъ также хмарна зъ отлигою, а зъ полночѣ вѣтеръ полнощний зъ стужею до свѣта. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріездилъ п. Михайло и посидѣвши отехалъ, а гетманъ зъ судіями были у генерала, для нѣкоторого дѣла, и после позно разехались.

Четвер. 23. День былъ хмаренъ и снѣгъ ишолъ до полдня, а сполдня переставъ и випогодилось въ ночѣ, морозъ силний до свѣта. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и до Радищева. Грекъ Дмитрій купилъ мнѣско (?) кагве, якое братъ п. Марко просилъ.

Пятокъ. 24. День былъ холодний велми, свѣтлій почасти и почасти хмаренъ, ночъ хмарна, холодніе, воздуха сухого, зъ полночи снѣгъ. Праздновани день тезоименитства государинѣ царевни Екатерини Іоанновни и подпіяхомъ у генерала. Писалъ я до Клима о дѣлѣ зъ Кодинцемъ и улику зде говоренную послалъ къ нему. Да писано жъ до его, чтобъ 2400 вовни старой вислалъ въ Кіевъ для продажи зъ масломъ. До стар. Перер. писалъ и копію купчой на яръ и стѣнку Воронину послалъ, чтобъ онъ по силѣ оной управлялся и ею владѣлъ, а тіе писма послани до п. Марка, чтобъ онъ въ Сухоносовку переслалъ. Зъ футора привезено овса и здано Степану осмухъ 47, четверичковъ 2 и 2 gарци, а четверичками ищисляючи всѣхъ четверичковъ 237 и 2 gарци.

Субота. 25. День былъ хмаренъ, сперва снѣгъ ишолъ, а потомъ отлигло, ночъ зъ отлигою исперва, а зъ полночи випогодилось зъ морозомъ. Рано явился мѣрочникъ Ясманскій зъ карбами и по ищисленіи онихъ карбовъ показалось, что за господарство Бузинскаго, отъ начала его, розмѣру принято зъ млина того по сее число: жита четвертей 133, гречки четвертей 18, ячменю четвертей 11, овса четвертей 3, пшеницѣ четвертей 2 и мѣрокъ 6, всего хлѣба четвертей 167 и мѣрокъ 6. Вѣжевскій пріехалъ зъ Сваркова и

обявилъ, что подданимъ Кутиру 50, Богомазу 80, Максиму Забарѣ 30, Івану Манжулѣ 30, Михаилу Литвиненку 100, Івану Бѣляку 10, Лукяну Плетюнцѣ 10, далъ гор. по алтину за то, что они въ козацкомъ шинку пили. Да онъ же вимѣрялъ сколко теперъ розмѣру налице въ Сварковѣ, а именно: мѣрокъ жита 36, гречки 18, овса 14. Да онъ же доправилъ на людяхъ за медъ, випитый дорогою тамъ, 6 р. безъ 5 к., да у Івана Артеменка 50 к. взялъ. Петру Шамушенку Княжицкому, за Степана Сварков. Двойника, 1 р. дано; Василю Шмуйлу на сей годъ дано 5 р. Вѣжевскимъ.

Неделя. 26. День зъ вѣтромъ холоденъ, сухого воздуха, хмаренъ зъ невеликимъ снѣгомъ, ночъ тиха, хмарна зъ болшимъ и сухимъ морозомъ. Рано былъ я у церквѣ ст. Анастасіи, а оттоль у дворѣ рейментарскомъ, а обѣдалъ у себе зъ женою, братомъ и Гапкою, а оттоль ездилъ до п. Михайла, а отъ него повернувшись, былъ у енерала и игралъ съ нимъ у пѣкетъ. Брата п. Михайла слуга Гаврило отехалъ въ Москву, черезъ которого писалъ я до Курбатова, а родитель до его и до князя Шаховского, да далъ я ему 40 червонныхъ на покупку коляски, шоръ цукга и футра шлямового песцового, о чомъ писалъ я до сестри и до Каратаева, да далъ я ему часи золотіе для перечистки, для придѣлки до оного двохъ стеколъ, да велѣлъ купить табаку картузъ, календаръ, чайниковъ глиняныхъ 2, да далъ ему для вимиття и поправки штановъ лосинихъ 2, рукавиць 2 пари и фуфайку лосиную, на что особливо далъ я ему 3 червонныхъ и на все тое далъ ему меморіялъ на писмѣ. Кирику, машталѣру, дали за службу его въ первое рубля.

Понедел. 27. Рано снѣгъ великій зъ силною метелицею и вѣтромъ, что и человѣка невидать было, толко жъ переходомъ, а по прошествіи хмаръ, ясно, холодно велми и вѣтряно, также и въ ночѣ ясно, холодно и велми вѣтряно. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ, у вечеру, ездилъ до п. Михайла, зъ которимъ и Покорскимъ посидѣвши, вечералъ у гетманского столу, а панѣ гетманова отехала въ Кучеровку. Романъ, стар. Тулиг., былъ,

зъ котораго реестровъ уписали въ господарскую книжку все, что на лице ему здано сего году, по ревизѣи, опрочъ горѣлки, и теперъ далъ я ему 5 р. на росходи.

Вовтор. 28. День былъ почасти свѣтлій, а посля хмарній, холодній, отъ якого холоду столпи на небѣ показивались, такъже и ночъ свѣтла, холодна. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Борзни, у которого доволно посидѣвши, повернулся домой позно. Янѣшевскій посиланъ въ Ясманъ для осмотру розмѣру и привезлъ вѣдомость, что отъ прежнего его тамъ осмотру, которому тижденъ, собралось розмиру тамъ: жита 9 четверичковъ, гречки 9, ячменю зъ овсомъ 5, всего 23, а прежнего осталного жита четверичковъ 9.

Середа. 29. День былъ хмарній зъ силнимъ морозомъ и ночъ таковажъ, зъ вѣтромъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а никуда не ездилъ.

Четвер. 30. День былъ подобній прежнимъ и вчорайшому, холодний, хмарний и вѣтрянъ. Ночъ таковажъ, якъ и вчорайшая, свѣтла и погодна. Были рано зъ поздравленіемъ у генерала, а оттоль у гетмана, обѣдали у Паска по тому, что онъ іменинникъ и подпіяхомъ, а оттоль заехали мы зъ п. Михайломъ ко мнѣ и посидя, отехалъ онъ во свояси. Грекъ Іотій отдалъ за склепъ 5 червонныхъ по 2 р. и 15 к., а еще остался виноватъ 10 р. 25 к., для того, что нанятъ оний билъ склепъ за 21 р., которому найму конець вчера, а Вѣжевскій отобралъ денги. Да онъ же отобралъ отъ Максима Забари 2 р., якіе онъ долженъ платить повсегодно; да отъ другихъ должниковъ—шинкарей—2 р. 90 к., итого у его денегъ 4 р. 90 к., опрочъ взятихъ отъ Іотія. До архіерея Кіевскаго отписалемъ, отвѣтуючи на его листъ, чтобъ повелѣлъ кому доводячіеся отъ мене денги по легацѣи Гурки (архіерея) 330 р. отобрать и писмо оное отдалемъ попу Кролевецкому отцу Алексѣю, поехавшому вчора въ Кіевъ.

М—ць Декаврій. Пятокъ. 1. День былъ вѣтряний зъ невеликимъ снѣгомъ, холодного воздуха, сухого, ночъ также холодна, вѣтрана, а день и ночъ хмарніе. Купили меду пудовъ 7 и фунт. 10, цена пуду по 7 зол., зъ деревомъ заплатили 10 р. 2 к.

Купили впервое жита четверикъ и полъ третѣ осмини, цена четверику 2 р. и 60 к., заплатилъ 3 р. 40 к. Вѣжевскій платилъ. Въ пріемѣ денегъ у Вѣжевского отъ октовр. 3 р., да сегодня были 40 р. 95 к., да зверхъ тихъ отъ шинкарей 2 р. 90 к., да отъ Максима Забари 2 р., якіе онъ погодно долженъ будучи давать, далъ, итого всѣхъ денегъ у его по сейчасъ било 45 р. 85 к.

Субота. 2. Рано на службѣ божой у ст. Михайла били родитель и я, оттоль заходили до квартери городовой енералской, где видѣли печи новоманѣрно подѣланніе; оттоль повернувшись, обѣдали у себе. Приказъ далъ господареви о доправкѣ жита на сабичевцяхъ, ясманцяхъ и веригинцяхъ, или чтобъ отробили намъ. Такъже о доправцѣ жита зъ другихъ зъ Демяномъ, чтобъ онъ въ Пироговку заездилъ, а другій приказъ Демяну далъ, чтобъ онъ сискалъ все жито и овесъ зъ за Клевенѣ, чтобъ доправлялъ зъ господаремъ жито жъ зъ протчіихъ, такъ же чтобъ зъ войтомъ доправляль зъ Сварковціовъ. А Тарасу приказалъ сторжитись и нанять склепъ греку, да зъ Вѣжевскимъ покупать жито. Да направить и поддѣлать слупъ и шворенъ желѣзний у моей свѣтелцѣ. Зъ заклевенскими людми приказалъ ехать Демяну обявить ихъ поступку нинѣшную войту Лакису, тоесть, чтобъ винніи отдавали жито и овесъ, а неимущіи далибъ на себе писмо, объ отдачи оного у придучой осени зъ нароскою. И поехалемъ зъ Глухова въ Тулиг., куда пріехалъ позно, затимъ что дорога худа, за великимъ снѣгомъ и метелицею. А день былъ хмарній, холодній, вѣтряний, метелиця ишла до вечора, у вечеру отлигло и въ ночѣ, а къ свѣту морозъ жестокій. У Тулиг. горѣлки 9 куеъ, 10 у носатку, неполно толко, а староста говорилъ, что жита еще овинъ зъ 4 неподоченого есть, которого будетъ четвертей на 26 на горѣлку. Женѣ на куплю жита оставилъ червоннихъ 25.

Неделя. 3. День былъ хмарній и снѣжній, холодний, ночъ также хмарна зъ жестокимъ морозомъ, а отъ полночи сталъ снѣгъ ити и зъ великимъ вѣтромъ до свѣта. Миколай Товкаченко зъ Михалченкомъ и зъ Прокопенкомъ отправлени въ Кролевець прускій, которимъ дано на покупки и дорогу 135 червоннихъ, да 3 р.,

коней трое, сало, мука и крупъ гречанихъ; о 3 р. денегъ и о дачѣ имъ носатки гор. писалъ до стар. крисковскаго, а имъ що покупать данъ особливий на писмѣ приказъ, которого копія зде приложена. Вѣжевскому далъ я приказъ о покупцѣ жита и доправкѣ на оное денегъ отъ грека Іотія, отъ Сварковціовъ, отъ шинкарей и требовать у панеи. За неделю бить въ Ясманѣ и перемѣрить розмѣръ и въ Сварковѣ, отколь розмѣръ—въ Глуховъ перевезти. За соль пудъ по 20 к., если нелзя дорожше сторговавшись, тіе денги употреблять на жито, а продать зъ 400 пуд. Горѣлку на праздникъ въ Сварковѣ роздавать Михайлу при немъ. Фурманъ и пристава въ Царицинъ пропитовать и уговорувать. Склепъ нанять и окутать. Тютюнъ отъ тютюнника отобрать и дать ему 1 р. Камень до млина Сварковского сискать зъ пастовника. По обѣдѣ зъ Тулиг. поехавши, пріехалъ на ночъ въ Мутинъ и сталъ въ дворѣ гетманскомъ.

Понедел. 4. День былъ хмаренъ и сперва зъ отлигою, а потомъ зъ морозомъ и зъ силною метелицею до ночи, а зъ ночи до самого свѣта, отчего премного снѣгу прибавилось, что конѣ брили въ снѣгу, якъ ехалъ. Рано поехавши зъ Мутина, а переведши конѣ и санѣ черезъ Сеймъ, который за напавшимъ великимъ снѣгомъ по многой части незамерзлъ, пріехалъ о полднѣ въ Конотопъ и сталъ квартерою у дворѣ Іосифа Валіоватого (т. е. Костенецкого), сотника конотопского, где обѣдалъ и за силною метелицею и ночовалъ.

Вовтор. 5. День былъ холодний зъ снѣгомъ и метелицею и вѣтромъ, у вечеру пересталъ снѣгъ и вияснилось. Ночъ тиха, безъ вѣтру, свѣтла зъ жесточайшимъ, и почитать въ первое толь силнимъ морозомъ. Рано поехалъ зъ Конотопа и пріехалъ въ Карабутовъ, отстоящій въ 24-хъ верстахъ, где и обѣдалъ, а квартерою стоялъ у попа Іоанна. По обѣдѣ поехалъ и пріехалъ въ Хмѣловъ въ 21 верстахъ отстоящое село, где и ночовалъ.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, тихій съ такимъ жестокимъ, якъ и въ ночѣ морозомъ, а ночъ хмарна зъ великимъ вѣтромъ и зъ стужею зѣлною. Рано зъ Хмѣлова ехалъ до Ромна 2 часа и пріехалъ гораздъ передъ службою и засталъ матку позавчора пріе-

хавшую зъ Шабалинова, зъ которою и обѣдалъ, а подъ часъ обѣда братъ Марко зъ Лубенъ пріехалъ и прокуликали такъ увесь день.

Четвер. 7. День былъ хмарній, вѣтряний велми зъ жестокимъ очинъ морозомъ. Ночъ тиха, свѣтла зъ такимъ же жестокимъ морозомъ. Рано зъ Ромна поехалемъ и хочай кружно ехалъ до Андрѣевки, для того что противъ Андрѣяшевки на гору поднялся, однакъ болше 3-хъ часовъ не ехалъ, а зъ Андрѣевки пріехалъ у футоръ свой Артополотскій, где и ночевалемъ. Осмотрувалъ дойла, которого есть 6 фасокъ масла, а кадовбъ и 3 дѣжки сира, и масла половина гладуша. Приказалъ я Алексѣеви вислать виправу въ Глуховъ, а именно: пшона 12 четвериковъ, тютюнъ чили табаку всю, которой зъ тисячу и съ оною тютюнника, такъже дойво, вовну и гусаковъ скилко опатривши, а не живцемъ, да велѣлъ ему зъ Тимошемъ бить въ Ромнѣ и привесть коня, тарадайку, а Тимошъ за то, что оставилъ конѣ и пошелъ въ Роменъ, наказанъ. Получилъ я листъ отъ стар. Перервинского, въ якомъ обявляетъ, что возъ, посиланний у Волощину, повернулся зъ соллю, а привезлъ дробовъ 18, пчоли на зиму оставилъ вь футорѣ 87. Тютюну 1000 папушъ. У футорѣ посѣяли жито, на придучое лѣто, 15 четвер. роменскихъ.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтлій тихій зъ жестокою стужею, а съ полдня хмарно стало и маленко будто отдало, у вечеру иней великій. Ночъ холодна зъ силнимъ вѣтромъ, хмарно, до свѣта вѣтеръ. У футорѣ моемъ Артополотскомъ о вишеписанномъ вчора приказавши, поехалемъ сегодня, рано и пріехалъ у Токарѣ часовъ у два, скоро едучи, а въ Токаряхъ отдохнувши, пріехалъ въ Лохвицю и заехавши до тіотки п. Павловой, позабавилъ у неи зъ нею, такъ же сотникомъ лохвицкимъ Степановичемъ, которий визиту мнѣ отдалъ, и Яковомъ Литвишкомъ, которій теперъ пріишолъ зъ Астраханѣ и сказивалъ о нашихъ людяхъ, что живи у Бацѣ, а потомъ отехалъ и пріехалъ позно въ Сухоносовку, на ночлѣгъ.

Субота. 9. День былъ свѣтлій, тихій, холодний велми, ночъ такова жъ. Обѣдалъ я у Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ поехавши пріехалъ до Лазурокъ села, за 3 часа, где и ночевалъ. Горѣлки

въ імбарѣ било зъ купленного жита 7 носатокъ. Пчоли, по сказкѣ пасѣчника, у імшаникъ вставлено 945, а меду дѣжокъ 3 болшихъ, а четвертая меншая, якъби у 8 вѣдерокъ.

Неделя. 10. День былъ свѣтлій сперва и холоденъ и тихъ, а передъ полднемъ хмаренъ и до вечора однако жъ холоденъ и зъ вѣтромъ, отъ вечора и въ ночѣ отпустило, иней великій билъ и вѣтеръ показался, къ свѣту тисше стало а хмарно. Зъ Лазурокъ ехалъ до Овсюковъ годину 1 и мѣн. 20 милю, а въ Овсюкахъ ставши на квартерѣ у попа Стефана и служби Божой вислухавши, отехалъ и ехалъ до Перервинець по узъ 3 брати долини називаючіеся, а ехалъ часовъ 2 безъ четверти, миль зо двѣ, и пріехалъ о полъ днѣ въ Перервинцѣ, где и ночовалъ. Засталъ лежачого старосту отъ побиття Семеномъ Василенкомъ учиненного батожжемъ, отъ которого бѣжучи онъ домой ногу свою отморозилъ. .Сѣна на статокъ и стадо и овци издержали зде 12 скиртъ.

Понедел. 11. День былъ хмаренъ, однако жъ холоденъ, толко зъ великимъ инеемъ, отъ чего снѣгъ пошкорупѣлъ. Ночъ такъже хмарна зъ инеемъ же и вѣтряна. Сегодня въ Перервинцяхъ вылучилисмо стрижаковъ, стрижокъ и лошатъ всѣхъ сеголѣтнихъ, якихъ всѣхъ числомъ 90, вилучивши опредѣлили онихъ держать въ повѣтѣ, въ дворѣ и придали до нихъ особливого человѣка, а ему за тое до воскресенія, що будетъ смотрѣть, плати рубль 1. Да вилучили теперъ зъ стада четвертаковъ, да третяковъ 15 коней, чтобъ ихъ отогнать въ футоръ Гамалѣевскій и тамъ ихъ кормить, а прежними двома рази взяли тожъ въ ежджаліе коней 5, итого всѣхъ 20 вилучанихъ отъ стада, а по ищисленію прежнемъ доводится при стадѣ бить ишаковъ 3. Да опредѣлили жъ взять отсель шестерню воронихъ молодшихъ и каштановатого лисого, а оставить толко тутъ дригантовъ старихъ 7, да молодій, которій недавно визалозовавъ 1, да сивого верхового, всѣхъ 9. Да усмотрѣно старостино нераденіе въ исполненіи данного ему приказу, а именно, что станѣ не поширшалъ, коней доселѣ овсомъ не кормилъ, загороди зъ повѣттю для стаднини не здѣлалъ. Дякъ Перервинскій виписалъ зъ реестровъ старостинихъ вѣдомость о сѣнѣ 1732 году до пора-

хунку пѣщанского. Староста роздалъ на коповое сѣно панскихъ 20 р., а шинкарскихъ 4 р. А по порахунку Клима Пѣщанского, тотъже староста роздалъ шинкарскихъ 4 р. 50 к., да при порахунку тамъ отобралъ староста у Клима 10 р. и оніе роздалъ, итого всѣхъ денегъ стар. роздалъ на сѣно коповое 38 р. и 50 к., а уробилъ 38 скиртъ. А поденщиками косячи витратилъ денегъ 20 р. 67 к., а уробилъ 13 скиртъ. Третячку дали цигану за 1 р. до Успенія, а ступака подарилъ молодикамъ, якого они продали за 3 р.

Вовтор. 12. День былъ хмарний, холодний велми и почасти вѣтряній, ночъ такъже холодна, къ свѣту ясна и погодна. Висшеписанное въ Перервинцяхъ устроивши и цуговихъ коней старихъ 5, да шестого тарана, да лошаковъ неезжалихъ 15, да одного коштановатого лисого, всѣхъ съ ежджалими и неежджалими 22, погнали съ Перервинець къ футору Артополотскому, а потомъ и самъ я приказавши старостѣ о нижеписанномъ: 1) Чтобъ дрикгантовъ и верхового сивого овсомъ невѣянимъ, для неимѣнія сѣчки кормить, а досматривать Лисому онихъ; 2) да лошатъ съ стрижчатами 90 смотрѣть другому до воскресенія паробкови, за что ему рубль; 3) Взамѣну до часу поколь иншая стѣнка сищется, велѣлъ дать за Чичканеву тую, что отъ попа досталося Чичканю, а тамъ бы гребелку засипать на ставъ и для футора; 4) да что Василь Крутень у оного Чичканя отнялъ стѣночку, велѣлъ оному Чичканеви искать; 5) шинкару за.... Глуховскую куфу, еще шинкуючуюся, гроши велѣлъ собирать и у дворъ довать на росходъ и впредъ не на що не давать, опрочъ на косовицю впредъ, 6) да Крутневи приказалъ повседневно бивать у дворѣ и осмотрувать стада и лошатъ, и буде что усмотритъ худо, о томъ старостѣ обявлять и старостѣ дѣлать исправленіе совѣтно съ нимъ. Приказавши о висшеписанномъ, поехалъ я съ Перервинець и переехавши Овсюки, обѣдалъ у Лазуркахъ, а зъ Лазурокъ пріехалъ до Сухоносовки, уже по заходѣ слонца, и припозно для того, что у лугъ били заблудили. У Сухоносовцѣ засталъ Клима, повернувшогося зъ Кривой Руди, который обявилъ о своемъ дѣлѣ, что по суду полковомъ велено сотникови Кодинцеви снести загороду, а на лукахъ тихъ, которими я до 1729-го году

владѣлъ, статку ему своего не держать, о чомъ и декретъ составленний видѣлъ.

Середа. 13. День былъ вѣтряний зъ метелицею и хмарній, а потомъ ясний, холодний, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна, толко жъ холодна и къ свѣту ясна и зъ морозомъ. Сей день пробавилъ я у Сухоносовцѣ, куда пріехалъ ко мнѣ писаръ полковий Савѣцкій, зъ которимъ обѣдали и просидѣли, а по отездѣ его и я виехалъ зъ Сухоносовки и пріехалъ у Лохвицю позно уже и ночовалъ у панеи Павловой. У Сухоносовцѣ горѣлки зъ жита Клим. куплѣ 12 носатокъ. Зъ писаремъ постановили такъ, чтобъ Климъ ехалъ на Кривую Руду и тамъ декретъ обявивши и листъ сотникови вручивши о исполненіи декрету, устроилъ тамъ дворника доброго и справного, а писаръ имѣлъ написать унѣверсалъ отъ пана полковника о послушенствѣ онихъ слобожанъ и тотъ унѣверсалъ послать въ Глуховъ до подпису. Висилать въ Кіевъ зъ дуйвомъ, якого всего, яко вижу, будетъ фасокъ 13 кривор. а перер. 2 и гладушъ, да сира 8 куфъ и 4 дѣжки. Да вовни старой рунъ зъ 400. Такъ же приказалъ висилать въ Глуховъ вовну порер. и Криворуд. ярачую, хмѣль, тютюнъ и проч. У Лохвицѣ увидѣлъ я Григория Тура, которій сказивалъ, что Архипъ зъ товарищи живи и прошлой зими у Гилянѣ зпродали гор. 30 куфъ и табаку щось, а объ Вознесеніи пріехали моремъ у Баку, где Архипъ единъ остался зъ половиною вина, а зъ другою половиною тіе два у Дербень поехали для продажи. У Бацѣ вѣдро полтора рубля, а у Дербенѣ по 2 р., ручка тютюну по 6 а. и по 20 к.

Четвер. 14. День былъ холодний, назбытъ ясенъ зъ вѣтромъ жестокимъ. Ночъ такъже ясна, вѣтряна, а найпаче къ свѣту и холодна. Сегодня въ Лохвицѣ написалъ я писмо до Клима о виправѣ въ Кіевъ и приложилъ подорожний листъ, а оное писмо въ ратушъ переслалъ для отсилки въ Сухоносовку, а самъ поехавши, обѣдалъ у Перекопувцѣ, а ночовалъ у Ромнѣ, где братовъ обоихъ Семена и Марка зъ женою, да особливе родителку засталъ.

Пятокъ. 15. День былъ спервa свѣтелъ, вѣтрянъ велми, холоденъ, а къ вечору тихъ и свѣтелъ. Ночъ свѣтла, тиха, холод-

на, жестокимъ морозомъ, а къ свѣту вѣтеръ великій. Писалъ я до Клима и въ дополненіе къ прежнему приказу, где 16 пунктовъ имѣется приложилъ слѣдуючіе: 17) тютюнъ въ Глуховъ зъ виправою висилать, а тютюнника отъ тяглостей уволнить, да другого тютюнника въ Криски винайти прислать; 18) Осикъ купить и роздать людямъ, а съ нихъ уробить 200 улей; 19) меду середнего дѣжку зъ 4-хъ сухоносовскихъ прислать у футоръ для пчоли; 20) сироту хлопця прислать зъ виправою въ Глуховъ; 21) Кабани побить, сала подѣлать и ветшину, а укинуть зъ 15 хочай прикупивши; 22) у футорѣ Артопол. зраховать Павла дворника зъ аппробацѣю, а особливе о шкурахъ. Шинкарка Калиновская была, которой куфу по ея требованію, уступили гор. на вишинкъ за 10 р. Поехалъ я зъ Ромна до Хмѣлова и ехалъ зъ полъ 3 часа верстъ 19, а отъ Хмѣлова до Карабутова верстъ 22, такъже зъ полъ 3 часа, где и ночовалъ у попа Іоанна, зъ братомъ его попомъ засулскимъ Евстафѣемъ.

Субота. 16. День былъ хмарний, холодний велми такъже вѣтряний и около полдня зъ метелицею, а къ вечеру вияснился и вѣтеръ утихъ, такъже и черезъ ночъ, толко жъ зъ жестокимъ морозомъ. Рано зъ Карабутова поехавши, пріехалъ въ Конотопъ до дому сотничого, где квартеровалъ и обѣдалъ, ехалъ часовъ 2. А по обѣдѣ поехавши, пріехалъ въ Мутинъ по заходѣ слонца, а ехалъ часовъ 2 и полъ и тамже ночовалъ. У Конотопѣ явился сынъ сотника Сосницкого Омеляновича, повернувшійся зъ Баки и сказалъ; 1) что Архипъ продалъ зъ куеъ у Гиляни гор. и табаку щось; 2) зъ остаткомъ пріехалъ у Баку, где оставилъ при себѣ куеъ зъ 7 простой, а оковитой зъ 2, осталную всю виправилъ при Трохиму и Андрѣю у Дербень, где государевого вина не стало и збувавъ по 2 р. вѣдро, а фунтъ тютюну по 2 гривни и что колдру за 12 р. купилъ.

Неделя. 17. День былъ хмарній зъ силнимъ вѣтромъ и морозомъ, ночъ такъже хмарна и холодна презѣлно. Рано передъ свѣтомъ виехалъ зъ Мутина, а ехалъ до Ярославця часовъ 2 зъ четвертю, а зъ Ярославця зъ полтретя часа и пріехалъ въ Глуховъ передъ

службою, а службы Божой слухалъ у церквѣ ст. Николая, по службѣ у ясневелможного гетмана обѣдали и подпіяхомъ жестоко, для тезоименитства его.

Понедел. 18. День былъ такъже хмарній, холодний безмѣрно и вѣтрянъ, къ вечору вияснилось, ночъ свѣтла, тиха, холодна безмѣрножъ. У гетмана праздновали день рожденія государинѣ цесаревни Елисавеѳи Петровни, а у мене гостилъ Бурковскій. У вечеру ездилъ я до п. Петра Апостола, пол. Луб., на Бѣлоголовку, где доволно посидѣвши, повернулся домой. Зъ футора Артополотского Гамал. прійшла виправа и привезено сира кадовбъ и дѣжокъ 3, масла фасокъ 6, вовни старой чорной рунъ 40, бѣлой старой вовни рунъ 63, ярочой бѣлой рунець 56, тютюну папушъ 1189, пшона у 5 мѣхахъ путив. 29, что Вѣжевскій у Сварковѣ и зложилъ, а тутъ оставили вощинъ мѣхъ, гусей 9 и индикъ 1.

Вовтор. 19. День былъ зъ силнимъ и густимъ инеемъ для безмѣрной и впервое толь великой стужи. Ночъ хмарна почасти, а вѣтряна велми вѣтромъ полуденнимъ, толко жъ холоднимъ. Писалъ я писмо до п. Ханенка въ С. П. Бурхъ, черезъ Александра Арсеніева, которій сегодня поехалъ, а писалъ, благодаря его за писмо же. На службѣ божой билъ у церквѣ ст. Іліи, обѣдалисмо въ дому зъ род., зъ хати той, где родитель и где братъ загорѣлась била за пѣччю стѣна, которую заледво погасили все пороскидавши. Пива зваренніе у Ямполѣ привезенни Василемъ Великимъ зъ 6 четвертей ячменю, да одной четверти жита, да 2-хъ четверичковъ проса, бочокъ не много болше 4-хъ, да пятая квасу.

Середа. 20. День былъ хмарний зъ отлигою знатою, тихій и ночъ такова жъ. Полковникъ Миргородскій Павелъ Апостолъ зъ братовою своею, полковницею Лубенскою, поехали сегодня зъ Глухова въ Смоленскъ для винайденія ему невѣсти. Купилъ я у грека Петракѣя Нѣжинского дуклѣ локот. 11, по 30 к. локоть, плев (?) плотной дуклѣ локоть 8 и пол. 60 к., полштофу зеленого 13 локоть, по 55 к., оксамиту венецкого полъ локтя за 7 зол., стіонжокъ локоть 30 по 2, за все заплатилъ 17 р. 90 к. Да онъ же зъ Юріемъ росквѣтались со мною за сей годъ, а на прійшлій

дали вновъ облѣкъ, а срокъ тотъ же декавр. 1-го дня и Юрій отъ себе далъ 17 червон. и 5 р. зъ полтиною всѣхъ на рублѣ 43 р.

Четвер. 21. День былъ хмарній такъже зъ отлигою и ночъ такова жъ, зъ неболшимъ вѣтромъ. Степанъ Костенецкій, которому я въ Gданскъ давалъ сребра францѣберу самаго полфунта, да 5 червонныхъ, повернувшись былъ у мене и привезлъ чарокъ горѣлчанихъ 12, 6 зъ моего сребра, а 6 зъ gданского, въ которихъ ваги лотовъ 35 и полъ, да млинокъ на кагве, тамъ купленний за 5 зол. тамошней монети. Черезъ подводи калиновскіе послани 2 куѳи гор. зъ Тулиголовъ у полъ 9 носатки обѣ, а порозни въ одной нос. полняти безъ четверти, а въ другой нос. по 5 и третья доля четверти, итого нос. 9 безъ 20 квартъ; о чомъ я и до брата Марка писалъ, чтобъ оную принялъ и держалъ цѣло. Березнячій пріехалъ зъ Крисіокъ зъ 7 подводами, на которіи жита отпустили въ слѣдуючій пятокъ. Онъ же привезлъ писмо отъ швакгра п. Якова о денгахъ 36 р., за мой тютюнъ доводячихся, что онъ искать будетъ оніе вишукать у Рожовця, стар. бившого своего любецкого, а теперъ терця и привезъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 22. День былъ хмарний зъ отлигою жъ, подобній прежнимъ и еще мокрѣйшій, для того, что и дощъ, хочай невеликій, толко жъ густий ишолъ и пересталъ скоро, а вѣтеръ билъ до вечора и черезъ ночъ. Вѣжевскому на куплю жита до даннихъ 2-го декавр. 25 червонныхъ придалъ теперъ еще 10 червонныхъ, итого 35 червонихъ далъ на жито, якое теперъ онимъ и Тарасомъ покупалось. Старостѣ тулиг., которій сюда пріехавъ и привезлъ кабановъ 4, даленъ на росходъ 6 р. и съ нимъ жита отпустили четвертей 4. Зъ Березнячимъ отпустили жита въ Криски разного збору, что въ другомъ імбарѣ, 14 четвертей.

Субота. 23. День былъ хмарній, вѣтряний и дощоватъ зъ густимъ дощемъ, ночъ такъ же хмарна и велми вѣтряна, воздуха растворенного мокротою. Причащались родитель и я Ст. Тайнамъ у церквѣ енералской и обѣдали въ дому, никуда неездили.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний зъ густимъ снѣгомъ пластоватимъ и зъ дощемъ, которій къ вечору пересталъ, а вѣтеръ

силний зъ полночи показался, а въ ночѣ утихъ и сталъ къ понеделку силний въ ночѣ морозъ и ночъ свѣтла тиха и ясна. Били у енерала род. и я и кушали и подпіяхомъ для пріехавшого къ нему гостя Алексѣя Івановича Панѣна генерала маіора, который къ нему въ гостѣ пріехалъ съ Москви.

Рождество Х—во Понедел. 25. День былъ тихій, свѣтлій, но зъ жестокимъ морозомъ, ночъ хмарна, но зъ такимъ же морозомъ, тиха. Били у генерала и у гетмана съ поздравленіемъ и род. обѣдалъ у гетманского столу, а я у себе, для болезни женѣ приключившойся уплавовъ, а у вечеру ездилъ до п. Михайла, у которого просидѣлъ и вечералъ у столу гетманского. Гаврило слуга брата п. Михайла пріехалъ съ Москви.

Вовтор. 26. День былъ зъ отлигою и зъ снѣгомъ и метелицею, ночъ такъже зъ вѣтромъ и зъ отлигою мокрою. Обѣдалисмо обое зъ женою у столу гетманского, а по обѣдѣ ездилемъ зъ п. Петромъ, п. Михайломъ до енерала, где играласмо у кадрилѣю зъ моимъ все проиграшомъ.

Середа. 27. День былъ зъ знатнѣйшою отлигою мокрою, что уже гораздъ снѣгъ сталъ таяти и капать зъ стрѣхъ и зъ вѣтромъ влажнимъ. Ночъ такова жъ якъ и день. У службѣ билъ въ церквѣ ст. Николая и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ п. Петро и п. Михайло били у мене и забавляючись просидѣли и розехались. У церквѣ ст. Николая по криласамъ пѣвчіе многіе отъ архиерея Кіевского и другихъ присланние къ гетману по его требованію для двора государинѣ, израдно пѣли.

Четвер. 28. День былъ зъ малимъ морозомъ, хмарній однакъ и почасти тихъ, таковажъ и ночъ. Былъ я рано у церквѣ ст. Николая на службѣ, а обѣдали у полковника Радищева, для того что его новорожденная дочь сегодня крещена била, которой воспріемниками были енералъ и гетманова и потому банкетъ онъ у себе имѣлъ и подпіяхомъ. Племѣнница жени моей сестричная Журавковна умре.

Пятокъ. 29. День былъ подобній вчорайшому, толко зъ болшимъ вѣтромъ, такова жъ и ночъ. Сегодня никуда неездилъ для приключившогося мнѣ катари въ персахъ; обѣдалисмо зъ родите-

лемъ, а жена у столу гетманского. Получилемъ писмо зъ Баки отъ Архипа писанное, въ которомъ обявляетъ, что осталось гор. еще простой 19 куѳъ, а двойной 8 куѳъ. Гаврило слуга брата п. Михайла за данніе ему 93 червонныхъ привезлъ зъ Москви карету зъ станками обома купленную за 47 р. зъ полтиною, а ставшую въ 56 р., да шоръ цукъ въ 16 р., за часи направленніе и за стекла 2 р., за табакъ картузній фунт. 2 1 р. 40 к., за вимитте двохъ штановъ, фуфайки 1 р., а 13 р. и 58 к. отдалъ.

Субота. 30. День билъ подобній прежнимъ хмаренъ, мокроватъ и вѣтрянъ почасти, ночъ такова жъ, безъ вѣтру толко. За шевця Леска тому, что оного сискалъ въ доплатку прежнихъ денегъ далемъ отъ себе черезъ Вежевского 1 р. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а жена передъ обѣдомъ поехала въ Новгородокъ для погребенія преставлшойся своей племѣнници сестричной Журавковни, а у вечеру ездилъ я до п. Михайла, оттоль до п. полковника лубенского, у которого доволно посидѣвши повернулъ я домой. Хощихѣ прежде сваркавской, а теперъ глуховской жителцѣ за грунтъ сварковскій у Конона купленний заплатилъ 2 р., для того что ей долженъ билъ Кононъ давать зъ грунту того погодно четвертую долю для препитанія ея.

Неделя. 31. День былъ подобній прежнимъ, хмаренъ, вѣтренъ мокроватъ, ночъ такова жъ была, якъ и день. Рано былисмо зъ родителемъ у генерала, которого невидѣли за приключившоюся генералшѣ самой болѣзнею, и оттоль были на службѣ у ст. Анастасіи, а я обѣдалъ въ дому, род. у гетманского столу. У вечеру пріехала матка зъ братомъ Лукою у Глуховъ.

1733 годъ. Януаръ м-цъ.

Понедел. 1. День былъ подобній прежнимъ, зъ болшимъ теплomъ, хмарний, вѣтрений и дощеватъ, около и по полднѣ вияснился, толко жъ безъ морозу, ночъ вѣтряна вѣтромъ силнимъ, безъ морозу, хмарна. Вѣжевскому на куплю жита далемъ 13 чер. и 9 р. Бидисмо зъ род. рано у енерала зъ поздравленіемъ, а потомъ у гет-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ІСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LIII

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1896.